

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Максимец Сергей Викторович

**ЦЕННОСТИ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО СООБЩЕСТВА В ЗЕРКАЛЕ
ФРАЗЕОЛОГИИ**

Специальность: 10.02.19 – теория языка

Диссертация на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель –
доктор филологических наук,
доцент С.М.Кравцов

Ростов-на-Дону – 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО ФОНДА ЯЗЫКА	12
1.1. Фразеологическая единица в системе языковых знаков	12
1.2. Идиоэтнический аспект фразеологии	19
1.3. Аксиологический аспект фразеологического фонда языка	33
1.4. Антропоцентризм фразеологии	42
1.5. Когнитивная ценность фразеологии	47
Выводы по главе I	56
ГЛАВА II. ФРАЗЕОЛОГИЗМ КАК СРЕДСТВО РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЦЕННОСТЕЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО СООБЩЕСТВА	59
2.1. Семантика фразеологических единиц как средство репрезентации лингвокультурных ценностей	61
2.2. Репрезентация ценностей посредством лексико- грамматического состава фразеологизма	77
2.2.1. Ценностная характеристика фразеологических единиц с точки зрения лексического состава	77
2.2.2. Ценностная характеристика фразеологических единиц: структурно-грамматический аспект	87
2.3. Актуализация системы ценностей в образной составляющей фразеологизмов	90
2.4. Межъязыковые фразеологические омонимы: парадигма ценностей	116
2.5. Фразеологические единицы, выражающие когнитивные различия: национально-культурная система ценностей	125

Выводы по главе II	130
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	136
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	141
ПРИЛОЖЕНИЕ	159

ВВЕДЕНИЕ

В эпоху бурного развития межкультурной коммуникации идиоэтнический колорит конкретного национального языка представляет собой неисчерпаемый интерес для лингвистов. Исследование языка через призму отражения в нем национально-культурного опыта его носителей позволяет лучше понять историческое прошлое, духовную жизнь, ценности, менталитет, обычаи, традиции определенного этнического сообщества. Особое значение в этой связи приобретает изучение фразеологического фонда языка, ибо многочисленные из формирующих его единиц обладают компонентным составом, семантикой, внутренним образом, отличающимися национально-культурной окраской. Анализ данных конститuentов фразеологических единиц (ФЕ) дает возможность извлечения из фразеологии аксиологической информации, предполагающей рассмотрение такой стороны духовной жизни социума, как система его ценностей.

Изучение фразеологического фонда конкретного языка в аксиологическом аспекте, основывающееся на его анализе с точки зрения отражения в нем ценностей этнического сообщества, является одной из важных проблем современной лингвистики и носит универсальный характер. С целью ее решения в работе предлагается лингвистический инструментарий, при помощи которого извлекается аксиологическая информация из фразеологического фонда национального языка. Он заключается, прежде всего, в анализе основных конститuentов ФЕ, обладающих идиоэтническими особенностями, – семантики, лексико-грамматического состава, внутреннего образа. Для обеспечения более объективной и разносторонней оценки полученной аксиологической информации возможности предлагаемого лингвистического инструментария демонстрируются на примере фразеологии двух языков: русского и французского. Исследование фразеологического фонда разных языков позволяет установить универсальное и идиоэтническое в парадигме ценностей различных

лингвокультурных сообществ. Необходимость и важность для науки изучения фразеологии с целью выявления национально-культурного образа того или иного этноса, в частности, сформировавшейся в нем парадигмы ценностей обуславливает **актуальность** данной работы.

Объектом исследования является фразеологический фонд русского и французского языков.

Предметом исследования служит парадигма ценностей лингвокультурного сообщества (русского и французского), репрезентирующихся во фразеологическом фонде языка, носителем которого оно является.

Материалом исследования послужила картотека русских и французских фразеологизмов, собранная посредством их сплошной выборки из таких лексикографических источников, как «Фразеологический словарь русского языка» под редакцией А.И. Молоткова, «Большой фразеологический словарь русского языка» под редакцией В.Н. Телия, историко-этимологический словарь «Русская фразеология» А.К. Бириха, В.М. Мокиенко, Л.И. Степановой, «Словарь русского языка» С.И. Ожегова, словарь «Фразеологизмы в русской речи» А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко, словарь-справочник «Русская фразеология» Р.И. Яранцева, «Словарь-тезаурус современной русской идиоматики» под редакцией А.Н. Баранова, Д.О. Добровольского, «Словарь фразеологических синонимов русского языка» В.П. Жукова, М.И. Сидоренко, «Иллюстрированный толковый словарь иностранных слов» Л.П. Крысина, «Фразеологический словарь русского языка» И.В. Федосова, А.Н. Лапицкого, «Новый большой французско-русский фразеологический словарь» под редакцией В.Г. Гака, «Учебный французско-русский фразеологический словарь» Г.Г. Соколовой, О.И. Трусовой, В.С. Лугового, «Учебный русско-французский фразеологический словарь» А.И. Молоткова, М.-Л. Жост, «Лингвистический энциклопедический словарь» под редакцией В.Н. Ярцевой, «Французско-русский словарь фразеологических соответствий» С.М. Кравцова,

«Dictionnaire des expressions et locutions» (Le Robert), «Dictionnaire des locutions françaises» (Larousse), «Dictionnaire des expressions idiomatiques» M. Ashraf и D. Miannay, «Dictionnaire des locutions et des expressions» M. Sommant, «Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française» (Le Robert).

Материал исследования содержит 1469 парных и непарных (лакунарных) ФЕ (из них 664 русские и 805 французских), зафиксированных во фразеологических, толковых и двуязычных словарях и отобранных с учетом национально-культурных особенностей семантики, внутреннего образа или лексико-грамматического состава.

Цель настоящей работы – исследовать фразеологический фонд языка через призму репрезентирующихся в нем ценностей лингвокультурного сообщества, в частности, русского и французского.

Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**:

- 1) исследовать семантику ФЕ с точки зрения ценностей русского и французского лингвокультурных сообществ;
- 2) проанализировать лексико-грамматический состав ФЕ в свете ценностей русского и французского лингвокультурных сообществ;
- 3) охарактеризовать образную составляющую ФЕ сквозь призму ценностей русского и французского лингвокультурных сообществ;
- 4) описать межъязыковые фразеологические омонимы в контексте ценностей русского и французского лингвокультурных сообществ;
- 5) исследовать в аксиологическом плане русские и французские ФЕ, выражающие когнитивные различия.

Методологическая база исследования формируется с учетом единства общефилософской, общенаучной и частной методологии. Общефилософскую базу исследования составляют системность, антропоцентризм и детерминизм, в соответствии с чем язык представлен как система, реагирующая на сознание его носителей и изменяющаяся под влиянием

культурно-исторического наследия, социально-экономической среды и других экстралингвистических факторов.

Общенаучная методология реализуется в данном исследовании сквозь призму комплексного анализа фразеологического фонда языка, связанного с группой наук, таких как лексикология, грамматика, семантика, когнитивная лингвистика, социолингвистика, лингвокультурология.

Частная методология исследования формируется принципами и подходами, существующими в лингвокультурологии, в русле которой оно выполнено. Его научно-теоретической базой послужили работы по фразеологии (Н.Ф. Алефиренко, Е.Ф. Арсентьева, А.М. Бабкин, А.Н. Баранов, А.П. Василенко, В.В. Виноградов, С.Г. Гаврин, В.Г. Гак, Ю.А. Гвоздарёв, Е.И. Диброва, В.П. Жуков, Н.Н. Кириллова, М.М. Копыленко, С.М. Кравцов, А.В. Кунин, Б.А. Ларин, А.М. Мелерович, С.А. Моисеева, В.М. Мокиенко, А.И. Молотков, А.Г. Назарян, Т.Л. Павленко, З.Д. Попова, Л.Б. Савенкова, М.И. Сидоренко, В.Н. Телия, А.И. Фёдоров, Н.М. Шанский), по исследованию проблем теории языка на материале русского и французского языков (А.П. Василенко, В.Г. Гак, С.М. Кравцов, Ю.С. Степанов, А.П. Шаповалова и др.), по менталитету (Н.Д. Арутюнова, Л.Ю. Буянова, И.Г. Дубов, Е.Г. Коваленко, А.М. Коршунов, А.А. Леонтьев, Ю.П. Солодуб).

Методами исследования, используемыми в работе, являются описательный, компонентный, сопоставительный анализ. Описательный анализ позволяет комплексно исследовать русскую и французскую фразеологию; компонентный – выявить сходство и различие в плане содержания, лексико-грамматическом составе и образной составляющей фразеологизмов; сопоставительный – сравнить семантику, лексико-грамматические составы, образные составляющие ФЕ и выявить национально-культурную специфику каждой из них.

Положения, выносимые на защиту:

1. Благодаря исследованию семантики русских и французских ФЕ установлено, что многие из них репрезентируют универсальные ценности, а также отдельные универсальные антиценности, связанные с тем, что в социуме является противоправным, незаконным. Одни общекультурные ценности (гостеприимство, щедрость, радушие, открытость) в большей степени объективируются в семантике русских ФЕ, другие (финансово-экономическая, социально-политическая составляющие жизни, гастрономические пристрастия, различные виды развлечений, натурализм) – в семантике французских ФЕ.

Существуют ценности, представленные через призму семантики единиц во фразеологическом фонде только одного языка. В русской фразеологии это такие национально-культурные ценности, как целомудрие, женская невинность, прочность семейных отношений, во французской – ценностное отношение к таким поведенческим реалиям, как чрезмерная свобода половых отношений, легкость измены своему партнеру. Семантический анализ ФЕ свидетельствует о национальных особенностях нравственного подхода к определенным жизненным ценностям в лингвокультурном сообществе.

2. В процессе анализа лексического состава русских и французских ФЕ выявляются безэквивалентные компоненты (антропонимы, термины, топонимы, обценнизмы), значение которых связывается с той или иной ценностью лингвокультурного сообщества. В русской и французской фразеологии объективируются такие универсальные ценности, как историческое прошлое, знание Библии, ее персонажей, традиционные национальные имена людей, растительный мир, животный мир, любовь к своей родине. В русской фразеологии многочисленнее лакунарные компоненты, этимологически восходящие к фольклору и сельскому хозяйству, что позволяет говорить о более ценностном отношении к данным понятийным сферам в русском лингвокультурном сообществе. В отличие от

русской во французской фразеологии шире представлены лакунарные единицы, связывающиеся с финансово-экономической деятельностью, гастрономией, развлечениями, физиологией человека, вольным отношением к речевому этикету. В одних случаях это обуславливается более длительным периодом развития определенной сферы деятельности во французском лингвокультурном сообществе, в других – национальными особенностями нравственных норм поведения в нем.

Грамматическая особенность состава ФЕ, например, употребление перед существительным вместо артикля притяжательного местоименного прилагательного может связываться с объективацией более ценностного отношения французского лингвокультурного сообщества по сравнению с русским к понятию собственности.

3. Характеристика фразеологических образов подтверждает ценностное отношение русского и французского лингвокультурных сообществ к их историческому прошлому, национальным традициям и обычаям, животному миру, а также к духовной связи с Богом. Однако только среди русских фразеологизмов обнаружены те из них, образная составляющая которых, подобно лексическим компонентам, связывается с такой ценностью, как национальный фольклор.

4. В ходе описания межъязыковых омонимов в русской и французской фразеологии с учетом связи их образной составляющей со значением установлено, что практическое, утилитарное отношение к окружающей среде, позволяющее извлечь из нее какую-либо пользу, материальную выгоду, является большей ценностью для представителей французского лингвокультурного сообщества.

5. Результаты исследования русских и французских ФЕ, выражающих когнитивные различия и характеризующихся общностью образных составляющих, лексико-грамматического состава, несовпадением значений, подтверждают вывод о более ценностном отношении представителей русской культуры к открытости, радушию, человеческой

непосредственности, которые могут подменяться безразличием и равнодушием, чувством недовольства носителей французской культуры. Они свидетельствуют также о более ценностном отношении русских к эрудированности, образованности, а французов – к покорности, дисциплинированности.

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем впервые сквозь призму аксиологии представлен комплексный анализ русской и французской фразеологии, результаты которого позволили определить парадигму ценностей (общекультурных и национально-культурных) и антиценностей соответствующих этнических сообществ, а также выявить универсальные ценности, репрезентирующиеся на межкультурном уровне в большей или меньшей степени в их фразеологии. Кроме того, в работе впервые глубоко проанализированы характеризующиеся своей уникальностью фразеологизмы, выражающие когнитивные различия и отражающие не только ценности, свойственные носителям русской и французской культур, но и национальные особенности концептуального восприятия окружающей действительности.

Теоретическая значимость исследования заключается в дальнейшем развитии теории языка, общей фразеологии, социолингвистики, этнолингвистики, когнитивной лингвистики. Используемая модель изучения фразеологического фонда конкретного языка сквозь призму объективирующихся в нем национальных ценностей лингвокультурного сообщества может быть положена в основу анализа фразеологического фонда любого национального языка. Полученные результаты и сделанные в работе выводы вносят вклад в исследование лексической семантики, в частности, типов фразеологических единиц и способов описания их значения, в исследование связи фразеологии с системой ценностей, национально-культурным опытом, историей, менталитетом определенного этноса, а также в исследование роли языка в межэтнических контактах.

Практическая значимость исследования состоит в возможности применения ее результатов в преподавании, прежде всего, теории языка, русской и французской фразеологии, спецкурсов по лингвокультурологии, социолингвистике, межкультурной коммуникации. Материалы исследования могут быть использованы в процессе составления двуязычных фразеологических словарей, при проведении практических занятий по русскому и французскому языку, при переводе художественных текстов.

Апробация работы. По материалам диссертации опубликовано восемь работ, три из которых (в 2013, 2014, 2015 годах) – в журналах из перечня ведущих периодических изданий, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ. Основные теоретические положения диссертации, фрагменты ее содержания апробированы на Международной научно-практической конференции «Информационно-коммуникативная культура: наука и образование» (Ростов-на-Дону, 2011), на Международной научно-практической конференции «Русский язык в контексте межкультурной коммуникации» (Самара, 2011), на Всероссийской научной конференции «Язык и современное образование: лингвистические и психолого-педагогические аспекты» (Тверь, 2012), на Международной научной конференции «Современное русское языкознание и лингводидактика» (Москва, 2012), в периодическом научном издании «Современные исследования социальных проблем» (Красноярск, 2012), а также на научно-методических семинарах кафедры теории языка и русского языка Южного федерального университета в 2010–2014 годах.

Достоверность и обоснованность полученных результатов обеспечиваются опорой на фундаментальные теоретические положения современного гуманитарного научного знания, соответствием методов исследования его цели и задачам, определением степени актуальности материала исследования с помощью системы поиска на российских и французских сайтах.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, библиографического списка и приложения.

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО ФОНДА ЯЗЫКА

1.1. Фразеологическая единица в системе языковых знаков

Фразеология как наука, которая изучает устойчивые сочетания слов с полностью или частично переосмысленным значением, уже в течение многих лет привлекает внимание лингвистов. Использование ФЕ делает нашу речь более эмоциональной, выразительной, что, в свою очередь, оживляет и украшает ее. Однако, несмотря на огромную роль фразеологизмов, до сих пор не сложилось единого мнения об их классификации, неоднозначно определяется фразеологический фонд, а также категориальные свойства ФЕ. На данном этапе развития языкознания наиболее распространенными являются узкая и широкая интерпретации фразеологии, которые детерминируются степенью переосмысления и связанности слов-компонентов ФЕ, характером структурного типа устойчивых оборотов.

Сторонники узкого понимания фразеологии [В.П. Жуков, М.И. Сидоренко, В.Н. Телия и другие] включают в нее только класс идиом (фразеологические сращения и единства по В.В. Виноградову) – устойчивые структурно-семантические сочетания слов, значение которых не выводится из значений слов-компонентов, их составляющих, и которые обычно выполняют в речи функцию отдельного члена предложения (очертя голову – «необдуманно», держать ухо востро – «быть на стороже», семи пядей во лбу – «умный»). Слова-компоненты, формирующие подобные лексические сочетания, десемантизируются, в результате чего общий смысл фразеологического оборота не определяется суммой значений отдельных слов, являющихся частью фразеологизма. Именно поэтому сторонники узкого понимания фразеологии не добавляют в свою классификацию даже фразеологические сочетания, которые в структурном плане очень похожи на идиомы, но имеют в своем составе компоненты с самостоятельным значением [Сидоренко 1969].

Представители широкого понимания считают, что ФЕ представляет собой предикативное сочетание, равное предложению и выражающее завершённую мысль, то или иное суждение [Ларин 1977; Шанский, Иванов 1987], или фразу, которая образуется реализацией несвободных значений слов [Виноградов 1946]. Соответственно, к фразеологическому фонду относятся следующие типы единиц: 1) идиомы; 2) фразеологические сочетания, в которых лишь один из компонентов обладает фразеологически связанным значением («злость берёт», «щекотливый вопрос», «холодное оружие»); 3) пословицы («без пирога именинника под стол сажают», «красота приглядится, а ум вперёд пригодится»); 4) поговорки («дорога ложка к обеду», «друзья познаются в беде»); 5) крылатые слова («а судьи кто?», «а ларчик просто открывался!»); 6) речевые штампы («из информированных источников», «силовые ведомства», «табачный король»).

Однако мы придерживаемся синкретического (промежуточного) понимания фразеологии, предполагающего существование хотя бы одного переосмысленного компонента в составе отдельно оформленной языковой единицы, в структурно-семантическом плане не представляющей изречение [Кравцов 2008, 29]. Исходя из данного утверждения, мы рассматриваем в составе фразеологических единиц не только класс идиом (узкое понимание), но и фразеологические сочетания, а пословицы, поговорки, крылатые слова и речевые штампы (широкое понимание) исключаются из состава ФЕ.

С нашей точки зрения, приводимый сторонниками узкого понимания фразеологии аргумент о неуместности включения в ее состав фразеологических сочетаний не имеет достаточно для этого оснований. Можно начать с того, что даже само название данных сочетаний уже говорит о том, что они относятся к ФЕ. Также можно привести в пример существующие антонимические отношения некоторых идиом, складывающиеся за счёт замены одного из слов-компонентов: «с легким

сердцем» – в приподнятом настроении, спокойно, без опасений [БФСРЯ¹, 600] и «с тяжелым сердцем» – в подавленном настроении, с беспокойством, с предчувствием недоброго [БФСРЯ, 610]; «связывать руки» – препятствовать, лишая возможности действовать свободно, независимо [БФСРЯ, 624] и «развязывать руки» – давать полную свободу действий [БФСРЯ, 626]. Учитывая вышесказанное, мы считаем, что нет достаточных оснований говорить о том, что компоненты фразеологических единств полностью десемантизируются.

Граница между идиомами и фразеологическими сочетаниями может быть обозначена с учётом критерия семантической целостности, хотя даже в ее определении есть расхождения во мнениях. С.И. Ожегов понимал под семантической целостностью соотнесенность общего значения ФЕ со значением отдельного слова [1957, 40-42]. Беря за основу данное утверждение, нужно признавать целостными по значению как идиомы, так и фразеологические сочетания, потому что в ряде случаев оборот можно заменить одним словом: «турусы на колесах» (сращение) – чепуха [БФСРЯ, 699]; «перемывать косточки» (единство) – злословить [БФСРЯ, 516]; «действовать на нервы» (фразеологическое сочетание) – нервировать [ФСРЯФЛ, 319].

Надежность данного критерия ещё больше ослабевает при учете того факта, что далеко не все сращения, единства и сочетания обладают семантикой, передаваемой с помощью только одного слова. Представляется затруднительным передать значение следующих ФЕ отдельным словом: «между Сциллой и Харибдой» (сращение) – в сложном положении, из которого трудно найти выход [БФСРЯ, 378]; «детей не крестить» (единство) – не иметь в дальнейшем никаких общих дел [БФСРЯ, 177]; «облить презрением» (фразеологическое сочетание) – выразить крайнее презрение к кому-либо [ФСРЯФЛ, 335].

¹ Используемые в работе сокращения названий источников приводятся в библиографическом списке в круглых скобках

В данной работе будут использоваться следующие термины: «фразеологизм», «фразеологическая единица» (ФЕ), «фразеологический оборот», что соответствует традиционному толкованию этой единицы, которое принимается многими исследователями фразеологии, такими как А.М. Бабкин, Ю.А. Гвоздарёв, Е.И. Диброва, М.М. Копыленко, С.М. Кравцов, В.М. Мокиенко, А.И. Молотков, Т.Л. Павленко, З.Д. Попова, Л.Б. Савенкова, А.И. Фёдоров и т.д.

Исследователи в области фразеологии считают, что один из конститутивных признаков фразеологической единицы – это устойчивость как постоянство воспроизведения одного и того же компонентного состава. Данная дефиниция длительный период времени влияла на представление фразеологизма статичным, перманентным языковым знаком как в формальном плане, так и в смысловом. Поэтому любые трансформации «устойчивых сочетаний» стилисты относили к частным авторским видоизменениям статичного выражения. Однако современные лингвисты говорят об относительном характере устойчивости [Мокиенко 1989, 9].

При функционально-синхроническом изучении фразеологизмов было установлено, что вариантность является тем фактором, в котором успешно реализуется относительный характер устойчивости ФЕ. Именно вариантность представляет собой свойство, характерное для этой части вокабуляра. Диалектическое единство относительной устойчивости и вариантности, этих двух противоположных характеристик фразеологических оборотов, гарантированно обеспечивает функционирование и постоянное развитие фразеологии.

Относительный характер устойчивости ФЕ подтверждается наличием в языке разнообразных модификаций: лексических (например, с целью эвфемизации употребление слова «пес» или «шут» вместо слова «черт» во фразеологизме «черт знает»); фонетических («медведь на́ ухо наступил» и «медведь на́ у́хо наступил» – совершенно нет музыкального слуха) [БФСРЯ,

374]; морфологических («не сходить с языка» и «не сходить с языков» – постоянно упоминаться в разговорах) [БФСРЯ, 475] и т.д.

Вариантность ФЕ является универсальным свойством фразеологии, т.к. она присутствует во фразеологических оборотах, например, французского языка. Существуют следующие модификации: морфологические [«jouer de la mâchoire» и «jouer des mâchoires» (досл. «играть челюстью» и «играть челюстями») – усиленно жевать, есть с жадностью, пожирать] [НБФРФС, 914]; структурно-семантические [«grand comme la main» и «grand comme les deux mains» (досл. «большой как рука» и «большой как две руки») – совсем небольшой, крошечный] [НБФРФС, 767] и т.д.

Другим свойством фразеологизма является номинативность, актуализирующая предметную соотнесённость с тем или иным объектом универсума. У ФЕ с ее сложной структурой плана содержания именно номинативностью обуславливается присутствие предметно-понятийного (логического, сигнификативно-денотативного) компонента. При переосмыслении компонентов словосочетания содержанию фразеологизма придаётся экспрессивность, т.к. ФЕ в результате приобретает, как правило, коннотативные семы.

Наряду с номинативностью содержание фразеологизма определяется экспрессивностью, являющейся важным свойством абсолютного большинства ФЕ. Однако данная категория языка неоднозначно интерпретируется исследователями в области фразеологии, т.к. проблема экспрессивности остаётся недостаточно изученной. Вслед за В.Н. Телия мы понимаем её как оценочно-эмоциональную категорию, несущую в себе одобрительное или неодобрительное отношение к обозначаемому [Телия 1991, 36-66].

Следует сказать, что свойство экспрессивности характерно не для всех ФЕ. Существует немногочисленный ряд фразеологизмов, которые не несут в себе оценочно-эмоциональной нагрузки и никаким образом не передают отношение говорящего к объекту окружающего мира. Можно привести в

пример следующие ФЕ, не обладающие данным качеством: «повестка дня» и «ordre du jour» (досл. «порядок дня») (перечень вопросов, подлежащих обсуждению); «на месте» и «sur place» (там, где что-либо случилось или случится)²; «точка зрения» и «point de vue» (определенное понимание чего-либо, взгляд на что-либо) и другие.

Следующим фактором, который также придаёт эффект экспрессивности фразеологическим оборотам, является образность. Однако необходимо отметить, что образность является факультативным, дополнительным признаком фразеологических оборотов, т.к. она свойственна только ФЕ, имеющим в своей основе «прозрачный» первоначальный денотат (внутреннюю форму, образ, образную составляющую). Значение такого рода ФЕ, как и значение свободного сочетания слов (ССС), с которыми они полностью совпадают по лексическому составу, легко осознаётся носителями языка, что создаёт на этом фоне метафорический и семантический эффекты.

Опираясь на вышеприведённое утверждение, к образным следует относить такие русские и французские ФЕ, как «закидать шапками» (легко и быстро победить); «мышьяная возня» (мелкие интриги, недостойные дела), «marcher sur trois pattes» (досл. «шагать на трех лапах» – не ладиться, барахлить), «sur orbite» (досл. «на орбите» – на пути к успеху, развивающийся) и т.д. Подобные ФЕ принадлежат таким группам, как фразеологические единства и сочетания. Здесь нам следует обозначить, что, хотя образность и является факультативным признаком ФЕ, те из них, которые обладают данным признаком, представляют собой бóльшую часть фразеологического фонда.

В свою очередь те фразеологизмы, которые уже утратили внутреннюю форму, мотивирующую их значение, и теперь никак не сопоставимы ни с каким СССР, считаются безобразными. Нами уже было отмечено, что такого

² В случаях, когда лексико-грамматические составы русского и французского фразеологических оборотов эквивалентны, дословный перевод не даётся.

рода обороты встречаются среди фразеологических сращений, которые как раз и характеризуются семантической немотивированностью. Тот факт, что безобразные фразеологические сращения не обладают «прозрачной» внутренней формой, объясняет некоторые трудности, вызываемые при попытке выяснить происхождение той или иной ФЕ. К ним можно отнести, например, следующие фразеологизмы: «ничтоже сумняшесь» в значении «ничуть не задумываясь, не колеблясь», «попасть впросак» в значении «по своей оплошности или неосведомленности очутиться в невыгодном, неприятном положении», «neige d'antan» (досл. «снег былых времен») в значении «прошлогодний снег», «arrêter soi» (досл. «задержать тихим») в значении «принудить к молчанию; заставить быть неподвижным» и т.п.

Ещё одной характеристикой, которой обладают фразеологизмы, является функционально-стилевая, которая связана с таким экстралингвистическим фактом, как возможность употребления той или иной ФЕ в определённых социальных сферах общения. Согласно этой аксиоме ФЕ могут быть использованы во всей парадигме речевых стилей и дифференцируются на нейтральные (межстилевые), книжные (научного, публицистического, официально-делового характера) и разговорные, согласно чему можно увидеть различные маркеры в словаре: «повестка дня» и «ordre du jour» (нейтр.); «Адамово яблоко» и «pomme d'Adam» (книжн.); «развязать язык» и «déliier la langue» (разг.) и т.д. За гранью литературной языковой нормы объективируются просторечные ФЕ, отличительной характеристикой которых являются увеличенная эмоциональность, экспрессивность и сниженная оценочность. В данную группу входят фамильярные, вульгарные, грубые и бранные фразеологические обороты [«обуть на обе ноги» (груб., прост.) (ловко обмануть, провести) и «lécher le cul» (досл. «лизать зад»)].

Итак, несмотря на существование широкого и узкого понимания фразеологии, в данном исследовании мы придерживаемся синкретической интерпретации ее, предполагающей объединение идиом и фразеологических

сочетаний, т.к. во всех данных языковых единицах присутствует хотя бы один переосмысленный компонент. Свойствами фразеологизма являются семантическая целостность, относительная устойчивость, номинативность, экспрессивность, образность/безобразность, функционально-стилевая характеристика.

1.2. Идиоэтнический аспект фразеологии

Сложность семантической структуры фразеологических оборотов, включающей в себя сигнификативно-денотативный и оценочно-эмоциональный компоненты, обуславливает их способность отражать многочисленные реалии, связанные как с историческим, национально-культурным опытом этнического сообщества, так и с его духовными ценностями, образом перцепции окружающего мира. Данное утверждение подтверждается словами Ю.П. Солодуба о фразеологизмах, которые «...ассоциируются с культурно-национальными эталонами, стереотипами, мифологемами и т.п. и в употреблении в речи воспроизводят характерный для той или иной лингвокультурной общности менталитет» [2002, 113]. И.Г. Дубов выводит обобщенное определение менталитета, согласно которому он является «интегральной характеристикой людей, живущих в конкретной культуре, которая позволяет описать своеобразие видения этими людьми окружающего мира и объяснить специфику их реагирования на него» [Дубов, <http://www.voppsy.ru/issues/1993/935/935020.htm>].

Как справедливо считает Н.Н. Кириллова, фразеология является проекцией мира в языковом сознании, формирующем в каждом языке свою языковую картину мира [2003, 11], будучи системообразующим конституентом глобальной системы, в которую входят и человек, и его окружающий мир. Средствами фразеологии описывается этнокультурная, национальная специфика народа и его быта, также как и специфика уникального взаимоотношения данного народа с окружающим миром, что при исследовании фразеологии является очень важным фактором.

Перед тем, как стать ФЕ, обыкновенное сочетание слов, построенное по определенной структурной модели, проходит испытание временем в рамках той нации, в которой оно появилось, на устойчивость, культурную значимость. Вышесказанное подтверждают, например, фразеологизмы, сформированные в рамках одного социокультурного сообщества, отражающие не только его языковые и культурные связи, но и территориальные. Следует привести в пример тот факт, что во французской фразеологии по сравнению с русской имеет место большее количество ФЕ, связанных с региональными особенностями населения упомянутых стран. Так, представители некоторых французских провинций имеют отличительные черты характера, что повлияло на формирование фразеологических оборотов, связанных с данной реальией Франции. Нормандцы прослыли недоверчивыми, хитрыми, осторожными людьми, старающимися не давать однозначных ответов, чтобы не попасть в неудобную для них ситуацию. Также их ответам не доверяют по причине того, что они любят приукрасить, обмануть. Отсюда появились фразеологизмы: «répondre en Normand» (досл. «ответить по-нормандски» – ответить уклончиво, дать уклончивый, двусмысленный ответ, не сказать ни да ни нет) и «c'est un fin Normand» (досл. «это нормандский конец» – он большой хитрец, он большой ловкач) [НБФРФС, 1072].

В то же время гасконцы очень разговорчивы, изворотливы, выходят сухими из воды в любой ситуации. Они получили известность благодаря своему навыку красноречия и любви к хвастовству, что дало рождение таким фразеологическим оборотам, как: «agir en Gascon» (досл. «действовать по-гасконски» – хвастаться, бахвалиться), «faire des promesses de Gascon» (досл. «делать обещания гасконца» – давать пустые обещания), «se tirer en Gascon» [досл. «выпутываться по-гасконски» – уметь выпутаться, уметь (с честью) выйти из положения] [НБФРФС, 738]. Бретонцев считают бескультурными, невоспитанными, грубыми и прямолинейными, что также получило

отражение во французской фразеологии: «de bas Breton» (досл. «низкого бретонца» – необтесанный, некультурный) [НБФРФС, 221].

Если во фразеологическом фонде французского этноса наблюдаются ФЕ, передающие черты характера носителей языка с дифференциацией по территориальному признаку, то русская фразеология содержит множество единиц, раскрывающих психологию и отличительную специфику всего русского этноса в целом. Согласно данным социальных опросов русскоязычного населения, представленных В.А. Масловой и И.М. Кобозевой, общенациональными чертами характера являются такие, как гостеприимство, радушие, душевность, открытость, талантливость, щедрость, простодушие, широкая натура и т.д., что, в свою очередь, подтверждается наличием в русском фразеологическом фонде единиц с соответствующими значениями [Маслова 2001, 116; Кобозева 2000, 189-194]. Примером могут служить такие ФЕ, как «встречать хлебом-солью» (принимать гостей радушно, заботливо, не жалея угощений) (автор.), «зайти на огонек» (зайти куда-либо мимоходом, увидев по свету в окнах, что хозяева дома) [ФСРЯФЛ, 339], «душа нараспашку» (о простом, откровенном человеке) [ФСРЯФЛ, 157], «излить душу» (высказать откровенно, до конца самое заветное) [ФСРЯФЛ, 158] и т.д. Данная информация демонстрирует исключительную роль фразеологии, в которой объективируется национально-культурная специфика языков разных этнических сообществ.

Однако фразеологический фонд отстает в своей эволюции от мобильного, постоянно развивающегося и меняющегося объективного мира. Познание мира человеком не свободно от ошибок и заблуждений, последние, в свою очередь, прочно укореняются в языковой системе, облаченные в языковые символы с эмоционально-культурной коннотацией ФЕ. Универсум движется вперед, тогда как фразеология «ещё долгое время хранит следы ошибок и заблуждений прошлого. Так, довольно часто для обозначения и передачи состояния эмоционального подъёма говорящий использует фразеологизм «воспарить душой», не осознавая, что эта языковая единица

связана с архаическими представлениями о наличии внутри человека животворящей субстанции – души, которая мыслилась в мифологической картине мира в виде пара и могла пожирать тело, перемещаясь к небесам» [Кравцов 2008, 49-50].

Помимо ФЕ, семантика которых трансформировалась, потому что представления об окружающем мире изменились, конкретизировались, существуют также фразеологические обороты с компонентами, вышедшими из активного употребления. Доказательством этому служат такие ФЕ, как «у черта на куличках» (об очень отдаленных и глухих местах) [ФСРЯФЛ, 249] («предполагают первоначальное «кулижки», мн. от «кулижка», уменьш. От «кулига», среди значений которого — «отдаленная, глухая местность», «деревня в лесу, вдалеке от других селений») [НРЯ, 122], «косая сажень в плечах» (о широкоплечем, рослом человеке) (сажень – от носка правой ноги до конца среднего пальца вытянутой кверху левой руки) [ФСРЯФЛ, 233], «от горшка два вершка» (1. О маленьком ребенке или о человеке очень низкого роста; 2. Слишком молод, неопытен) [ФСРЯФЛ, 119] (вершок – старая русская мера длины, равная 4,4 см) [ТСРЯ, 76], у которых один из компонентов (кулички, сажень и т.д.), будучи архаичным, не может быть использован в составе ССС. В связи с этим даже носитель языка испытывает потребность в этимологическом комментарии относительно данных лексических единиц для полного осознания их семантики.

Следует отметить, что национально-культурная специфика образной составляющей французских фразеологических оборотов проявляется при их дословном переводе на русский язык. С этим связана актуальность анализа фразеологических фондов различных лингвокультурных сообществ. Межъязыковой анализ их состава помогает выявить колорит фразеологических оборотов, часто характеризующийся национально-культурной спецификой.

Исходя из вышесказанного, целесообразно предположить, что идиоэтнические особенности русской и французской фразеологии должны

определяться с учетом коррелирующих между собой критериев её анализа, таких как 1) семантика фразеологизмов; 2) их грамматические модели; 3) их компонентный состав; 4) их первоначальный денотат; 5) их функционально-стилевые особенности. Проанализируем некоторые русские и французские фразеологические обороты, опираясь на вышеизложенную последовательность и акцентируя внимание на межъязыковые отличительные особенности.

Анализ фразеологических фондов русского и французского этносов по первому критерию показывает, что имеются лакунарные национально-окрашенные значения ФЕ в том или ином языке. Ярким примером служит фразеологический оборот «*parler français comme une vache espagnole*» (досл. «говорить по-французски как испанская корова») в значении «очень плохо говорить по-французски, говорить на ломаном французском языке» [Назарян 1968, 270]. Несмотря на то, что такая реалия окружающего универсума, как французский язык, известна во всем мире, она отражена только во фразеологии французского этноса. Слабое владение французским языком представителями других национальностей или малограмотными франкоговорящими индивидами явно не поощряется носителями языка (исходя из саркастического образа французской ФЕ), что указывает на ценность данного культурного элемента для французской нации. Фразеологизм с подобным значением отсутствует в русском языке. Следует отметить, что в русской фразеологии также не обнаружены ФЕ со значением, указывающим на какой-либо уровень владения русским языком, в связи с чем можно сделать вывод о незаинтересованности русского этноса в сохранении и культивации языковой грамотности у собственного населения и лиц, изучающих русский язык как иностранный.

О французах нередко говорят как о самой чувственной нации, для которой обращенность к половой жизни является нормой, повседневной реальностью, что сказалось на наличии во французском языке фразеологизмов, запечатлевших данные факты: «*faire la chouette*» [досл. «делать сову» –

отдаваться одновременно или в течение короткого времени нескольким мужчинам (о женщине)] [НБФРФС, 314]; «se vider les couilles» (досл. «опорожнить себе яички») в значении «спустить (при половом акте)» [НБФРФС, 383]; «donner la cotte verte à une fille» (досл. «дать зеленый комбинезон девушке» – повалить девицу на траву, чтобы потешиться с ней) [НБФРФС, 381]. Это говорит о том, что существуют ФЕ с «национальным» значением, отражающие реалии, присущие любому этносу, но исходя из культурных особенностей не получившие распространения во фразеологии других народов.

Однако анализ показал, что, несмотря на присутствие во фразеологическом фонде обоих лингвокультурных сообществ лакунарных единиц, наибольшее число составляют все-таки фразеологизмы с совпадающими значениями. Им свойствен общий план содержания, который может иметь полное совпадение (абсолютные синонимы), либо неполное (относительные синонимы). Межъязыковые синонимичные ФЕ первой категории обладают общими элементами и соответствующей внутренней формой, о чем говорит присутствие в них тождественных компонентов: «плыть по течению» и «suivre le courant» (досл. «следовать течению» – действовать так, как вынуждают обстоятельства, подчиняться им).

Межъязыковые синонимичные фразеологические обороты второй категории абсолютно различаются по компонентному составу, и, соответственно, для них характерны расхождения по образной составляющей: «Аника-воин» [РФИЭС, 26] и «abatteur de quilles» (досл. «рубщик кеглей») [НБФРФС, 2] в значении «хвастун, бахвал». Несмотря на отнесенность данных ФЕ к архисеме «хвастливый человек», данная синонимическая пара не обладает полной семантической эквивалентностью по причине наличия у русского фразеологизма коннотации «человек, бахвалящийся своей храбростью лишь находясь вдали от опасности».

При межъязыковом анализе по второму типу во французской фразеологии выделяются обороты, грамматические конструкции которых

построены по моделям, не существующим или редко встречающимся в русском языке. Это обусловлено типологическими особенностями анализируемых языков, т.к. для французского языка характерен аналитизм, а для русской морфологии – синтетизм.

Согласно В.Г. Гаку, имеется пять разновидностей французских грамматических конструкций, отличающихся своим строением от норм синтаксических связей в русском языке: 1) наличие приглагольного объектного местоимения [en être à son apprentissage» (досл. «быть в своем обучении») в значении «делать первые шаги в чем-либо»; le couler bas» (досл. «это течь низко») в значении «разорить кого-либо»]; 2) предлог, за которым не следует логически необходимое для него существительное [c'est fait pour» (досл. «это сделано для») в значении «для того это и сделано; это нарочно, специально»]; 3) инфинитивный оборот, эксплицирующий признак стоящего перед ним существительного или же выражающий действие, нацеленное на данное существительное [avoir le cœur à rire» (досл. «иметь сердце для того, чтобы смеяться») в значении «хотеть смеяться»; homme à tout faire» (досл. «человек, чтобы делать все») в значении «подручный, фактотум; мастер на все руки»]; 4) глаголы, эксплицирующие каузальную связь [se faire accrocher» (досл. «заставить прицепить себя») в значении «быть задержанным, арестованным»; se laisser prendre à l'amorce» (досл. «позволить себя взять на наживку») в значении «попасться на удочку»]; 5) причастие прошедшего времени, следующее за существительным [avoir la bouche enfarinée» (досл. «иметь посыпанный мукой рот») в значении «наивный, доверчивый человек»; être sur la chaise percée» (досл. «быть на продырявленном стуле») в значении «сидеть как на иголках»] [Гак 1983, 247].

Следует также подчеркнуть, что французские ФЕ, имеющие в своей внутренней форме сочетание существительного с предлогом благодаря присущему языку аналитизму, превосходят по употребительности русские фразеологизмы, в которых вместо сочетания предлога с существительным

присутствует прилагательное: «блошиный рынок» и «marché aux puces» (досл. «рынок из блох»), «головная боль» и «mal de tête» (досл. «боль головы») и т.д.³

Притяжательное местоименное прилагательное перед существительным является регулярным компонентом французских фразеологизмов в отличие от русских ФЕ, где оно часто опускается: «приносить плоды» и «porter ses fruits» (досл. «приносить свои плоды» – производить выгодный результат, хороший эффект); «умываться кровью» и «baigner dans son sang» (досл. «купаться в своей крови» – обильно терять кровь после ранения, побоев). Наличие данного компонента в составе французских ФЕ маркирует принадлежность актуализируемого именем существительным предмета или лица, а также несет информацию о роде и числе этого существительного, заменяя функциональность артикля [Кравцов 2008, 33].

Межъязыковой анализ русских и французских ФЕ по третьему критерию (лексический состав) выявил тот факт, что реалии окружающей действительности, присущие обеим нациям, в разной степени частотности объективируются компонентами фразеологизмов. Отмечено, что во французской фразеологии больше, чем в русской, единиц с компонентами, называющими продукты питания, характерные как для французской, так и для русской кухонь, к тому же часть из данных продуктов репрезентируется в составе исключительно французских ФЕ. Среди них, например, бифштекс [«gagner son bifteck» (досл. «выигрывать свой бифштекс» – зарабатывать на жизнь, бороться за кусок хлеба), «défendre son bifteck» (досл. «защищать свой бифштекс» – отстаивать свои интересы) и т.д.], салат [«faire sa salade à qn» (досл. «сделать свой салат кому-л.» – проучить кого-л.), «vendre qch avec beaucoup de salade» à qqn (досл. «продавать что-л. с большим количеством салата» – продавать что-л., охмуря покупателей болтовней)], груша [«une

³ Подчёркиваются различающиеся компоненты русской и французской ФЕ или присутствующие только в одной из них

poire molle» (досл. «мягкая груша» – тряпка, безвольный человек), «se fendre la poire» (досл. «раскалывать себе грушу» – хохотать, ржать)], омлет [«omelette soufflée» (досл. «дышащий омлет» – беременная женщина), «faire une omelette» (досл. «сделать омлет» – расколотить, разбить вдребезги)], вино [«vin de la vierge Marie» (досл. «вино девы Марии» – молоко), «avoir le vin tendre» (досл. «иметь нежное вино» – приниматься ухаживать за женщиной после первой выпитой рюмки)] и т.д.

Французы издревле считаются нацией гурманов, обладающей страстью к гастрономическим изыскам, что, в свою очередь, повлияло на количество фразеологизмов, в компонентном составе которых присутствуют наименования продуктов питания. Недостаточное число ФЕ с подобными компонентами в русском языке говорит о меньшей значимости гастрономии в повседневной жизни этноса, являющегося его носителем.

Франция уже много лет является поставщиком винных изделий по всему миру. Трудно представить себе истинного француза, проводящего вечер без бокала прекрасного французского вина, что также послужило основанием для появления во фразеологии данного этноса единиц, содержащих наименование этого напитка. Следовательно, отсутствие данного компонента в русской фразеологии мотивируется, очевидно, меньшей ролью вина для русского этноса.

Благодаря межъязыковому анализу лексического состава выявлено, что такие реалии универсума, как удовольствия и развлечения, ассоциативно входящие в компонентный состав ФЕ, преобладают во французском языке по сравнению с русским. Однако некоторые из таких реалий отражаются исключительно во французской фразеологии: кино [«arrêter son cinéma» (досл. «остановить свое кино» в значении «перестать ломаться, манерничать, говорить Бог знает что») [НБФРФС, 318]; бильярд [«passer sur le billard» (досл. «пройти на бильярдный стол» в значении «попасть на операционный стол, оказаться под ножом хирурга») [НБФРФС, 157]; кегли [«faire les

quilles» (досл. «изображать кегли» в значении «стоять как истукан, как вкопанный») [НБФРФС, 1301] и другие.

Отсутствие в русской фразеологии подобных единиц обусловлено значительно более поздним по сравнению с Европой появлением игорных заведений и мест для активного отдыха в России.

Межъязыковой анализ ФЕ по третьему критерию также показал преобладание во французском языке фразеологических оборотов, в составе которых имеются компоненты, затрагивающие финансово-экономические реалии. Данный факт обуславливается, очевидно, отставанием социально-экономического развития России от европейских стран, вследствие чего существуют французские обороты с лексическими компонентами, не представленными в русской фразеологии: «passer qch par profits et pertes» (досл. «провести что-л. через прибыли и убытки») в значении «снять со счета; смириться с потерей»; «payer la folle enchère» (досл. «заплатить неприемлемую надбавку к цене») в значении «жестоко поплатиться, расплачиваться за других»; «faire de tous écots» (досл. «делать из всех паев») в значении «приглашать на все праздники; во все вмешивать, делать ко всему причастным»; «déposer son bilan» (досл. «снять свой баланс») в значении «признать себя банкротом; признать себя побежденным, признать свое бессилие» и т.д.

Благодаря межъязыковому анализу по третьему критерию выявлен также факт значительно большего количества антропонимов (собственных именований людей) во французской фразеологии, чем в русской. В основном французские ФЕ включают в себя имена католических святых, что обусловлено исторически бóльшим распространением и общедоступностью религии во Франции, чем в России. В пример можно привести следующие ФЕ: «coiffé comme Saint-Roch» (досл. «причесанный как святой Рох») в значении «в шляпе, надетой набекрень»; «le lit de Saint-Martin» (досл. «кровать святого Мартина») в значении «солома»; «tirer l'épée comme saint

Georges» (досл. «обнажать шпагу как святой Георгий») в значении «быть отличным фехтовальщиком» и другие.

Межъязыковой анализ лексического состава французского и русского языков позволяет утверждать, что во французском фразеологическом фонде значительно преобладают единицы, в которых содержатся бранные компоненты. Это такие компоненты, как «baiser» (грубо просторечный синоним «овладевать кем-либо»), «cul» (зад), «con» (дурак, идиот): «baiser ce que tu me disais» (досл. «сексуально овладевать тем, что ты мне говорил» в значении «целовать, лизать задницу»), «être baisé» (грубо просторечный синоним выражения «быть в состоянии полового сношения» в значении «попасться в руки полиции»), «se faire baiser» (грубо просторечный синоним выражения «позволить овладеть собой» в значении «быть обманутым») [НБФРФС, 111]; «aller de cul et de tête» (досл. «идти из зада и из головы» в значении «пустить в ход все средства, из кожи вон лезть»), «arriver par le cul» (досл. «прибыть через зад» в значении «добиться чего-л. с помощью секса»), «avoir le cul entre deux selles» (досл. «иметь зад между двух седел» в значении «колебаться в выборе») [НБФРФС, 438]; «mon con» (досл. «мой идиот» в значении «приятель, друг»), «pauvre con» (досл. «бедный дурак» в значении «бедняга»), «à la con» (досл. «по-идиотски» в значении «никуда не годный, нелепый») [НБФРФС, 356].

Необходимо отметить, что все вышеназванные ФЕ укоренились во французской языковой системе и зафиксированы большинством фразеологических и толковых словарей. При этом соответствующие русские лексемы обнаруживаются исключительно в узкоспециализированных словарях, например, в «Словаре русской брани: матизмы, обценизмы, эвфемизмы» В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной. Следовательно, можно утверждать, что французская фразеология характеризуется наличием существенно большего числа вульгарных, грубых лексем, чем русская, что свидетельствует о меньшей строгости речевого этикета во французской культуре.

Исторически обусловленная связь русского человека с землей и работой на ней (крепостное право на Руси просуществовало в период времени с XI века до второй половины XIX века) породила существование таких ФЕ, как «на обухе рожь молотить» (быть очень экономным) (обух – противоположное лезвию тупое окончание топора или клинка), «ни кола ни двора» (совсем ничего нет у кого-либо, о крайней бедности) (кол – устаревшее значение «небольшой участок земли»), «не обсевок в поле» (стоящий человек, не хуже других) (обсевок – пропущенное при посеве место на пашне) и т.д. В процессе исторического развития Франции не было подобного факта, что объясняет отсутствие фразеологизмов с компонентом, указывающим на землю, почву и труда на ней.

Печи в сельской местности были незаменимы и, соответственно, очень популярны, их распространение подтверждают такие русские ФЕ, как «лежать на печи», «от печки», «танцевать от печки», хотя во французском фразеологическом фонде была найдена только одна ФЕ с данным компонентом: «la famille tuyau de poêle» (досл. «семья в виде печной трубы»). Как и печь, коромысло – также общеизвестная сельская реалия, однако, при анализе лексического состава двух языков, она была найдена только в русской ФЕ «дым коромыслом», что говорит о гораздо меньшей распространенности данного атрибута на территории Франции.

При анализе межъязыковых различий согласно четвертому критерию выделим примеры тождества и различия образной составляющей фразеологических оборотов в соотношении с их значением и лексико-грамматическим составом. При совпадении лексико-грамматического состава обычно также тождественны и образная составляющая, и семантика, и функционально-стилевая характеристика. Примером таких межъязыковых эквивалентов являются «посылать к черту» и «envoyer au diable» [ФРСФС, 34] – «решительно отвергнуть чьи-либо притязания, просьбы и т.п.» [ФСРЯФЛ, 579]. Наличие во фразеологии обоих лингвокультурных сообществ данных единиц с одинаковой образной составляющей

обусловлено универсальными религиозными представлениями о бесах как существах, олицетворяющих все проявления негативного, дурного, пагубного. Соответственно, отправляя человека черту, говорящий выражает свое нежелание иметь общих дел с обратившимся к нему человеком по причине его, например, недобросовестности и намекает на тот факт, что лучшим компаньоном в данном деле для него будет бес. Данный пример говорит о том, что существуют ФЕ, совпадение содержания которых предопределено эквивалентными внутренней формой и лексико-грамматическим составом русского и французского фразеологизмов.

При межъязыковом анализе также были выделены ФЕ с совпадающим планом выражения, но отличающимся содержанием, причиной чему является нетождественность, расхождение образных составляющих. Например, межъязыковые омонимы «на глаз» и «à l'œil». Русская ФЕ интерпретируется как «примерно, приблизительно, без точного измерения» [ФСРЯ, 102], французская – «бесплатно» [DEL, 643]. Этимология русской ФЕ заключается в факте измерения или оценки чего-либо, просто бросив взгляд на предмет, в то время как французский омоним появился вслед за убеждением, что привлекательный человек в состоянии получить вещь бесплатно только благодаря своей внешности (в данном варианте: красивым глазам). Пример показывает, что при одинаковом плане выражения несовпадение значений ФЕ обусловлено различием образной составляющей. В свою очередь, эквивалентный компонентный состав связан с коррелятивными лексемами, семантически имеющими разные значения в составе данных фразеологизмов.

Межъязыковой анализ позволяет утверждать, что в русской и французской фразеологии невелико количество единиц с эквивалентными планом выражения и внутренней формой и отличающимся планом содержания. Данные языковые единицы не относятся к межъязыковым омонимам, т.к. обладают совпадающей образной составляющей, их корреляция происходит на ассоциативном уровне. Примерами данного типа из русского и французского языков являются ФЕ «мокрая курица» и «roule

moillée» соответственно. Во фразеологическом словаре русского языка под редакцией А.И. Молоткова даются две дефиниции русской ФЕ: «безвольный, бесхарактерный человек» и «человек, имеющий жалкий вид, подавленный, расстроенный чем-либо» [ФСРЯ, 218]. Во фразеологическом словаре Le Robert подобный оборот интерпретируется как «трусливый человек» [DEL, 780], что полностью не совпадает со значением русского фразеологизма. Следует сделать вывод о том, что национально-культурная специфика русского и французского этносов имеет ярко выраженное влияние на характер вторичной номинации фразеологизмов.

Необходимо отметить, что в русском и французском фразеологическом фондах присутствуют единицы, различающиеся по образной составляющей и по плану выражения, которые, тем не менее, являются межъязыковыми синонимами. Например, такие ФЕ, как «смотреть в корень» и «aller au fond des choses» (досл. «идти вглубь вещей») [ФРСФС, 161] имеют эквивалентное значение – «досконально вникать в самую суть дела; анализировать ситуацию, учитывая все мельчайшие детали». Совпадение плана содержания фразеологизмов основывается на общем для русских и французов представлении о корне, как части растения, находящейся в глубине, в земле и дающей ему жизнь. Соответственно, то, что находится внизу, на глубине, является главным, порождающим то, что появляется на поверхности. По причине идиоэтнических особенностей вышеназванные ФЕ обладают разными планом выражения и внутренней формой.

В анализируемых языках также присутствуют фразеологизмы, различающиеся по плану выражения, но совпадающие по значению и внутренней форме. Примером могут служить ФЕ «золотые руки» и «des mains en or» (досл. «руки из золота»), общее значение которых: «умело, искусно все делать, справляться с любой работой» [ФСРЯФЛ, 193]. Эквивалентность образной составляющей детерминируется универсальным представлением о руках как орудии труда и о золоте, представляющем собой драгоценный металл, наиболее ценный во всем мире. В свою очередь, это

обуславливает и тождество плана содержания. Различие в лексико-грамматическом наполнении исходит из языковых особенностей, т.к. русское прилагательное «золотой» не имеет абсолютного эквивалента во французском языке, обладающем аналитическим характером.

Учет функционально-стилевых особенностей (межъязыковой анализ по пятому критерию) предоставил возможность говорить о некоторых стилиевых различиях, о специфике употребления определенной лексики, о градации норм дозволенного в русском и французском языках. Во французском языке, в отличие от русского, были выделены просторечные, грубые, вульгарные ФЕ, обладающие низкой, пейоративной культурной коннотацией, передающейся через использование бранных, стилистически сниженных компонентов. Примеры вышеназванных случаев приведены выше.

Итак, фразеологический фонд эволюционно отстает от окружающей действительности, что оказывает влияние на компонентный состав фразеологизмов (наличие в них неологизмов и историзмов). Фразеология обладает идиоэтнической спецификой. Для определения ее национально-культурного колорита при межъязыковом анализе необходимо исследовать значение фразеологизмов, их грамматические модели, лексический состав, образную составляющую, функционально-стилевые особенности.

1.3. Аксиологический аспект фразеологического фонда языка

Как нами уже отмечалось, семантическая структура большинства ФЕ представляет собой единство логического (сигнификативно-денотативного) и эмоционально-экспрессивного аспектов содержания. Вторая составляющая значения ФЕ предполагает наличие в нём оценочных сем, что позволяет говорить о целесообразности рассмотрения аксиологического аспекта фразеологии.

Аксиология (от греч. «axia» – ценность и «logos» – наука, учение) является философским понятием, имеющим достаточно широкий спектр

разнообразных дефиниций, диверсифицирующихся в зависимости от используемого источника. Наиболее короткое и лаконичное определение представлено, например, в философском энциклопедическом словаре: «А. – наука о ценностях» [2009, 14]. На наш взгляд, самое емкое определение данного понятия дается в четырехтомной Новой философской энциклопедии: «... философская дисциплина, исследующая категорию «ценность», характеристики, структуры и иерархии ценностного мира, способы его познания и его онтологический статус, а также природу и специфику ценностных суждений» [2010, 62].

Однако на современном этапе развития науки происходит экспансия данного понятия за пределы философских исследований, в частности, в лингвистику. В подтверждение вышесказанному следует привести в пример дефиницию из словаря новых иностранных слов, где следом за философской трактовкой дана лингвистическая: «А. – раздел социологии языка, изучающий систему оценок естественных языков и их элементов» [1995, 4]. Сравнительно недавно зародилось и начало развиваться такое направление языкознания, как аксиологическая лингвистика, имеющее своей целью изучить представления о ценностях через призму языка. Важнейшей исследовательской задачей аксиологически ориентированной лингвистики является определение методологии и технологии в изучении содержания внутреннего мира языковой (дискурсивной) личности, ценностных ориентаций личности и общества по данным языка, что представляется возможным в рамках парадигмы Человек – Язык – Мир [ЛиА 2011, 19].

Авторы проекта «Славянского аксиологического словаря», например, утверждают, что непосредственно аксиология может стать инструментом, который позволит ученым-лингвистам ответить на вопросы о происхождении и развитии мировоззрения и скрытых причинах действий как человека самого по себе, так и народов в целом [Березович, <http://www.kapija.narod.ru/Axiology/index.htm>]. Принимая во внимание вышеизложенные дефиниции, следует обозначить понимание аксиологии в

рамках лингвистики, которого мы будем придерживаться в данном исследовании: аксиологическая лингвистика – это отрасль языкознания, изучающая способы выражения оценки говорящего в отношении объекта высказывания, варианты классификации оценок, а также определяющая общекультурные и национально-маркированные ценности через анализ языка.

Необходимо разграничивать понятия «оценка» и «ценность». Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой дает соответственно следующие дефиниции объективирующих их лексем: «мнение о ценности, уровне или значении кого-чего-нибудь» [2009, 486] и «важность, значение» [2009, 876]. Как видно, данные понятия при их различии являются близкими, ибо оценка, во-первых, предполагает мнение о ценности, а во-вторых, она, как и ценность, непосредственно связана с тем, что имеет значение для кого-либо. Поскольку большинство ФЕ с точки зрения их семантики характеризуется оценочностью, можно говорить о том, что анализ языкового материала, в частности фразеологического, предполагает выделение элементов с аксиологическими свойствами, которые 1) либо имплицитно передают оценочные характеристики высказывания, 2) либо указывают на национально-культурные ценности. В рамках первой грани аксиологического аспекта с помощью языка и некоторых определенных языковых элементов говорящий может передавать, помимо информационного сообщения как такового, еще и собственную оценочную коннотацию по отношению к объекту высказывания.

Любая ФЕ репрезентирует многогранность своих категориальных свойств, но именно оценочность является одной из важнейших характеристик, наполняющей оборот экспрессивностью и эмоциями. Данная характеризующая функция неотделима от семантики большинства ФЕ. Аксиологический аспект добавляет к значению фразеологизма отношение субъекта речи к объекту. При обобщении категории оценочности ФЕ возможна дифференциация на два вида оценки: положительную

(позитивную) [«ангельское терпение» и «patience d'ange» в значении «ангельское терпение» [ФРСФС, 58] и отрицательную (негативную) [«retourner qqn comme une crêpe» (досл. «переворачивать кого-л. как блин») в значении «влиять на кого-л. и заставлять его менять свое мнение» [ФРСФС, 193]; «в чужом пиру похмелье» в значении «неприятности из-за других, из-за чужой вины» [РФИЭС, 535]. Следует подчеркнуть, что любой фразеологизм в своей семантике имеет ту или иную оценочную (аксиологическую) коннотацию, однако большинство из них передает отрицательную оценку.

Семантическая структура ФЕ, обладающая сложной организацией, включает в себя аксиологический компонент, репрезентирующий так называемые частнооценочные значения. Е.И. Диброва предлагает следующую классификацию частнооценочных значений:

1. Эмотивная оценка: «умирать со смеху» – очень сильно смеяться, забавляться, интенсивно веселиться (позитивная), «постная физиономия» – грустный, бледный и угрюмый человек (негативная); «voir tout en bleu» (досл. «видеть все в синем» – быть оптимистом) (позитивная), «avoir la berlue» (досл. «иметь затмение» – быть ошарашенным, быть не в себе) (негативная).

2. Этическая оценка: «человек слова» – надежный человек, который всегда сдерживает обещание (позитивная), «шагать по трупам» – быть жестоким, способным устранить конкурентов для достижения цели (негативная); «avoir de l'atout» (досл. «иметь козырь» – быть парнем не промах) (позитивная), «un homme sans aveu» (досл. «человек без признания» – тёмная личность; авантюрист; бродяга) (негативная).

3. Интеллектуальная (эпистемическая) оценка: «браться за ум» – становиться более рассудительным, разумным (позитивная), «пустая голова» – глупый человек (негативная); «avoir oublié d'être bête» (досл. «забыть о том, чтобы быть глупым» – быть очень сообразительным) (позитивная), «bouché à l'émeri» (досл. «заткнутый наждачкой» – бестолковый, тупоголовый) (негативная).

4. Нормативная (деонтическая) оценка: «вырастать в глазах» – измениться в положительную сторону согласно чьей-л. оценке (позитивная), «валять дурака» – говорить, делать глупости (негативная); «remplir l'attente» (досл. «наполнить ожидание» – оправдать надежды) (позитивная), «donner une aubade» (досл. «дать утреннюю серенаду» – сыграть с кем-л. злую шутку) (негативная).

5. Кваликативная (качественная/количественная) оценка: «в два счета» – очень быстро (качественная позитивная), «толстый как боров» – говорится об очень полном человеке (качественная негативная); «faire un bail avec la vie» (досл. «заключить договор аренды с жизнью» – быть бодрым, крепким в старости) (качественная позитивная), «barre à mine» (досл. «перекладина выражения лица» – ненадежный, невезучий человек) (качественная негативная); «сколько душе угодно» (очень много) (количественная позитивная); «кот наплакал» – очень мало (количественная негативная); «à pleine corbeille» (досл. «с полной корзиной» – в изобилии, щедро) (количественная позитивная); «être de petite vie» (досл. «быть от маленькой жизни» – мало есть) (количественная негативная) [СРЯД 2006, 328].

Чувства говорящего, его эмоции, душевные переживания непременно порождаются частным, персональным отношением к объекту речи, обозначаемому фразеологическим оборотом, что даёт нам право говорить о том, что эмоциональный мир говорящего прочно, неделимо связан с такой характеристикой ФЕ, как оценочность. Эмоциональные оценка чего-либо, отношение к чему-либо могут быть продемонстрированы путём передачи говорящим различных чувств, отражающихся в семантической структуре ФЕ. Во фразеологических словарях присутствуют специальные пометы, указывающие на эмоциональную коннотацию оборота: «ироническое», «неодобрительное», «презрительное», «пренебрежительное», «шутливое» и другие. Приведем несколько примеров подобных русских фразеологизмов: «как баран на новые ворота» – стать в тупик, столкнувшись с чем-либо

новым, неожиданным (пренебр.) [ФСРЯФЛ, 15]; «бары растабаривать» – вести бессмысленные разговоры (неодобр.) [ФСРЯФЛ, 16]; «черная душа» – о коварном, способном на низкие, предосудительные поступки человеке (презрит.) [РФИЭС, 210]; «разбираться как свинья в апельсинах» - абсолютно не понимать в чем-л. (ирон.) [РФИЭС, 629]; «как в аптеке» – совершенно точно (шутл.) [ФСРЯФЛ, 10].

Во французском языке также можно выделить фразеологизмы, выражающие эмоциональное отношение к обозначаемому объекту речи. Например, ФЕ «un bouillon d'onze heures» (досл. «отвар, выпиваемый в одиннадцать часов») – ядовитое зелье, яд (прост.) [Назарян 1968, 52]; «faire les ablutions» (досл. «совершать омовение») мыться (шутл.) [НБФРФС, 5]; «courir l'aiguillette» (досл. «бежать со шнурком») искать любовных приключений (вульг.) [НБФРФС, 29], «ami de tout le monde» (досл. «друг всего мира») всеобщий друг (ирон.) [НБФРФС, 52], «bander mou» (досл. «перевязывать мягко») трусить, дрейфить (груб.) [НБФРФС, 119].

На основании приведённых выше примеров можно сделать вывод, что такие категориальные свойства ФЕ, как оценочность, экспрессивность и эмоциональная оценка являются коррелирующим, взаимосвязанным аспектом семантики фразеологизма, что дает право связывать данную общность свойств в целом со стилистической характеристикой ФЕ [СРЯД 2006, 331].

Несмотря на то, что большинство фразеологизмов обладает оценочностью, далеко не каждый из них может передавать ценностную информацию. Вторая грань аксиологического аспекта фразеологии актуализируется экспликацией общекультурных (универсальных) и национально-культурных (уникальных) ценностей русского и французского этносов.

Под общекультурными ценностями мы понимаем такие из них, которые существуют в материальной и духовной жизни преобладающего числа лингвокультурных сообществ или каких-либо конкретных (в нашем

случае русского и французского) этносов. При этом представляется уместным ввести понятие аксиологической фразеологической диады, актуализирующей совокупность двух противопоставляемых групп: ФЕ со значением, связанным с конвенциональными ценностями, и ФЕ, план содержания которых маркирует конвенциональные антиценности [Байрамова 2006, 82]. Примером подобных диад служат: жизнь – смерть [«вдохнуть жизнь» [РФИЭС, 223] и «redonner la vie à qqn» (досл. «снова дать жизнь кому-л.») [НБФРФС, 1594] в значении «оживить, вернуть к жизни, сделать жизнеспособным» – «накладывать на себя руки» и «mettre fin à ses jours» (досл. «класть конец своим дням») в значении «совершить самоубийство» [ФРСФС, 138], смелость – трусость [«смотреть в лицо (опасности)» в значении «не бояться чего-л., быть мужественным» [ФСРЯФЛ, 264] и «aller au combat comme à la pose» (досл. «идти в бой как на свадьбу») в значении «идти с улыбкой навстречу опасности» [НБФРФС, 343] – «бояться собственной тени» и «avoir peur de son ombre» в значении «быть очень боязливым, робким, забитым» [ФРСФС, 19], богатство – бедность [«бешеные деньги» и «un argent fou» в значении «огромная сумма денег» [ФРСФС, 16] – «гол как сокол» и «pauvre comme Job» (досл. «бедный как Иов») в значении «человек, абсолютно лишенный средств на существование» [ФРСФС, 142] и т.д.

Национально-культурные ценности в данном исследовании понимаются как важные, значимые реалии объективного мира, либо существующие в рамках одной народности и отсутствующие у другой/других, либо преобладающие у одной нации по отношению к другой/другим. Анализ фразеологического фонда двух языков показал, что национально-культурные ценности могут актуализироваться посредством ФЕ, обладающих уникальными семантикой, внутренней формой или лексико-компонентным составом, которые являются лакунарными во фразеологии другого языка. Например, уникальный план содержания фразеологизма говорит о национально-культурной ценности или

антиценности описываемой реалии: «Северная Пальмира» в значении «Санкт-Петербург» [РФИЭС, 514], «пошел березки считать» (о ссылке в Сибирь) [РФИЭС, 49], «l'abbaye de monte-à-regret» (досл. «аббатство горы скорби») в значении «гильотина» [НБФРФС, 3], «la bergère de Domrémy» (досл. «домремийская пастушка») в значении «Жанна д'Арк» [НБФРФС, 144].

Фразеологизмы с уникальной внутренней формой также маркируют национально-культурные ценности или антиценности: «как Мамай прошел» [РФИЭС, 415] и «c'est la Bérézina» [ФРСФС, 169] (досл. «это Березина» – полнейший разгром, бедствие, поражение, разорение), «дым столбом (коромыслом)» [РФИЭС, 213] и «la cour du roi Rétaud» [НБФРФС, 411] (досл. «двор короля Пето» – место беспорядка, суматохи, сумасшедший дом).

В соответствии с количественным подходом к составу фразеологического фонда выделяются идеографические области, указывающие на акцентированность нации в определенную сферу универсума, что имплицитно ценностно той или иной реалии бытия для определенного лингвокультурного сообщества. Например, в результате анализа значений ФЕ выявляется, что в русской фразеологии в большей степени актуализируются такие нравственные ценности, как сохранение семейных традиций, верность, целомудрие, гостеприимство, щедрость, радушие [«Филемон и Бавкида» в значении «о неразлучной паре старых супругов» [РФИЭС, 722], «зайти на огонек» в значении «зайти в гости к друзьям, знакомым без предупреждения, запросто» [РФИЭС, 489], «пир на весь мир» в значении «о многолюдном, богатом пиршестве» [РФИЭС, 535] и т.д.]. Во французской фразеологии преобладают такие национально-культурные ценности, как свобода половых отношений, легкость измены своему партнеру, а также важное значение для человека финансов, политики, гастрономии, различных видов развлечений [«aller à la cour des aides» (досл. «ходить во двор помощников») в значении «изменять мужу» [НБФРФС, 411], «faire suer son argent» (досл. «заставить свои деньги потеть») в значении

«брать большие проценты за ссуду» [НБФРФС, 72], «des discussions de Café du Commerce» (досл. «дискуссии коммерческого кафе») в значении «пустые политические дискуссии» [НБФРФС, 239], «donner de l'air à une bouteille» (досл. «дать воздуха бутылке») в значении «откупорить бутылку» [НБФРФС, 33] и т.д.].

Нахождение уникальных компонентов в составе ФЕ и распределение их по идеографическим областям также дает возможность выделять национально-культурные ценности на базе проводимого анализа. Например, в русской фразеологии компоненты единиц репрезентируют такие понятийные сферы, как сельский быт и ремесла, культурно-обрядовая сфера, фольклор и мифология и т.д. [«перековать лемех на свайку» в значении «о людях, меняющих трудовую жизнь на безделье» [РФИЭС, 380], «как бабушка отщептала» в значении «все прошло, бесследно исчезло (о болезни, неприятностях)» [РФИЭС, 39], «богатырь на распутье» в значении «о выборе направления движения; о выборе решения проблемы» [РФИЭС, 59] и т.д.].

Во французской фразеологии лексические компоненты детерминируют следующие ценностные идеографические области: экономику, финансы, гастрономию, развлечения и т.д. [«marquer à l'actif» (досл. «отмечать в актив») в значении «считать преимуществом, признавать достоинством, заслугой» [НБФРФС, 14], «passer bail avec qn» (досл. «передать арендную плату с кем-либо») в значении «завязать дружбу, вступить в любовную связь с кем-либо» [НБФРФС, 110], «donner son biscuit à qn» (досл. «дать свой бисквит кому-либо») в значении «выпроводить кого-либо» [НБФРФС, 160], «comme l'as de rique» (досл. «как пиковый туз») в значении «плохо, нескладно; дурак дураком» [НБФРФС, 80] и т.д.].

Итак, аксиология является наукой о ценностях, в то время как аксиологическая лингвистика изучает представления о ценностях через призму языка. Понятия оценки и ценности не являются тождественными, большее число ФЕ характеризуется оценочным, а не ценностным аспектом. Аксиологический аспект фразеологизма может передаваться через его

семантику благодаря набору частнооценочных значений. Оценочность не отделима от экспрессивности и эмоциональной оценки, и в целом они соотносятся со стилистической характеристикой ФЕ. Аксиологический аспект фразеологии актуализируется благодаря репрезентации в ней общекультурных и национально-культурных ценностей. Общекультурные ценности объективируются аксиологическими фразеологическими диадами. Национально-культурные ценности манифестируются посредством фразеологизмов, обладающих уникальностью семантики, образной составляющей, компонентного состава.

1.4. Антропоцентризм фразеологии

Важность аксиологического аспекта фразеологии, предполагающего возможность ее исследования с целью извлечения из нее информации о ценностях лингвокультурного сообщества, актуализирует роль человеческого фактора, оказывающего влияние на структурно-семантическую организацию фразеологического фонда. По данной причине целесообразно говорить о том, что фразеология носит антропоцентрический характер, проявляющийся в наличии ФЕ с компонентами или образной составляющей, передающими реалии, связанные либо с самим человеком (части человеческого тела, черты характера), либо с окружающей его действительностью. Можно утверждать, что антропоцентризм фразеологии является универсальным для всех языковых систем, а не национально-специфической особенностью языка отдельно взятого этноса, что подтверждается анализом русской и французской фразеологии. Здесь обнаруживается множество примеров ФЕ антропоцентрического характера: вплотную – «нос к носу» и «nez à nez», «плечом к плечу» и «côte à côte» (досл. «ребром к ребру») (представление о пространстве); мало – «по пальцам пересчитать» и «on peut les compter sur les doigts de la main» (досл. «можно пересчитать по пальцам руки»), много – «по шею» и «jusqu'au cou» (представление о количестве); полностью, целиком –

«до мозга костей» и «jusqu'а la moelle des os», «до кончиков пальцев» и «jusqu'au bout des doigts» (представление о качестве). Можно сделать вывод о том, что для каждого из этносов человек представляет собой систему, меру понятий, накладываемую на реалии окружающего мира и, вслед за этим, получающую отражение в языке, в частности, во фразеологии.

Необходимо отметить, что существует разница между словарной, энциклопедической дефиницией какого-либо предмета, понятия и тем, что любой человек непроизвольно вкладывает в это понятие, называя его, т.к. за простой номинацией стоит огромный багаж второстепенных знаний о предмете, чувственные ассоциации, связывающие слово и человека.

Первые попытки провести черту между предметом и закладываемыми в него человеком дополнительными характеристиками прослеживаются у Аристотеля, который в своих трудах понимал под «сутью бытия», т.е. сущностью предмета, то, что раскрывает его предназначение, его априори известные свойства, именно то, что объективируется в его словарной дефиниции, а значит, является научной трактовкой понятия. А «вещь сама по себе» для него представляется понятием, обладающим наиболее многогранным значением, чем-то, что дает волю нашим мыслям и чувствам реагировать на воспринимаемый ими объект в данный момент времени [1934, 120].

Вслед за Аристотелем над вопросом разграничения научного и бытового понятий одного и того же объекта работал в 19 веке ученый-лингвист А.А. Потебня, предложивший их классификацию как «ближайшее» (соответствует бытовому понятию, наполненному ассоциативными мыслеобразами) и «дальнейшее» (референтно со словарной дефиницией) понятия [1958, 19].

Идею А.А. Потебни продолжили такие лингвисты, как Д.П. Горский [1957], говоривший о понятии в широком и узком смыслах, Л.С. Выготский [1999], противопоставлявший «житейские» понятия «научным», И.А.

Стернин [1979], разделявший «научные» и «бытовые» семы, Ю.Д. Апресян [1995], сравнивавший «научную» и «наивную» картины мира, и т.д.

Следует уточнить, что не все лингвисты вкладывают один и тот же смысл в то, что они называют «бытовым» и «научным». Например, Д.П. Горский, в отличие от многих других ученых, считает, что научное понятие шире бытового, давая понять, что понятие является мыслью, передающей как общие, так и дифференциальные свойства предмета. И «бытовые», и «научные» понятия отражают и те, и другие признаки объекта, однако «научные» включают в себя именно существенные характеристики. При «бытовой» классификации понятие и семантика слова идентичны, в свою очередь, «научная» классификация также актуализирует сущность объекта, раскрывающую дополнительные детали и свойства [1957, 85].

В нашей работе мы будем придерживаться дифференциации понимания «научной» и «наивной» интерпретаций, предложенной Ю.Д. Апресяном, который считает, что научная дефиниция передает только энциклопедическое значение слова, а «наивное» понимание раскрывает всю гамму дополнительных образов, вкладываемых определенным этносом в данную единицу высказывания [1995].

Говоря об антропоцентризме фразеологии, рассмотрим данное явление в русском и французском языках на примерах представлений человека о пространстве, трудовой деятельности, интеллектуальной деятельности, чувствах и т.д., которые, будучи представленными фразеологическими средствами, воспринимаются людьми через собственные перцепции окружающей действительности и индивидуальный опыт. Можно сравнить этот процесс с «распространением» индивида на объективный мир: «дальше своего носа не видеть» и «ne pas voir plus loin que le bout de son nez» (досл. «не видеть дальше кончика своего носа» – быть ограниченным, крайне недалеким, не видеть общего за частным) [ФСРЯФЛ, 327; НБФРФС, 1063]; «знать как свои пять пальцев» и «savoir qch sur les bouts des ongles» (досл. «знать что-либо на кончиках ногтей» – знать досконально, владеть

чем-либо в совершенстве [НБФРФС, 205]; «сложена руки» и «les bras croisés» (досл. «скрещенные руки» – ничего не делая) [НБФРФС, 216]; «сердце оборвалось» и «en avoir le cœur retourné» (досл. «там иметь перевернутое сердце» – о внезапном ощущении сильной тревоги или испуга; испытывать сильное волнение) [ФСРЯФЛ, 466; НБФРФС, 334].

Благодаря антропоцентрической модели перцепции окружающего универсума происходит расширение объема понятия, при котором бытовая классификация с учетом корреляции целостного зрительного образа наделяет данное понятие дополнительными характеристиками и качествами, ранее ему не присущими и дифференцирующими его от научной классификации. Формирование такой модели в значительной степени обусловливается существованием во фразеологии многочисленных единиц, обладающих в своем составе соматизмами, т.е. словами, объективирующими сферу телесности и указывающими на различные части тела человека. К ним можно отнести, например, русские ФЕ «до корней волос» (покраснеть до корней волос) – «всем своим существом, целиком, полностью» [РФИЭС, 343], «под нос» (говорить под нос) – «говорить очень тихо, невнятно [ФСРЯФЛ, 329], «в глаза» (говорить что-л. в глаза) – «говорить что-л., обращаясь непосредственно к тому, о ком идет речь, или в его присутствии [ФСРЯФЛ, 98], французские ФЕ «bras levé» [«avoir le bras levé» (досл. «иметь поднятую руку») – быть агрессивно настроенным] [НБФРФС, 216], «à pleins bras» [«travailler à pleins bras» (досл. «работать полными (обеими) руками») – работать много, не покладая рук] [НБФРФС, 215], «sur le bras» [s'appuyer sur le bras de qn (досл. «опереться на чью-либо руку») – пользоваться чьей-л. поддержкой] [НБФРФС, 216]. С помощью подобных фразеологизмов можно обозначить определенную закономерность: характерные внешние признаки частей тела человека (корней волос, носа, глаз, рук и т.д.) коррелируются сознанием с различными представлениями об эталонах бытия (уровня воздействия, дистанции, уровня громкости, направления, усилия, фактора

угрозы и т.п.), что увеличивает объем данных понятий, отводя для них место в бытовой классификации.

Существует ряд ФЕ, облегчающих реализацию представления об универсуме, если принимать во внимание разницу функций объектов, которые являются достаточно близкими в научной классификации. Например, можно взять для сравнения представления о характеристике человека и поведении человека, репрезентируемые через фразеологизмы «стать на ноги» и «se mettre sur pieds» (обрести самостоятельность, независимое положение; быть самостоятельным) [ФСРЯ, 453; DEL, 714], «стать на колени» и «se mettre à genoux» (покориться, подчиниться кому-либо) [ФСРЯ, 453; DEL, 462]. В этой конкретной ситуации колени являются частью ног, которая им же противопоставлена, т.к., будучи компонентом фразеологизма, соматизм «колени» олицетворяет собой недостойную, позорную опору, что разнится с семантикой соматизма «ноги», представляющем вид обязательной, заложенной природой опоры.

Расширение объема понятий, имеющее место в «наивной» классификации по отношению к научной, происходит благодаря образности, которой обладает большинство ФЕ. Приведём в пример слово «сердце», которое и в русском и во французском языках интерпретируется как «центральный орган кровеносной системы в виде мышечного мешка» [ТСРЯ, 713], обеспечивающий ток крови по кровеносным сосудам. В «наивной» классификации сердце трактуется как место сосредоточения всех возникающих у человека чувств, что, в свою очередь, отражается на многих фразеологизмах, использующих в своём составе этот компонент и репрезентирующих такое представление об универсуме, как чувства (эмоции): «от всего сердца» (совершенно искренне) [РФИЭС, 632]; «брать за сердце» (волновать, производить сильное впечатление) [ФСРЯФЛ, 465]; «камень с сердца свалился» (стало намного легче после тяжелого переживания) и «*cœur de cristal*» (досл. «сердце из кристалла» – чистая душа) [НБФРФС, 329]; «*à cœur ouvert*» (досл. «с открытым сердцем» – дружески,

искренне) [НБФРФС, 330], «épouser selon son cœur» (досл. «жениться, выйти замуж согласно своему сердцу» – жениться, выйти замуж по любви) [НБФРФС, 331].

Итак, русская и французская фразеология отличается антропоцентрическим характером. Через призму «наивной» классификации реалий, отражающейся в ней, передаются бытовые представления об универсуме с ярко выраженной национально-культурной окраской. ФЕ эксплицируют представления об объективном мире как с направленностью на самого человека, так и с ориентацией на окружающие его реалии универсума. Это позволяет не только отражать объекты материального или идеального мира, но и оценивать их, выражать субъективное отношение к ним индивида путём использования фразеологических оборотов.

1.5. Когнитивная ценность фразеологии

Фразеологизмы отражают окружающую действительность, в частности, через внутреннюю форму, через образ, заложенный в них, и в связи с этим являются носителями информации об объективном мире и одним из механизмов передачи знаний о нем. Следовательно, анализ фразеологии должен представлять интерес для когнитивной лингвистики, которая «изучает закономерности отражения в языке познавательных процессов, происходящих в сознании говорящего» [Крысин 2010, 340].

Согласно В.П. Жукову, предложившему одну из методик качественно-количественного учета познавательной ценности фразеологизмов с учетом объема их объяснительного минимума, последняя может рассматриваться как в гносеологическом, так и в лингвистическом планах [2006, 27-32]. Он справедливо полагает, что «в гносеологическом плане под познавательной ценностью следует понимать способность языковых единиц отражать своим внутренним содержанием объективную действительность и тем самым служить средством ее познания. Мышление человека создает в процессе

трудовой и сигнально-речевой деятельности определенные понятия о вещах, их свойствах и отношениях. В семантике языковых единиц результаты познавательной деятельности воплощаются не только в виде различных знаний и представлений (обыденных и научных), но и в форме всевозможных оценок, выражающих субъективное отношение человека к миру» [там же, 27].

Например, окружающий мир человека полон различных представителей флоры и фауны нашей планеты, которые сопутствуют ему на протяжении всего эволюционного периода вплоть до настоящего момента. Естественно, человек наблюдал за образом жизни, повадками, поведением и характером той или иной особи, отмечал интересные факты, делал какие-либо выводы, что в процессе развития и формирования языка неизбежно отражалось в нем и, в частности, во фразеологическом фонде. Познание человеком окружающего мира отражается, прежде всего, во внутренней форме и компонентном составе ФЕ. Это подтверждают фразеологизмы, частью компонентного состава которых являются наименования зооморфного кода культуры. Так, наблюдая за поведением крысы и испытывая явно негативное отношение к данному существу, человек отметил следующие ее качества, вошедшие впоследствии во фразеологический фонд: предчувствие опасности с попыткой спасти свою жизнь [«как крысы с корабля» [БФСРЯ, 304] и «les rats quittent le navire» (досл. «крысы покидают корабль») [НБФРФС, 1318], мелкая возня, бездумное копошение [«канцелярская крыса» [БФСРЯ, 326] и «rat de cave» (досл. «подвальная крыса» в значении «акцизный чиновник, досмотрщик») [НБФРФС, 1318], трусость, нежелание вступать в драку [«тыловая крыса» [БФСРЯ, 700].

Также целесообразно выделить акциональные ФЕ, имеющие образной составляющей действия, характерно совершаемые как самими животными, так и над ними: «лизать пятки» [БФСРЯ, 358] и «lécher les bottes à qn» (досл. «лизать сапоги кому-л.») [НБФРФС, 887] в значении «прислуживаться, угождать»; «из кожи лезть» [БФСРЯ, 268] и «laisser la peau des fesses à qn»

(досл. «оставить кожу с ягодиц») [НБФРФС, 1169] в значении «стараться изо всех сил, проявлять усердие»; «водить за нос» [БФСРЯ, 497] и «mener par le nez» [НБФРФС, 1061] в значении «бессовестно обманывать, дурачить»; «перегрызть горло» [БФСРЯ, 514] и «tenir qn à la gorge» (досл. «взять кого-л. За горло») [НБФРФС, 756] в значении «жестоко расправиться, уничтожить, погубить»; «подрезать крылья» [БФСРЯ, 543] и «couper les ailes à qn» [НБФРФС, 30] в значении «препятствовать, мешать, лишая возможности действовать уверенно» и т.д.

Следует отметить тот факт, что огромное влияние на фразеологию произвели те аспекты человеческой жизни, которые носят некий сакральный характер, в большинстве своем являясь непостижимыми, часто пугающими и основанными лишь на интуитивном веровании из-за отсутствия возможности получения подтверждающих доказательств. Речь идет о религиозных и мифологических представлениях человека об окружающей действительности, обладающих мощной экспрессивно-эмоциональной окраской, естественно вливающих в фразеологический фонд любого этноса.

Познавая мир через призму христианской религии, человек наполняет свою речь образами, характерными именно для этого аспекта его жизни. Например, «на седьмом небе» [БФСРЯ, 431] и «être au septième ciel» (досл. «быть на седьмом небе») [НБФРФС, 316] в значении «быть совершенно, безгранично счастливым», «ноев ковчег» [БФСРЯ, 489] и «arche de Noé» [НБФРФС, 70] в значении «переполненное, перенаселенное помещение», «манна небесная» [БФСРЯ, 372] и «manne céleste» [НБФРФС, 953] в значении «что-л. крайне необходимое, спасительное», «яблоко раздора» [БФСРЯ, 734] и «pomme de discorde» [НБФРФС, 1247] в значении «то, что порождает конфликт, серьезные противоречия» и т.д.

Помимо христианских представлений об объективной реальности, можно также выделить мифологию, например греческую или славянскую, которая также послужила источником познания мира и отражения его через

фразеологию: «между Сциллой и Харибдой» [БФСРЯ, 378] и «*tomber de Charybde en Scylla*» (досл. Попасть от Харибды к Сцилле) [НБФРФС, 285] в значении «в сложном положении, из которого трудно найти выход», «золотой дождь» [БФСРЯ, 245] в значении «большие денежные суммы», «ахиллесова пята» [БФСРЯ, 25] и «*talon d'Achille*» [НБФРФС, 1467] в значении «единственное или самое уязвимое место», «трын-трава» [БФСРЯ, 698] в значении «пустяки, не стоит внимания», «метать громы и молнии» [БФСРЯ, 381] в значении «ругать, не сдерживая чувства крайнего раздражения» и т.д.

Говоря о когнитивной ценности фразеологии в лингвистическом плане, в первую очередь следует отметить ее реализацию через ономаσιологический и лексикографический аспекты. В.П. Жуков в данной связи отмечает, что «в ономаσιологическом плане языковые единицы рассматриваются с точки зрения формирования их как средств номинации», т.е. ФЕ становятся объектом пристального изучения в рамках их способности называть, передавать информацию об окружающей действительности, прошедшую через сознание индивида, а «при лексикографическом осмыслении проблемы предметом анализа становятся идентифицирующие возможности языковых единиц на уровне словарных определений (дефиниций)», что, в свою очередь, говорит об эвентуальности фразеологизмов быть равнозаменимыми синонимами для эквивалентных слов или выражений исходя из объема семантической структуры ФЕ [2006, 27].

Приведем некоторые примеры. Среди фразеологического фонда русского и французского языков существенная часть отводится ФЕ, называющим объекты окружающего мира, природные явления, стихии, познавательная ценность которых не вызывает сомнений: «мутить воду» [БФСРЯ, 388] и «*tendre l'eau trouble*» [НБФРФС, 530] (значение данных ФЕ свидетельствует о чистоте воды, как о её природном свойстве), «звезд с неба не хватает» [БФСРЯ, 234] и «*ne pas avoir inventé l'eau chaude*» (досл. «не

придумать горячую воду») [НБФРФС, 532], «с луны свалился» [БФСРЯ, 602] и «*tomber des nues*» (досл. «упасть с облаков» в значении «с неба свалиться») [НБФРФС, 1077], «как гром среди ясного неба» [БФСРЯ, 295] и «*comme un coup de foudre dans un ciel serein*» (досл. «как удар молнии в ясном небе») [НБФРФС, 393] (грома обычно не бывает, когда небо ясное), «место под солнцем» [БФСРЯ, 381] и «*place au soleil*» [НБФРФС, 1217] и т.д.

В отдельную группу следует выделить фразеологизмы, познавательная ценность которых актуализируется через компонентный состав или внутреннюю форму наличием прямой или косвенной связи с историческими событиями. У некоторых ФЕ соотнесение с реалией прошлого лежит на поверхности, ярко выражено: «как Мамай прошел» в значении «полнейший беспорядок, разруха» (образ фразеологизма восходит к реальному историческому событию, когда татарский темник Мамай, провозгласивший себя ханом Золотой Орды, совершил два набега на русские земли с целью разорения населения) [БФСРЯ, 305], «как шведы под Полтавой» в значении «быть разбитым, гореть, погореть» (внутренняя форма данной ФЕ также говорит об историческом факте сражения недалеко от города Полтавы на Украине между русскими и шведскими войсками, когда последние потерпели сокрушительное поражение) [БФСРЯ, 317], «потемкинские деревни» в значении «фальшивое благополучие, ложные достижения» (в образе фразеологизма лежит историческое событие, когда российская императрица Екатерина II решила объехать свои владения и посмотреть на жизнь подданных, а ее фаворит Г.А. Потемкин, стремясь добиться ее расположения, организовал фальшивые поселения на пути следования императрицы, в которых счастливые крестьяне водили хороводы и пели) [БФСРЯ, 555], «*pour le roi de Prusse*» (досл. «ради прусского короля») в значении «даром, без всякой выгоды» [НБФРФС, 1357] (внутренняя форма ФЕ говорит об историческом факте скупости прусских королей, в частности Фридриха II, недоплачивавшего жалованье своим солдатам), «*à la guillotine*» (досл. «под гильотину») в значении «высоко снятые, состриженные волосы на затылке»

[НБФРФС, 787] (гильотина — орудие казни: машина для обезглавливания; введена во Франции во время Великой Французской революции в 1792 г.) [Крысин 2010, 190].

Другие фразеологизмы данной группы также содержат в себе связь с историческими событиями, однако для ее распознавания требуется этимологический комментарий: «спустя рукава» в значении «небрежно, без усердия, не стараясь» [БФСРЯ, 654] (происхождение фразеологизма «связано с особым покроем верхней одежды в старину ... с такими длинными, расширяющимися к концу рукавами, что они доходили до колен, а иногда и до самых пяток Делать что-л. с опущенными рукавами было невозможно При работе поэтому рукава засучивали») [Мелерович 2001, 623-624], «pas d'argent, pas de Suisse» (досл. «нет денег – нет швейцарца») в значении «даром ничего не дают» (оказывается, что с XV в. до конца XVIII в. во французской армии служили швейцарские наемники, отличавшиеся жадностью к деньгам и всякий раз громко требовавшими своего жалования, когда его выдачу задерживали; в противном случае они угрожали бросить службу, восклицая: «pas d'argent, pas de Suisse!») [Назарян 1968, 22].

Данные примеры фразеологизмов отличаются очевидной идиоэтнической спецификой по причине того, что исторические события, произошедшие на территории одного государства, ставшие его культурным наследием и памятью, и, как следствие, нашедшие отражение во фразеологии данного этноса, не являются значимыми для другого государства и лакунарны в его языковой системе.

Следует добавить, что когнитивная ценность фразеологии совершенно не ограничивается узким спектром обозначенных выше тем, а распространяется на многие аспекты человеческой жизнедеятельности, что репрезентируется ФЕ со связанным с той или иной профессией компонентным составом, образующими так называемый «терминологический» пласт фразеологии. К данной части ФКМ можно отнести следующие группы фразеологизмов: научные [«как дважды два»

[БФСРЯ, 302] и «*comme deux et deux font quatre*» (досл. «как дважды два – четыре») [НБФРФС, 487], карточные [«идти ва-банк» [БФСРЯ, 261] и «*jouer son va-tout*» (досл. «играть всю свою ставку») [НБФРФС, 1572], социологические [«утечка умов» и «*exode des cerveaux*» (досл. «утечка мозгов») [ФРСФС 2009, 37], мореплавательские [«сидеть на мели» [БФСРЯ, 633] и «*être à sec*» (досл. «быть высохшим, без воды») [НБФРФС, 1400], военные [«быть мишенью» и «*servir de cible*» (досл. «служить мишенью») [ФРСФС 2009, 71], политологические [«железный занавес» и «*rideau de fer*» (досл. «занавес из железа») [ФРСФС 2009, 69] и т.д.

Если предположить, что «терминологический» пласт по каким-либо причинам может быть убран из фразеологического фонда, станет очевидным тот факт, что ФЕ резко уступят свои позиции по отношению к обычным словам и словосочетаниям, окончательно передав им выполнение номинативно-когнитивной функции. Вследствие этого отдельными лингвистами фразеологизмам отводится вспомогательная или факультативная роль специфических коннотативных «довесков» или дублетов слов [Федоров 1973, 19].

Выше было отмечено, что фразеологизм репрезентирует собой совокупность эмоционально-экспрессивного и предметно-понятийного элементов, отражая при этом своей образной составляющей объективный мир. Следовательно, можно сделать вывод о взаимосвязи когнитивной и коннотативно-оценочной деятельности индивида. Например, эквивалентные ФЕ «преклонить колена» и «*fléchir le genou*», обладающие семантической структурой «покоряться, подчиняться, унижаться», состоящей из понятийного (покоряться, подчиняться) и коннотативного (унижаться) аспектов, создают отрицательное отношение к первоначальному денотату – расположению человека в пространстве с опорой на колени (когнитивный аспект), т.к. данная поза связана с положением побежденного.

Говоря о познавательной ценности фразеологии в рамках лексикографического аспекта, следует рассмотреть позицию В.П. Жукова,

который проводит параллель между объемом семантической структуры ФЕ и словарной дефиницией слова, обозначив следующую зависимость: чем больше объём объяснительного минимума, тем выше познавательная ценность ФЕ, и наоборот [2006, 29].

В соответствии с лексикографическим аспектом целесообразно рассматривать ФЕ, прежде всего, по семантическому признаку, что позволяет классифицировать их с опорой на формируемые ими тематические группы. Представляется логичным использовать результаты количественного анализа тематических парадигм ФЕ, которые помогают выявить наиболее существенные из ценностей русского и французского этносов.

Во французской фразеологии нами обнаружено 250 единиц, у которых план содержания или образная составляющая указывают на направленность нации в сексуальную сферу жизни [«aller acheter des cigarettes» (досл. «идти покупать сигареты» – уйти от жены, порвать любовную связь [НБФРФС, 317]; «corbillard à nœuds» (досл. «катафалк с узелками» – распространяющая венерическую болезнь проститутка) [НБФРФС, 369] и т.п. Обнаруживается обращенность французов к национальному алкогольному напитку – вину. Лексема, служащая его номинацией, является компонентом 212 ФЕ, например, «un vin d'adieu» (досл. «вино прощания» – прощальная пирушка) [НБФРФС, 1597]; «vin qui fait danser les chèvres» (досл. «вино, которое заставляет танцевать коз» – очень кислое вино, горлодер) [НБФРФС, 1598]. Еда также имеет особое значение для французского этноса (149 ФЕ): «faire bonne chère» (досл. «делать хороший стол» – потреблять в избытке изысканную пищу) [DLE, 23]; «s'en mettre plein les trous de nez» (досл. «набить себе полные ноздри» – питаться обильно и часто переедать) [DLE, 48]. Обращенность французов к эпикурейству ярко прослеживается на примерах фразеологизмов с семантикой или внутренней формой, связанными с жизненными удовольствиями (113 ФЕ): «c'est la vie de château» (досл. «это жизнь замка» – это прекрасная, беззаботная жизнь) [DLE, 316]; «rouler sur

Г'ор» (досл. «катиться (ехать) на золоте» – иметь огромное количество денег) [DLE, 101].

Согласно данным количественного анализа русского фразеологического фонда, у русского этнического сообщества преобладает направленность в иные социокультурные сферы жизни по сравнению с французским. Для него актуальны открытость (60 ФЕ) [«резать правду-матку» (говорить прямо, резко, ничего не скрывая, не смягчая) [БФСРЯ, 585], «по душам» (совершенно откровенно, искренне, сердечно) [БФСРЯ, 523]; радушие (49 ФЕ) [«чай да сахар» (народный обычай приветствия, доброго пожелания пьющим чай) [ФСРЯФЛ, 574]; щедрость (32 ФЕ) [«(приготовить) как на Маланьину свадьбу» (слишком большое количество, чересчур много) [ФСРЯФЛ, 274], «широкая душа» (человек не мелочный, готовый делиться с другими средствами, имуществом и т.п.) [ФСРЯФЛ, 731] и т.д. [Кравцов 2008, 89].

Итак, когнитивная ценность фразеологии репрезентируется в гносеологическом и лингвистическом планах. В гносеологическом плане под когнитивной ценностью следует понимать способность ФЕ отражать своим внутренним содержанием объективную действительность и тем самым служить средством ее познания. В лингвистическом плане познавательная ценность реализуется через ономаσιологический и лексикографический аспекты. В ономаσιологическом аспекте когнитивная ценность фразеологии актуализируется благодаря способности ФЕ служить средством номинации объектов окружающей действительности, а в лексикографическом – благодаря возможности интерпретировать значение ФЕ, а также классифицировать их по тематическому признаку, что позволяет создать представление о национальных особенностях и, в частности, ценностях соответствующего лингвокультурного сообщества.

Выводы по главе I

В результате анализа теоретических основ исследования фразеологического фонда языка можно сделать следующие выводы:

Фразеология изучает устойчивые сочетания слов с полностью или частично переосмысленным значением. В настоящее время наиболее распространенными являются широкое и узкое понимание фразеологии. Сторонники широкого понимания включают в состав фразеологического фонда языка такие единицы, как 1) идиомы; 2) фразеологические сочетания; 3) пословицы; 4) поговорки; 5) крылатые слова; 6) речевые штампы. В соответствии с узким пониманием фразеологический фонд языка содержит лишь класс идиом, т.е. фразеологические сращения и единства.

Помимо широкого и узкого понимания фразеологии, существует принятое в данной работе синкретическое, промежуточное. Оно предполагает включение в состав фразеологии идиом, а также фразеологических сочетаний, ибо во всех данных языковых единицах присутствует хотя бы один переосмысленный компонент.

ФЕ обладают определенным набором признаков, таких как устойчивость, номинативность, экспрессивность, оценочность, образность/безобразность, функционально-стилевая характеристика.

Фразеологический фонд языка является весьма перспективным для анализа и выявления национально-культурных особенностей народа, ибо в нем широко репрезентируются культурно-исторический опыт, ценности лингвокультурного сообщества, его устоявшиеся стереотипы, менталитет.

Анализ фразеологического фонда языка должен проводиться с учетом следующих критериев: 1) значение фразеологизмов; 2) их грамматические модели; 3) их лексический состав; 4) их образная составляющая; 5) их функционально-стилевые особенности. Многоаспектность исследования позволяет выявить идиоэтническую окраску фразеологического фонда лингвокультурного сообщества.

Изучение фразеологии через призму аксиологии представляет особый интерес, ибо оно дает возможность извлекать информацию о ценностях лингвокультурного сообщества, являющегося ее носителем. В результате анализа семантики, образной составляющей, лексико-грамматического состава ФЕ можно определить как универсальные (общекультурные), так и уникальные (национально-культурные) ценности определенного этнического сообщества.

Значительная часть фразеологического фонда состоит из единиц, компонентами которых являются наименования частей человеческого тела (соматизмы), отражающие направленность окружающего мира на человека, что свидетельствует об антропоцентризме фразеологии. Наличие подобных единиц в русском и французском языках говорит о том, что антропоцентризм может справедливо квалифицироваться как универсальное свойство фразеологии.

Антропоцентрический характер фразеологии обуславливает существование в ней так называемой «наивной» классификации реалий универсума, в которой отражается восприятие человеком объектов окружающей действительности через призму его эмоций, чувств, культурно-исторических ассоциаций, присущих определенному этническому сообществу.

Фразеология обладает когнитивной ценностью, характеризующейся возможностью человека реализовать свою познавательную деятельность посредством ФЕ. Познание мира сквозь призму фразеологии может осуществляться в гносеологическом и лингвистическом аспектах. Гносеологический план предполагает выделение во фразеологическом фонде оборотов с компонентами и внутренним образом, основанными на отражении объективного мира. Совокупность сведений о действительности выражается не только в форме знаний, но и в форме оценок, что объективируется в семантике ФЕ.

В лингвистическом плане когнитивная ценность фразеологии манифестируется через ономаσιологический и лексикографический аспекты. С точки зрения ономаσιологии ФЕ анализируются как объекты, обладающие способностью номинировать предметы универсума, быть информантами о реалиях окружающей действительности. Данная номинация носит национально-культурную специфику, т.к. была сформирована в сознании человека под влиянием его актуального мировоззрения. Сквозь призму лексикографического взгляда анализу подвергается такая способность ФЕ, как идентификация предмета, что коррелируется со словарно-энциклопедической трактовкой.

При анализе и систематизации ФЕ одним из самых значимых факторов является их дифференциация по тематическому признаку.

ГЛАВА II. ФРАЗЕОЛОГИЗМ КАК СРЕДСТВО РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЦЕННОСТЕЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО СООБЩЕСТВА

Идиоэтническая специфика фразеологии определенного лингвокультурного сообщества в значительной степени обуславливается его культурно-историческим опытом, существующей в нем парадигмой ценностей, особенностями его менталитета, а также тем, что образование фразеологизмов в большинстве случаев происходит на национальной, а не на универсальной основе. Неслучайно Е.Ф. Арсентьева утверждает, что ФЕ представляют собой сгусток культурной информации и позволяют сказать многое, экономя языковые средства, добираясь до глубины народного духа, культуры [Арсентьева 1993, 400]. Мы разделяем ее мнение о том, что имеется целый спектр критериев, определяющих наличие тождеств во фразеологических фондах двух языков: похожие социально-экономические условия жизни, уровень образованности и культуры нации, направленность мышления, духовные и моральные аспекты, поведенческие стереотипы и многие другие экстралингвистические факторы.

В свою очередь, опираясь на предыдущее утверждение, можно сделать вывод об обратной ситуации: разница между двумя этносами в экстралингвистических факторах неминуемо влечет за собой отражение во фразеологии, репрезентируемое в виде ФЕ с разными образными составляющими, отличающейся грамматической структурой, несовпадающими значениями при одинаковом плане выражения, необычным выбором лексических компонентов и т.д.

Исходя из вышесказанного, поиск в языке фразеологизмов, манифестирующих определенные ценности, носит весьма актуальный характер, т.к. анализ фразеологии и выявление сходств и различий между двумя языками помогает решить задачи, изложенные во введении. Однако для получения адекватных результатов анализа и, как следствие, правильных

выводов необходимо придерживаться определенной концепции при анализе фразеологии двух языков.

В теоретической части нашей диссертации мы описывали классификацию по пяти взаимосвязанным критериям, предложенную В.Г. Гаком для анализа фразеологического фонда двух языков. В нее входит анализ ФЕ по значению, по грамматической структуре, по лексическому составу, по образной составляющей и по функционально-стилевым особенностям. Несмотря на очевидную полноту данной классификации, включающей в себя все основные компоненты и характеристики ФЕ любого языка, для нашего исследования целесообразнее несколько иначе распределить изложение материала.

В первом параграфе практической главы будут рассмотрены фразеологизмы, обладающие уникальным значением. Второй параграф объединит в себе полученные результаты анализа фразеологии с точки зрения лексико-компонентных и грамматических различий, а также функционально-стилевых особенностей ФЕ двух языков. Расхождения по образной составляющей будут изложены в третьем параграфе.

Мы выносим в отдельный четвертый параграф информацию об ФЕ, репрезентирующих такое явление в лингвистике, как межъязыковая фразеологическая омонимия. Это объясняется тем, что фразеологизмы, представляющие данную категорию, хоть и попадают под четвертый пункт классификации (по первоначальному денотату), предложенной В.Г. Гаком, однако, выделяются из него своими необычными свойствами, чем представляют большую ценность для нашего исследования, являясь ярко выраженными манифестантами национально-культурной специфики фразеологии.

Аналогичная ситуация происходит с наименьшей группой фразеологизмов, рассматриваемых нами в пятом параграфе и являющих собой часть фразеологического фонда, основанную на когнитивных различиях, и передающую национально-культурный колорит через

особенное, оригинальное переосмысление одним народом универсального образа.

Анализ фразеологического фонда русского и французского языков проходит в два этапа. Первый этап заключается в сплошной выборке ФЕ, представляющих собой интерес с точки зрения репрезентации ценностей. При работе над этим этапом используется весь комплекс энциклопедических, толковых, фразеологических моно- и двуязычных словарей, указанных во введении. Второй этап является организацией полученных в результате выборки фразеологизмов по семантическому признаку, что позволяет описать фразеологические группы с точки зрения их тематики.

2.1. Семантика фразеологических единиц как средство репрезентации лингвокультурных ценностей

Категория значения (плана содержания) является одной из самых важных и значимых у фразеологизма. Ей уделяют огромное внимание такие исследователи в области лингвистики, как Райхштейн 1980; Кунин 1998; Солодуб 1985; Молотков, Жост 2001; Рожанский 1948; Барабаш 1955; Костелянц 1955; Баранова 1970; Влахов, Флорин 1986; Кравцов 2008; Зимин 1970; Козырева 1976; Селиверстова 1982; Солодухо 1982 и др. В.Г. Гак располагает данный аспект ФЕ на первом месте при выделении критериев для анализа фразеологии, также исходя из его общепризнанной значимости и первостепенности. Рассматривая семантические особенности фразеологизмов, можно говорить об эквивалентности значения или ее отсутствии, различных уровнях синонимичности, омонимии, но в таком случае анализ будет проходить на фоне пересечения с другими критериями, такими как образная составляющая и лексико-грамматические модели.

Однако в данном параграфе мы рассматриваем безэквивалентные, лакунарные фразеологизмы, значение которых отражено только во фразеологической системе одного из анализируемых языков, что позволит

проанализировать русскую и французскую фразеологию сквозь призму значений ФЕ.

Лакунарные фразеологические обороты, появляющиеся в каком-либо языке, способны объективировать те или иные ценности лингвокультурного сообщества, говорящего на данном языке. Подтверждением тому являются две первостепенные причины их появления. Первая – это реалии быта или исторического прошлого, свойственные сугубо одной нации и отраженные в ее фразеологическом фонде из-за определенной значимости, но не характерные, не знакомые или малознакомые для другой нации, и, следовательно, не получившие отражения во фразеологии данного этноса. Вторая – это универсальные реалии окружающего универсума, характерные для любого этноса и имеющие лексико-терминологическое отражение в словарном фонде любого языка, но в силу определенных ценностных установок какого-либо этноса, его акцентированной направленности в обозначаемую реалией сферу жизни, получившие гораздо большее распространение во фразеологии одного этноса и отсутствующие либо присутствующие в сравнительно небольшом объеме во фразеологии другого. Словарные единицы, передающие такие реалии, входя в состав фразеологического фонда, нередко способствуют образованию единиц, значение которых не имеет эквивалентов в других языках. Основываясь на данном утверждении, мы проанализировали фразеологические фонды русского и французского языков сквозь призму значения входящих в их состав ФЕ.

По нашему мнению, наиболее интересно через фразеологию передается разница в отношении французов и русских к сокровенной теме взаимоотношений между мужчиной и женщиной, половой жизни, создания семьи и зачатия детей. Здесь отмечается такая традиционная ценность русского лингвокультурного сообщества, как целомудрие, соблюдение нравственности, стремление к созданию прочного семейного союза у русской

нации в противовес эротизму, сексуальной раскрепощенности и легкой смене партнеров, присущими французской нации.

Например, наличие в русском языке ФЕ «блин продолбить» [РФИЭС, 55] в значении «лишить невесту девственности в первую брачную ночь» говорит о ритуальном действии, аллегорически указывающем на непорочность и честность невесты по отношению к своему жениху. Сохранение девственности девушкой для своего будущего мужа на Руси всегда считалось достойным поведением, в то время как девушки, лишённые невинности до свадьбы, могли не выйти замуж вовсе, т.к. это считалось позором для семьи, и редко находилась мужчина, готовый взять опороченную девушку в жены. Часто такие женщины уходили в женские монастыри подальше от преследовавших их слухов и стыда. Во французской фразеологии не было найдено ни одного фразеологизма с подобным значением, что говорит о том факте, что невинность, целомудрие невесты не играет важной роли при создании семьи во французском обществе.

Напротив, во французском языке присутствует фразеологизм «*petit capital*» (досл. «маленький капитал») в значении «девственность», исходя из дословного перевода которого видна незначительность наличия у девушки данного «капитала». В этой серии ФЕ также есть «*enlever le capital*» (досл. «удалить капитал») в значении «лишить невинности» и «*entamer le capital*» (досл. «надрезать капитал») в значении «потерять девственность» [НБФРФС, 248], которые совершенно не предполагают соблюдения каких-либо культурно-обрядовых норм вроде заключения брачного союза между мужчиной и женщиной до совершения данных поступков. Интересным фактом является наличие во французском языке ФЕ, указывающей на потерю невинности мужчиной – «*perdre son chapeau de paille*» (досл. «потерять шляпу из соломы»), что говорит о важности этого момента в жизни французских молодых людей. В русской фразеологии ФЕ с таким значением не обнаружены.

Направленность французской нации на раскрепощенность в межполовых отношениях подтверждается Сальвадором Мадарьяга, являющимся одним из исследователей французского менталитета и так высказывающимся по данному вопросу: «... любовь во Франции не встречает никаких препятствий при движении по откровенно гедонистическому пути. В коллективной сфере все эти тенденции удачно гармонируют с тенденцией к моральной терпимости, присущей французскому народу» [2003, 188].

О почитании целомудрия может также свидетельствовать ФЕ «отойти от призыва» в значении «о девушке, перешедшей по возрасту в разряд старых дев». Как уже было сказано выше, женская невинность ценилась и оберегалась согласно русским культурным обычаям. Некоторые девушки, в силу каких-либо обстоятельств, могли не выйти замуж сразу после наступления подходящего для замужества возраста, но несмотря ни на что, почитая русские национальные традиции, они хранили девственность до дня свадьбы.

На контрасте с русской ФЕ из французского фразеологического фонда можно выделить фразеологизм «prendre un acompte» (досл. «взять задаток») в значении «переспать до свадьбы», который указывает на совершенно обратную ситуацию во французской культуре, когда половые связи до заключения брачного союза являются общественной нормой, не осуждаемым явлением. Женщина рассматривается как объект удовлетворения мужских сексуальных потребностей, отсутствие каких-либо обязательств является желаемым условием межполовых отношений. Эти утверждения подтверждаются наличием во французских фразеологических словарях таких ФЕ, как «abuser d'une femme» (досл. «злоупотребить женщиной») в значении «соблазнить женщину; совершить насилие над женщиной»; «bête épaulée» (досл. «зверь, приложенный к плечу») в значении «обесчещенная девушка»; «courir l'aventure» (досл. «бежать за приключением») в значении «искать любовных приключений»; «amoureux comme un coq» (досл. «любвеобильный как петух»); «filer un coup dans le calcif» (досл. «прясть удар в кальсонах») в

значении «обладать женщиной»; «être fort sur l'article» (досл. «быть сильным в данном пункте») в значении «быть бабником»; «tremper son biscuit» (досл. «макать свой бисквит») грубо просторечный эквивалент выражения «заниматься любовью» (о мужчине) и т.д.

Француженки, рассматриваемые сквозь призму французской фразеологии, также не соответствуют образу порядочных в сексуальном плане девушек у русского этноса. Эротизм, получение телесных удовольствий или какой-либо выгоды для представительниц прекрасного пола французской нации стоят выше соблюдения нравственности в отношениях с мужчиной до свадьбы. Это подтверждается такими ФЕ, как «faire la cabriole» (досл. «делать кульбит») в значении «шляться, путаться с мужчинами»; «amoureuse comme une chatte» (досл. «влюбчивая как кошка»); «mettre le bouquet sous l'oreille» (досл. «положить букет под ухо») в значении «искать богатого любовника, покровителя»; «dénouer la ceinture» (досл. «развязать пояс») и «laisser aller le chat au fromage» (досл. «позволить пойти кошке к сыру») в значении «отдаться мужчине»; «mettre ses chaussettes à la fenêtre» (досл. «положить свои носки на окно») в значении «не получить удовольствия (о женщине)» и т.д.

Отношение к супружеской жизни у анализируемых этносов также различается согласно выделенным примерам из их фразеологии. Для русского этноса институт семьи занимает очень важное место в жизни, создание крепких супружеских взаимоотношений является залогом семейного и личного счастья. Традиционно, партнер для образования ячейки общества выбирается одновременно, и предполагается долгая совместная жизнь. В народном фольклоре даже есть высказывание «свыкнется – слюбится», которое передает нестандартную ситуацию выхода замуж не по любви, а по сложившейся необходимости (например, наказ родителей, которого невозможно ослушаться), тем не менее, совсем не предполагающую супружеские измены, а наоборот указывающую на взаимную верность, уважение и любовь, которая образуется после некоторого времени

совместной жизни с супругом. В русском фразеологическом фонде утверждение о прочности семейных отношений актуализируется следующими фразеологизмами: «Филемон и Бавкида» в значении «о неразлучной паре старых супругов»; «суженый-ряженный» в значении «жених, предназначенный самой судьбой»; «моя дражайшая половина» в значении «о супруге». Однозначно, что каждая из вышеприведенных ФЕ обладает положительной коннотацией, прослеживается ценность созданных брачных уз.

Во французской фразеологии единицы с подобными значениями найдены не были. Напротив, здесь представлен ряд фразеологизмов, передающих своим значением иное отношение французов к семейной жизни: «aller à la cour des aides» (досл. «ходить во двор помощников») в значении «изменять мужу»; «attacher une poêle à son amant» (досл. «привязать сковороду к своему любовнику») в значении «бросить любовника»; «faire sa femme cornette» [досл. «сделать свою жену с чепчиком (рожками)»] в значении «изменять жене»; «aimer ailleurs» (досл. «любить в другом месте») в значении «изменять, быть неверным»; «ne pas avoir fait un long bail avec» (досл. «не сделать длительный договор аренды с») в значении «недолго прожить вместе (о супругах)» и т.д.

В русской фразеологии, в отличие от французской, не было найдено ни одной ФЕ со значением, связанным с беременностью. Несмотря на наличие французских фразеологизмов, семантика которых указывает на факт беременности, отношение французов к данному периоду в жизни женщины предстает в отрицательной форме, т.к. данные ФЕ явно обладают негативной коннотацией, и образ, заложенный в них, не передает счастья случившегося события. Примером являются такие ФЕ, как «avoir la butte» (досл. «иметь бугор»), «avoir une brioche au chaud» (досл. «иметь разогретую сдобную булочку») и «être comme ça» (досл. «быть вот так») в значении «быть беременной»; «faire achat» (досл. «сделать покупку») в значении «завести ребенка» и т.д.

Мы поддерживаем точку зрения Ю.С. Степанова, который предполагает, что целомудрие является «концептуализованным мотивом» русской культуры, но «... концепт «Любви» понятийно не развит... или целомудренно не обсуждается» [2001, 412]. Поэтому количество фразеологизмов, значение которых связано с эротизмом, сексуальной сферой жизни общества, значительно выше во французском языке, чем в русском. Отсюда следует наличие большого числа французских ФЕ с уникальной семантикой, не имеющей аналога в русской фразеологии.

Мужские и женские физические особенности были закреплены во фразеологическом фонде французского языка и являются разговорной нормой: «anguille de caleçon» (досл. «угорь из кальсон») в значении «мужской половой орган»; «avoir le bambou», «avoir la barre», «avoir le bâton» (досл. «иметь бамбук», «иметь штангу», «иметь палку») в значении «находиться в состоянии возбуждения, возбудиться (о мужчине)»; «bijou de famille» (досл. «драгоценность семьи») в значении «мужские половые органы»; «clarinette baveuse» (досл. «слюнявый кларнет») в значении «мужской половой орган»; «être en cloque» (досл. «быть в волдыре») в значении «быть беременной»; «avoir son cardinal» (досл. «иметь своего кардинала») в значении «о периоде менструации»; «elle a ses Anglais» (досл. «у нее ее англичане»), «les Anglais ont débarqué» (досл. «англичане высадились») в значении «у нее менструация»; «avoir une belle académie» (досл. «иметь красивую академию») в значении «иметь прекрасные формы (о женщине)» и т.д.

Распущенность в половых связях приводит к тому факту, что заболевания, передающиеся половым путем или иначе связанные с сексом, становятся реалией, отраженной даже во фразеологии: «coup de pied de jument (или de Vénus)» [досл. «пинок кобылы (или Венеры)»] в значении «венерическая болезнь»; «passer sous l'archet» (досл. «пройти под смычком») в значении «лечиться потогонными средствами (от венерической болезни)»; «l'avoir» (досл. «иметь это») и «aller à Bavière» (досл. «ехать в Баварию») в

значении «быть больным сифилисом»; «avoir une aiguillette nouée» (досл. «иметь перевязанный шнурок») в значении «быть импотентом» и т.д.

Новомодные европейские тенденции о свободе однополых отношений затронули французское общество, видимо, гораздо раньше, чем русское, поэтому во французской фразеологии уже присутствуют ФЕ, передающие данную реалию современного мира: «sentir l'ail» (досл. «чувствовать чеснок») в значении «быть лесбиянкой»; «bique et bouc» (досл. «коза и козел») в значении «гомосексуалист (одновременно пассивный и активный или гетеросексуальный)»; «ballets bleus» (досл. «синие балеты») в значении «оргия с участием мальчиков»; «brioche infernale» (досл. «адская сдобная булочка») в значении «мужской гомосексуализм»; «terre jaune» (досл. «желтая земля») в значении «содомия» и т.д.

На наш взгляд, о приверженности французского этноса к свободным любовным утехам также говорит большое количество фразеологизмов, имеющих отношение к проституции: «mère abbessse» (досл. «мать настоятельница») в значении «содержательница публичного дома»; «avoir commencé sur le banc» (досл. «начать на скамейке») в значении «быть в прошлом одной из проституток публичного дома»; «s'offrir un bifteck» (досл. «предложить себе бифштекс») в значении «арестовать любовницу сутенера»; «être en brème» (досл. «быть в леще») в значении «быть под наблюдением полиции (о проститутке)»; «femme en carte» (досл. «женщина на карточке») в значении «зарегистрированная в полиции проститутка» и т.д.

Семантические лакуны во фразеологии обуславливаются также историческими реалиями. Существование ФЕ с уникальным значением, связанным с историческим прошлым лингвокультурного сообщества, свидетельствует о ценности, которую представляет собой для него это прошлое.

Из русской фразеологии наиболее интересными примерами фразеологизмов с лакунарными значениями являются следующие: «зеленая улица» [вид наказания, использовавшегося в царской России; прогон

наказуемого сквозь строй солдат со шпирутенами (длинный, гибкий и толстый прут из лозняка (ивового кустарника)] [РФИЭС, 709]; «правда у Петра и Павла» (о месте пыток) (выражение связано с церковью Св. Петра и Павла, при которой была дыба для пыток и виселица) [РФИЭС, 568]; «хозяйственный мужичок» (об индивидуалисте-собственнике из крестьянской среды, о кулаке); «мурло мещанина» (о бьющих в глаза мещанских нравах, обычаях, быте); «пошел березки считать» (о ссылке в Сибирь); «великий почин» (образное наименование коммунистических субботников) (так называет В.И Ленин субботник 10 мая 1919 г., проведенный коммунистами станции Сортировочная Московско-Казанской железной дороги) [РФИЭС, 566]; «рабочая эстафета» (форма социалистического соревнования, при которой рабочие, бригады или целые предприятия, поэтапно изготавливая продукцию, передают ее друг другу для дальнейшей обработки или монтажа) [РФИЭС, 776].

Во французском языке широко представлены ФЕ, называющие национальное орудие казни во Франции – гильотину: «la bascule à Charlot» (досл. «качели Шарло»); «l'abbaye de monte-à-regret» (досл. «аббатство горы скорби»); «le bois de justice» (досл. «дерево правосудия»); «abattoir d'hommes» (досл. «человеческая скотобойня») и т.д., а также процесс или факт обезглавливания на ней: «monter à la butte» (досл. «подниматься на бугор») в значении «взойти на эшафот, быть гильотинированным»; «faire cardinal» (досл. «делать кардинала») в значении «обезглавить»; «chapeau rouge» (досл. «красная шапка») в значении «обезглавленный»; «jugé à la boule» (досл. «приговоренный к шару») в значении «приговоренный к обезглавливанию»

Гильотина была не единственным орудием правосудия во Франции, поэтому во фразеологии данного языка можно встретить ФЕ, семантика которых указывает на другие виды наказаний: «donner la bénédiction avec ses pieds» (досл. «давать благословение своими ногами») в значении «качаться на виселице»; «cravater de chanvre» (досл. «надеть галстук из пеньки») в значении «надеть петлю на шею приговоренному к повешению»; «chevalier

de l'ordre de Jean-Guillaume» (досл. «кавалер ордена Жана-Гийома») в значении «висельник» (палачи носили прозвище Jean-Guillaume); «camarades de chaîne» (досл. «товарищи по цепи») в значении «каторжники (прикованные к одной цепи)»; «certificat de bonnes mœurs» (досл. «свидетельство хороших нравов») в значении «знак, выжженный палачом на плече преступника»; «tirer à quatre chevaux» (досл. «стрелять в четыре лошади») в значении «четвертовать» и т.д.

Во французском фразеологическом фонде, в отличие от русского, были выделены фразеологизмы с планом содержания, указывающим на известных и важных исторических фигур данного этноса, и демонстрирующие уважительное, ценностное отношение к ним: «le Petit Caporal» (досл. «маленький капрал») в значении «Наполеон I»; «porter le chapeau» (досл. «носить шляпу») в значении «быть кардиналом»; «la bergère de Domrémy» (досл. «домремийская пастушка») в значении «Жанна д'Арк»; «l'abeille de la France» (досл. «пчела Франции») в значении «Шарль Роллен» (1661-1741, французский историк и общественный деятель) и т.д.

Общеизвестным фактом является то, что во Франции дуэли на шпагах были популярны и даже некоторый период времени узаконены, что также отразилось во фразеологии наличием ФЕ с уникальным значением. Например: «arranger une affaire» (досл. «исправить дело») в значении «примирить противников (на дуэли)»; «aiguille à tricoter les côtes» (досл. «игла для вязания ребер») в значении «шпага, сабля»; «avoir les armes belles» (досл. «иметь красивое оружие») в значении «быть искусным фехтовальщиком» и т.д.

Обе нации имеют богатое боевое прошлое. Участие в военных конфликтах не могло не оставить отпечаток в народном сознании, что в свою очередь проявилось в языке. Помимо большого количества эквивалентных ФЕ, синонимичных ФЕ, фразеологизмов с лексическим составом, тем или иным образом связанным с военным ремеслом, и в том, и в другом языке присутствуют ФЕ с уникальной семантикой, ассоциирующейся с военным

опытом лингвокультурного сообщества. Наличие подобных единиц в корпусе национальной фразеологии говорит о ценностном отношении этноса к военной составляющей его истории. В русском языке это такие фразеологизмы, как «военная косточка» в значении «человек с давним военным происхождением, потомственный или отставной военный»; «ползти по-пластунски» в значении «ползти на локтях, не отрывая тело от земли» и «держаться до последнего» в значении «пока есть хоть малейшая возможность, не отступать, бороться».

Во французском языке данная идеографическая область актуализируется следующими ФЕ: «ancien de la Garde» (досл. «старый из Гвардии») в значении «ветеран наполеоновской гвардии»; «machine à couper l'appétit» (досл. «машина для перебивания аппетита») в значении «походная кухня»; «bon absent» (досл. «хороший отсутствующий») в значении «не явившийся на призывной пункт, но принятый в вооруженные силы новобранец»; «abandon de corps» (досл. «оставление тела») в значении «самовольная отлучка более чем на 24 часа; дезертирство»; «tirer à chaud» (досл. «стрелять горячим») в значении «стрелять боевыми патронами»; «abri à l'épreuve» (досл. «надежный кров») в значении «тяжелое укрытие»; «brosser le billard» (досл. «чистить бильярд») в значении «подметать двор казармы» и т.д.

Во французском фразеологическом фонде также были найдены ФЕ, актуализирующие сферу мореплавания и демонстрирующие ценностное отношение к ней французского лингвокультурного сообщества: «donner chasse» (досл. «дать охоту») в значении «преследовать вражеский корабль»; «embarquer une baleine» (досл. «погрузить кита») в значении «зачерпнуть бортом»; «compter ses chemises» (досл. «считать свои рубашки») в значении «страдать морской болезнью».

Несмотря на то, что ФЕ, связанные с криминальной сферой деятельности человека, представляют собой малочисленную группу фразеологического фонда, нами были выделены несколько фразеологизмов

из русского и французского языков, обладающих уникальной семантикой. Подобные ФЕ репрезентируют антиценности обоих лингвокультурных сообществ, ибо означаемые ими реалии являются противозаконными как в России, так и во Франции. В русском языке это такие ФЕ, как «готовить понта» в значении «подыскивать жертву для шулера-картежника»; «делать розочку» в значении «наносить кому-либо рваную рану куском бутылки»; «очная ставка» в значении «одновременный перекрестный допрос обвиняемых с целью проверки их предшествующих показаний»; «устраивать темную» в значении «избивать кого-либо так, чтобы он не узнал, кто это сделал». Во французском языке: «avoir de l'accent» (досл. «иметь акцент») в значении «слыть вором»; «donner une affaire» (досл. «давать дело») в значении «быть наводчиком»; «aiguille à tricoter des boudins» (досл. «игла для вязания кишок») в значении «нож»; «album de famille» (досл. «семейный альбом») в значении «собрание фотографий преступников в полицейском архиве».

Географические объекты, являющиеся культурными или природными ценностями, также стали частью фразеологии двух народов. ФЕ, значение которых связано с национальной топонимикой, не многочисленны, тем не менее, оригинальной семантикой в русском языке обладают следующие: «Северная Пальмира» в значении «Санкт-Петербург»; «маркизова лужа» в значении «Финский залив». Во французском языке уникальный план содержания представлен такими ФЕ, как «nouvelle Athènes» (досл. «новые Афины») в значении «Париж»; «la grande bleue» (досл. «большая синяя») в значении «Средиземное море»; «aller au Bois» (досл. «пойти в Лес») в значении «отправиться на прогулку в Булонский лес».

Культурно-обрядовый элемент является неотъемлемой частью любого народа. Традиции, связанные с религией, приметами, поверьями, укоренились в мировидении этноса и репрезентируют национально-культурные духовные ценности или антиценности. Существенная доля фразеологического фонда двух языков отведена данной части окружающей

действительности. И в данной понятийной области также отмечены ФЕ с уникальным значением. В русском языке: «не поминать лихом» в значении «вспоминая, не думать плохого о ком-либо»; «знать слово» в значении «уметь заговаривать, знать заговоры». Во французском: «nouer l'aiguillette» (досл. «завязать узлом шнурок») в значении «навести порчу, поразив бессилием»; «dénouer l'aiguillette» (досл. «распутать шнурок») в значении «снять порчу»; «arbalète de priante» (досл. «арбалет молящейся») в значении «церковный крест»; «vouer un enfant au blanc» (досл. «обрекать ребенка на белое») в значении «дать обет одевать ребенка до определенного возраста во все белое в честь Богородицы»; «bûche de Noël» (досл. «рождественское полено») в значении «полено, которое жгут в рождественскую ночь; рождественский торт с сюрпризом (в форме полена)».

Такая сфера общественной жизни, как спорт, тоже занимает определенное место в системе ценностей русского и французского лингвокультурных сообществ. Однако она представлена в их фразеологии достаточно скромным количеством единиц, но, несмотря на это, здесь также выделяются фразеологические обороты с уникальным значением. В русском языке это только одна ФЕ «поймать леща», что на спортивном сленге значит «сделать неудобный, неудачный гребок, зацепиться косо веслом за воду». Во французском языке найдены следующие ФЕ: «se mettre à la charge» (досл. «положить себя на груз») в значении «наглотаться стимулирующих средств (о спортсменах)»; «le noble art» (досл. «благородное искусство») в значении «бокс»; «la grande boucle» (досл. «большая петля») в значении «велотур Франции (Тур де Франс)».

Следует отметить, что существуют идеографические области, которые представлены в обоих языках, но в одном из них гораздо шире, чем в другом. В русском языке такими понятийными сферами являются «Радушие» («зайти на огонек» в значении «зайти в гости к друзьям, знакомым без предупреждения, запросто»; «забывать хлеб-соль» в значении «проявлять исключительную неблагодарность к тому, чьим дружелюбием и

гостеприимством когда-то пользовался»; «рубаша-парень» в значении «простой и открытый для общения человек»), «Щедрость» («наготовить как на Маланьину свадьбу» в значении «очень много (о еде, угощении)»; «пир на весь мир» в значении «о многолюдном, богатом пиршестве»; «наварить пива» в значении «устроить кому-либо семейное торжество, например свадьбу или крестины»). Во французской ФКМ единицы, семантически связанные с радушием и щедростью, гораздо менее многочисленны, что позволяет говорить о большей ценности данных моральных качеств в русском лингвокультурном сообществе.

К понятийным сферам, объективирующимся во французской фразеологии в большей степени, чем в русской, можно отнести следующие:

1. Финансово-экономическую: «abattement à la base» (досл. «изнеможение на основе») в значении «снижение основной ставки заработной платы»; «abattement d'âge» (досл. «изнеможение возраста») в значении «более низкая оплата труда малолетних»; «acte frauduleux» (досл. «мошеннический акт») в значении «недобросовестные действия должника, наносящие вред кредиторам; сделка, совершённая в обход закона»; «faire suer son argent» (досл. «заставить свои деньги потеть») в значении «брать большие проценты за ссуду»; «filer en Belgique» (досл. «мчаться в Бельгию») в значении «скрыться, не уплатив кредиторам»; «faire danser l'anse du panier» (досл. «заставлять танцевать ручку корзины») в значении «обсчитывать своих хозяев при закупке провизии, быть нечистым на руку (о прислуге)» и т.д.

2. Социально-политическую: «l'abîme de Pascal» (досл. «бездна Паскаля») в значении «символ социальных и моральных проблем, пугающих своей глубиной»; «mettre la clef sur la corniche» (досл. «положить ключ на карниз») в значении «съехать с квартиры, не предупредив хозяина»; «petite gamme» (досл. «маленькая гамма») в значении «простая проверка документов (имя, фамилия, место жительства)»; «être sous le bambou» (досл. «быть под бамбуком») в значении «не иметь права проживания (в определенных

городах)»; «des discussions de Café du Commerce» (досл. «дискуссии коммерческого кафе») в значении «пустые политические дискуссии» и т.д.

3. Гастрономию: «mettre au bleu» (досл. «класть в синее») в значении «отваривать рыбу в вине»; «viande en charpie» (досл. «мясо из корпии») в значении «переваренное мясо»; «donner de l'air à une bouteille» (досл. «дать воздуха бутылке») в значении «откупорить бутылку»; «bière sans faux col» (досл. «пиво без пристегивающегося воротничка») в значении «пиво без пены»; «dame blanche» (досл. «белая дама») в значении «бутылка белого вина»; «vin bleu» (досл. «синее вино») в значении «скверное красное вино»; «monter sa cave» (досл. «поднять свой подвал») в значении «обзавестись винным погребом» и т.д.

4. Физиологию человека: «régaler ses amis» (досл. «угощать своих друзей») в значении «прочищать желудок»; «cadences infernales» (досл. «адские ритмы») в значении «потогонная система»; «bénéfice de nature» (досл. «прибыль природы») в значении «понос»; «avoir perdu sa clef» (досл. «потерять свой ключ») в значении «страдать поносом» и т.д.

5. Азартные игры, развлечения: «jouer argent bas» (досл. «играть низкими деньгами») в значении «играть на наличные»; «jouer le cadavre» (досл. «играть трупом») в значении «играть на последние деньги»; «faire un capot» (досл. «делать капот») в значении «не взять ни одной взятки»; «faire Charlemagne» (досл. «делать Карла Великого») в значении «выйти из игры после выигрыша»; «vendre du beurre» (досл. «продавать масло») в значении «сидеть без кавалера во время танцев»; «couper du bois» (досл. «срезать лес») в значении «сбить большое количество кеглей» и т.д.

Все перечисленные выше понятийные сферы, безусловно, являются конституентами системы ценностей не только французского, но и русского лингвокультурного сообщества. Тем не менее, традиции финансово-экономической и политической системы, а также азартных игр во Франции в качестве ценностей французского этноса сформировались гораздо раньше, чем в России, что, очевидно, обуславливает присутствие отмеченных ФЕ во

французских фразеологических и толковых словарях и их отсутствие в русских. Известное гурманство французов, их многовековые традиции в области виноделия относятся к основным ценностям данного лингвокультурного сообщества, что объясняет существование во французской фразеологии, в отличие от русской, единиц, семантически связанных с этими понятийными сферами. Натуралистический подход французов к физиологии человека, предполагающий снятие табу со всего, что является естественным, и являющийся одной из их нравственных ценностей, мотивирует наличие во французской фразеологии вышеприведенных единиц.

Итак, результаты семантического анализа русской и французской фразеологии позволяют сделать вывод о том, что значение многих единиц репрезентирует общекультурные (универсальные) ценности (национальное историческое прошлое, культурные или природные географические объекты, расположенные на территории определенного этнического сообщества, и другие), а также отдельные универсальные антиценности, связанные с тем, что является противоправным, незаконным. Одни общекультурные ценности (гостеприимство, щедрость, радушие, открытость) в большей степени объективируются в семантике русских ФЕ, другие (финансово-экономическая, социально-политическая составляющие жизни, гастрономические пристрастия, различные виды развлечений, натурализм) – в семантике французских ФЕ. Существуют ценности, представленные через призму семантики единиц только во фразеологии одного национального языка. В русской фразеологии это такие национально-культурные ценности, как целомудрие, женская невинность, прочность семейных отношений, во французской – ценностное отношение к таким поведенческим реалиям, как чрезмерная свобода половых отношений, легкость измены своему партнеру. Семантический анализ ФЕ свидетельствует о национальных особенностях нравственного подхода к определённым жизненным ценностям в лингвокультурном сообществе.

2.2. Репрезентация ценностей посредством лексико-грамматического состава фразеологизма

В предыдущем параграфе были рассмотрены случаи репрезентации объектов окружающей действительности в составе фразеологии только одного языка, но лексические средства для их номинации являются универсальными и присутствуют во фразеологии другого. Следует отметить, что наибольшая часть фразеологического фонда русского и французского языков репрезентирует универсальные понятия, которые актуализируются посредством эквивалентных лексем. Однако существуют ФЕ, компоненты которых, связанные с той или иной реалией объективного мира, могут быть уникальными по отношению к лексике, используемой во фразеологии другого языка. Многие из подобных ФЕ репрезентируют ценности лингвокультурного сообщества.

2.2.1. Ценностная характеристика фразеологических единиц с точки зрения лексического состава

Нам представляется уместным обозначить, что наличие во фразеологии преобладающего числа лакунарных для другого языка компонентов, репрезентирующих определенную область окружающей действительности, говорит о ценностном отношении этноса к данной сфере жизни. Также стоит обратить внимание на тот факт, что отсутствие во фразеологии лексических компонентов из той или иной идеографической области говорит о том, что носители данного языка не проявляют особого ценностного отношения к данной области бытия, соответственно она не имеет первостепенной важности для этого этноса.

Фразеологизмы, имеющие в своем компонентном составе антропонимическую лексику, формируют первую группу ФЕ с лакунарными компонентами.

Антропонимы в русской фразеологии представлены следующими подгруппами:

1) Имена персонажей фольклорных произведений: «Баба-Яга» в значении «о злой, сварливой и безобразной старой женщине»; «Кощей бессмертный» в значении «о злом, жадном человеке; о крайне худом человеке»; «лиса Патрикеевна» в значении «о хитром, двоедушном человеке, обманщике»; «Иванушка-дурачок» в значении «об очень глупом, несообразительном, крайне доверчивом и покорном человеке»; «Василиса Премудрая» в значении «о мудрой, рассудительной и добронравной девушке, женщине»; «Эллочка-людоедка» в значении «о людях с примитивной, убогой речью, уснащающих ее вульгаризмами и жаргонизмами»; «работать как папа Карло» в значении «напряженно, с усердием работать, обычно не достигая при этом материального благополучия» и т.д.

2) Имена библейских персонажей: «трястись как Каин» в значении «очень сильно дрожать от страха»; «счастлив как Енох» в значении «об очень счастливым, блаженном от счастья человеке»; «Фома неверующий» в значении «о человеке, которого трудно заставить поверить чему-либо».

3) Имена исторических личностей: «пропасть как Бекович» в значении «исчезнуть бесследно»; «как Мамай прошел» в значении «полнейший беспорядок, разгром»; «Мамаево нашествие» в значении «неожиданное появление многочисленных и неприятных гостей и т.п.»; «железный Феликс» в значении «об очень волевом и исключительно принципиальном человеке».

4) Имена личные, приобретшие в народе какую-либо смысловую коннотацию: «валять Ваньку» в значении «делать глупости; шутить; обманывать»; «Минькой звали» в значении «исчез бесследно (о человеке)»; «Мирошка схватил» в значении «кто-либо скоропостижно умер»; «Алеша бесконвойный» в значении «безнадежный дурак, невежественный человек» и т.д.

Как видно, лакунарные компоненты рассмотренных ФЕ восходят к таким духовным ценностям русского лингвокультурного сообщества, как

фольклор, Библия, традиционные имена носителей русской культуры, историческое прошлое.

Антропонимы, находящиеся в составе французской фразеологии, актуализируются следующими подгруппами:

1) Имена исторических личностей: «chariot de Thespis» (досл. «повозка Феспида») в значении «актерская жизнь»; «biche de Sertorius» (досл. «лань Сертория») в значении «ставка на суеверие»; «un beau Brummel» (досл. «красивый Брюммель») в значении «очень красивый и элегантный мужчина» (по имени английского денди 1778 – 1840) и т.д.

2) Имена католических святых: «par saint Alexandre» (досл. «святым Александром») в значении «клянусь богом»; «bénédictio de Saint-Roch» (досл. «благословение святого Роха») в значении «проклятие, ругательство»; «coiffer sainte Catherine» (досл. «причесывать святую Катрин») в значении «остаться старой девой, засидеться в девках»; «décoiffer sainte Catherine» (досл. «распустить волосы святой Катрин») в значении «выдать девушку замуж»; «chemin de Saint-Jacques» (досл. «дорога святого Жака») в значении «Млечный Путь» и т.д.

3) Имена личные: «se faire appeler Arthur» (досл. «заставить себя позвать Артура») в значении «получить нагоняй, нахлобучку»; «le bonjour d'Alfred» (досл. «добрый день Альфреда») в значении «не получить чаевых, на которые рассчитываешь»; «bâton de Jacob» (досл. «палка Якова») в значении «волшебная палочка, палочка фокусника» и т.д.

Лакунарные компоненты французских ФЕ данной группы, так же, как и русских, этимологически связаны с теми же универсальными ценностями – историей, библейскими персонажами, традиционными именами носителей французской культуры.

Вторая группа ФЕ, в составе которых присутствуют лакунарные по отношению к фразеологии другого языка компоненты, репрезентирует различные термины, понимаемые как «слово или словосочетание,

обозначающее понятие специальной области знания или деятельности» [ЛЭС, 508].

В русском языке данная группа делится на следующие тематические подгруппы:

1) Скотоводство: «до зарезу нужен» в значении «очень, крайне нужен»; «ботало коровье» в значении «болтун»; «бред сивой кобылы» в значении «глупые вздорные мысли, высказывания».

2) Сельский быт и ремесла: «дым коромыслом» в значении «о большом шуме, беспорядке или ссоре в каком-либо помещении»; «бить баклуши» в значении «бездельничать, празднично проводить время»; «бесструнная балалайка» в значении «очень болтливый человек, пустомеля»; «перековать лемех на свайку» в значении «о людях, меняющих трудовую жизнь на безделье»; «кисейная барышня» в значении «изнеженный, не приспособленный к жизни человек»; «лаптем щи хлебать» в значении «об отсталом, невоспитанном человеке»; «откинуть лапти» в значении «умереть»; «андроны едут» в значении «об абсолютной чепухе, белиберде, сказанной кем-либо».

3) Флора: «белены объелся» в значении «потерял рассудок, ведет себя как ненормальный»; «сказать на вербе грушу» в значении «рассказать что-либо абсолютно неправдоподобное; пообещать невозможное»; «любить до самой березки» в значении «любить до самой смерти»; «разводить бодягу» в значении «заниматься пустяками; тянуть время»; «обдирать как липку» в значении «грабить, обирать кого-либо полностью, до нитки»; «без черемухи» в значении «о любви без романтики, без сантиментов; о бесцеремонных отношениях с девушками» и т.д.

4) Фауна: «вяленая вобла» в значении «об апатичном, бездеятельном (особенно на общественном поприще), не имеющем собственного мнения и твердых убеждений человеке»; «глухая тетеря» в значении «о глухом, ничего не слышащем человеке».

5) Суеверие: «бабушка ворожит» в значении «кому-либо все легко удается, очень везет»; «как бабушка отщептала» в значении «все прошло, бесследно исчезло (о болезни, неприятностях)»; «смотреть букой» в значении «иметь угрюмый, неприветливый, недобрый вид» [бука – привидение]; «дать карачуна» в значении «о чьей-либо смерти (обычно неожиданной) (карачун – злой дух, олицетворяющий смерть, зиму и злые силы природы)»; «метать перуны» в значении «сердиться, сильно ругать кого-либо» (перуны – молнии; по имени старославянского бога грома и молний Перуна); «и в помине нет» в значении «не вспоминают о ком-либо; нет никаких признаков существования кого-либо или чего-либо»; «легок на помине» в значении «о том, кто появляется в тот момент, когда о нем говорят или думают».

6) Исторические: «всю подноготную» в значении «абсолютно все, без утайки (знать, рассказать)» [выражение связано со старинной пыткой, при которой обвиняемым загоняли под ногти иглы или гвозди, добиваясь признания [РФИЭС, 546]; «ставить на правеж» в значении «допрашивать с применением силы» [правеж – производное от древнерусского «править» (взыскивать) – наказание за неуплату долгов или займа, при котором ответчика каждый день утром приводили к приказной избе и били по голым ногам, пока долг не уплачивался [РФИЭС, 569].

7) Фольклор: «богатырь на распутье» в значении «о выборе направления движения; о выборе решения проблемы»; «богатырский сон» в значении «крепкий и долгий сон»; «конек-горбунок» в значении «о крестьянской лошади; о тракторе».

Лакунарные терминологические компоненты фразеологизмов, формирующих рассмотренные группы, свидетельствуют о том, что парадигма ценностей русского лингвокультурного сообщества включает в себя сельское хозяйство, растительный мир, животный мир, суеверные представления, отечественная история, русское народное творчество.

Французские ФЕ с лакунарными терминологическими компонентами репрезентируют такие понятийные сферы, как:

1) Экономика, финансы: «prendre un acompte» (досл. «взять задаток») в значении «перекусить, заморить червячка; переспать до свадьбы»; «marquer à l'actif» (досл. «отмечать в актив») в значении «считать преимуществом, признавать достоинством, заслугой»; «passer bail avec qn» (досл. «передать арендную плату с кем-либо») в значении «завязать дружбу, вступить в любовную связь с кем-либо»; «passer à la banque» (досл. «пройти в банк») в значении «получить зарплату»; «se faire sauter la caisse» (досл. «заставить прыгать кассу») в значении «застрелиться» и т.д.

2) Продукты питания: «faire du boudin» (досл. «сделать кровяную колбасу») в значении «дуться, надуть губы»; «brouet d'andouille» (досл. «похлебка из субпродуктовой колбасы») в значении «пустяк, ничего не стоящая вещь»; «bouillon pointu» (досл. «остроконечный бульон») в значении «клизма»; «chier du vermicelle» (досл. «испражняться вермишелью») в значении «трястись от страха, дрейфить»; «donner son biscuit à qn» (досл. «дать свой бисквит кому-либо») в значении «выпроводить кого-либо»; «manger son bifteck» (досл. «съесть свой бифштекс») в значении «молчать, проглотить язык» и т.д.

3) Напитки: «café colonial» (досл. «колониальный кофе») в значении «стакан вина натошак»; «abdominaux Kronenbourg» (досл. «брюшной пресс Кроненбург») в значении «пивной живот (мягкий, толстый живот)» (Kronenbourg – популярная марка пива); «avoir de la bouteille» (досл. «иметь бутылку») в значении «быть крепким, выдержанным (о вине)»; «c'est de la petite bière» (досл. «это из маленького пива») в значении «это пустяк»; «passer qch à l'alambic» (досл. «пропустить что-либо через перегонный аппарат») в значении «подробно рассмотреть, тщательно изучить что-либо» и т.д.

4) Флора: «être aimable comme un chardon» (досл. «быть любезным как чертополох») в значении «быть ворчуном, быть очень нелюбезным»; «avoir un bel asajou» (досл. «иметь красивое красное дерево») в значении «быть лысым как колено» и т.д.

5) Фауна: «rire comme une baleine» (досл. «смеяться как кит») в значении «смеяться, широко разевая рот; хохотать во всё горло»; «abattre comme les capucins de cartes» (досл. «повалить как капуцинов из карт») в значении «разрушить, опрокинуть как карточный домик»; «rond comme une caille» (досл. «круглый как перепел») в значении «пухленький, толстенький (о человеке)»; «aller comme un preneur de taupes» (досл. «идти как покупатель кротов») в значении «ходить крадучись»; «anguille de caleçon» (досл. «угорь из кальсон») в значении «пенис» и т.д.

6) Медицина, физиология человека: «se caler les amygdales» (досл. «подпереть себе миндалины») в значении «плотно поесть»; «avoir l'air constipé» (досл. «иметь вид страдающего запором») в значении «прийти в смущение, оказаться в затруднительном положении»; «crever l'abcès» (досл. «вскрыть абсцесс») в значении «искоренить зло, оздоровить обстановку» и т.д.

7) Развлечения: «bille de billard» (досл. «бильярдный шар») в значении «лысая голова», «dévisser son billard» (досл. «отвинтить свой бильярд») в значении «умереть, дать дуба»; «comme l'as de pique» (досл. «как пиковый туз») в значении «плохо, нескладно; дурак дураком» и т.д.

Анализ лакунарных терминологических компонентов французских ФЕ приводит к мысли о том, что некоторые из них подобно русским лакунарным компонентам связываются с такими ценностями, как растительный мир и животный мир. Однако во французской фразеологии лакунарные термины, ассоциирующиеся с сельским хозяйством и устным народным творчеством, в меньшей степени представлены, чем в русской. Данный факт позволяет говорить о том, что в русском лингвокультурном сообществе отношение к данным понятийным сферам более ценностно.

Многие французские лакунарные термины, напротив, объективируют ценности французского лингвокультурного сообщества, не столь широко репрезентированные в русской фразеологии: финансово-экономическую, гастрономическую сферы общественной жизни, а также развлечения,

медицину, физиологию человека. Отметим, что перечисленные понятийные сферы в большей степени реализуются во французской фразеологии и сквозь призму семантического анализа единиц. Данный факт обуславливается, вероятно, тем, что финансово-экономическая, гастрономическая сферы общественной жизни, а также развлечения, медицина во французском лингвокультурном сообществе занимают свое место в системе его ценностей в течение более длительного периода, чем в русском. Ограниченность объективации физиологии человека в русской фразеологии по сравнению с французской объясняется традиционностью нравственных ценностей русского лингвокультурного сообщества.

Третья группа, включающая в себя русские и французские ФЕ с компонентами-топонимами, весьма широко представлена в обоих языках. В русском языке примером ФЕ с уникальными топонимическими лексемами являются такие, как: «во всю Ивановскую» в значении «быстро, сильно; громко, оглушительно»; «Белгородский кисель» в значении «о чьем-либо ловком и хитром обмане, уловках»; «загнать за Можай» в значении «очень далеко (загнать кого-либо)»; «вдоль по Питерской» в значении «на виду у всех»; «в Ригу хочется» в значении «тошнит, тянет на рвоту»; «сирота казанская» в значении «человек, притворяющийся несчастным, обиженным и т.п., чтобы вызвать сочувствие жалостливых людей» и т.д.

Во французской фразеологии оригинальная топонимика выделяется в следующих фразеологизмах: «*adroit comme un prêtre normand*» (досл. «ловкий как нормандский священник») в значении «крайне неловкий, неумелый»; «*crétin des Alpes*» (досл. «кретин с Альп») в значении «круглый дурак, полный идиот»; «*c'est un amiral suisse*» (досл. «это швейцарский адмирал») в значении «он никогда и не нюхал моря, это сухопутный моряк»; «*aller à Angoulême*» (досл. «идти в Ангулем») в значении «объедаться, обжираться»; «*être avare comme un Auvergnat*» (досл. «быть скупым как житель Оверни») в значении «быть очень скупым»; «*être de la Champagne pouilleuse*» (досл. «быть из засушливой Шампани») в значении «быть бедняком» и т.д.

Наличие топонимов в составе фразеологических фондов обоих языков является вполне закономерным, поскольку любовь к своей стране, чувство патриотизма является естественной ценностью как русского, так и французского лингвокультурного сообщества.

Анализ фразеологии по пяти критериям, согласно предложенной В.Г. Гаком классификации, предполагает, в частности, анализ с точки зрения функционально-стилевых особенностей фразеологизмов. Соответственно, необходимо выделение ФЕ, обладающих низкой, пейоративной культурной коннотацией, передающейся через использование бранных, стилистически сниженных компонентов (четвертая группа). Нам представляется уместным включение данного критерия в параграф, в котором проводится анализ лексико-компонентного состава русской и французской фразеологии на наличие лакунарных лексем, т.к. полученные в ходе сплошной выборки ФЕ примеры обценезмов (бранных компонентов) являются уникальными и присутствуют только во фразеологии французского языка. Наличие во французских словарях общего типа ФЕ с подобными компонентами обуславливает существенное преобладание доли французского материала в нашей картотеке. В русских фразеологических и толковых словарях, исключая специализированные и узконаправленные, примеры ФЕ с обценезмами не были обнаружены.

Примерами французских ФЕ с бранными компонентами являются следующие: «âge con» (досл. «дурацкий возраст») в значении «переходный, трудный возраст (15-16 лет)»; «ne rien y baiser» (досл. «этим совершенно не овладевать сексуально») в значении «ничего в этом не смыслить»; «rentrer la bite sous le bras» (досл. «вернуться с пенисом под рукой») в значении «вернуться ни с чем»; «avoir les bourrés au cul» (досл. «иметь переполненных в заднице») в значении «полиция гонится за кем-либо по пятам»; «casser les burettes à qn» (досл. «разбить яички кому-либо») в значении «надоедать кому-л»; «faire des saloperies à qn» (досл. «делать мерзости кому-либо») в значении «устраивать подлости, пакостить кому-либо»; «n'avoir rien à glander de qch»

(досл. «совсем не нужно бездельничать с чем-либо») в значении «быть абсолютно безразличным к чему-либо, не испытывать никакого интереса к чему-либо» и т.д. Все вышеперечисленные фразеологизмы считаются грубыми, вульгарными, обладают уничижительным оттенком и пейоративной коннотацией, однако были зафиксированы во фразеологических словарях французского языка.

Наличие во французской фразеологии единиц с бранными, стилистически сниженными компонентами свидетельствует о ценностном отношении французского лингвокультурного сообщества к свободе, непринужденности в речевом поведении.

Итак, в лексическом составе ФЕ выявляются, прежде всего, безэквивалентные компоненты (антропонимы, термины, топонимы, обсценизмы), значение которых связывается с той или иной ценностью лингвокультурного сообщества. Результаты исследования подобных единиц свидетельствуют о том, что во фразеологии обоих национальных языков объективируются такие универсальные ценности лингвокультурного сообщества, как его историческое прошлое, знание Библии, ее персонажей, традиционные национальные имена людей, растительный мир, животный мир, любовь к своей родине.

Тем не менее, в русской фразеологии многочисленнее лакунарные компоненты, этимологически восходящие к фольклору и сельскому хозяйству, что позволяет говорить о более ценностном отношении к данным понятийным сферам в русском лингвокультурном сообществе. Во французской фразеологии шире представлены лакунарные единицы, связывающиеся с финансово-экономической деятельностью, гастрономией, развлечениями, физиологией человека, вольным отношением к речевому этикету. В одних случаях это обусловлено более длительным периодом развития определенной сферы деятельности во французском лингвокультурном сообществе, в других – национальными особенностями нравственных норм поведения в нем.

2.2.2. Ценностная характеристика фразеологических единиц: структурно-грамматический аспект

Национально-культурная специфика фразеологии проявляется не только в уникальных значениях единиц и их лакунарных компонентах, но и на грамматическом уровне языка, где прослеживаются типологические особенности языков, разница в моделях и конструкциях фразеологических оборотов. При анализе грамматических моделей двух языков, русского и французского в частности, необходимо в первую очередь обозначить общие морфолого-синтаксические характеристики каждого. Исходя из морфологической отнесенности русского языка к флективным синтетическим языкам, мы понимаем, что информация о таких грамматических категориях, как падеж, число, лицо или род репрезентируется посредством аффиксов. Синтаксические взаимоотношения между словами внутри словосочетания, а значит и внутри фразеологической конструкции, передаются через согласование зависимого слова с главным, используя изменение флексий и, при необходимости, добавление предлога.

В свою очередь, французский язык, хотя и имеет некоторые свойства синтетического языка, такие как изменение окончаний при варьировании числа и рода, склонении глаголов и т.п., все же является аналитическим языком и в значительной степени зависит от артикля, несущего функцию идентификатора определенности/неопределенности, мужского/женского рода, единственного/множественного числа; от вспомогательного глагола в сложных глагольно-временных конструкциях; от предлогов, которые благодаря устоявшимся нормам языка довольно часто выступают в роли носителя определенного смысла, хотя не имеют после себя сигнификативной части речи и т.п.

Именно аналитизм французского языка представляет собой интерес в исследовании разницы между грамматическим строением русских и французских ФЕ. По мнению В.Г. Гака, имеется пять французских грамматических конструкций, отличающихся своим строением от норм

синтаксических связей в русском языке [1983, 247]. Наличие данных моделей во французском языке, представленных в его фразеологии, также как и в случае с компонентами-обсценизмами, объясняет преобладание французских ФЕ в нашей картотеке.

Первой грамматической моделью во французской фразеологии, отличающей ее от русской, является модель с приглагольным объектным местоимением. Примером служат следующие устойчивые словосочетания: «en avoir un coup dans l'aile» (досл. «получить удар в крыло») в значении «быть в трудном положении; быть ослабленным»; «у aller modeste» (досл. «здесь идти скромно») в значении «жить скромно, помаленьку, потихоньку»; «les casser à qn» (досл. «их сломать кому-либо») в значении «надоедать кому-либо»; «la faire belle» (досл. «сделать ее красивой») в значении «взять верх»; «l'avalier» (досл. «его проглотить») в значении «умереть» и т.д.

Предлог, за которым не следует логически необходимое для него существительное, актуализирует вторую грамматическую модель во французской ФКМ, не находящую себе эквивалента в русской. Примером служат следующие ФЕ: «jour avec» (досл. «день с») в значении «благоприятный день»; «jour sans» (досл. «день без») в значении «неблагоприятный день»; «с'est calculé pour» (досл. «это посчитано для») в значении «как дважды два четыре; как по маслу» и т.д.

Третьей уникальной грамматической моделью во французском языке является инфинитивный оборот, эксплицирующий признак стоящего перед ним существительного или же выражающий действие, нацеленное на данное существительное. Для примера можно привести такие ФЕ, как «chanson à boire» (досл. «песня, которая поется во время выпивания») в значении «застольная песня»; «machine à couper l'appétit» (досл. «машина для отрезания аппетита») в значении «походная кухня»; «bonne à tout faire» (досл. «прислуга, чтобы все делать») в значении «прислуга, выполняющая всю домашнюю работу»; «tapage à casser la tête» (досл. «шум, чтобы сломать голову») в значении «оглушительный шум» и т.д.

В четвертой грамматической модели присутствуют глаголы, выражающие каузальную связь и репрезентирующие очередную особенность французской грамматики: «se faire aller» (досл. «заставлять себя идти») в значении «торопиться, стараться»; «faire jaunir de bile» (досл. «заставить пожелтеть от желчи») в значении «разозлить кого-либо»; «se laisser abattre» (досл. «позволить себе ослабить») в значении «поддаться унынию; сдаться, отступить»; «laisser rouler la boule» (досл. «позволить катиться шару») в значении «пустить на самотек» и т.д.

Пятой грамматической моделью, которая отличает французский язык от русского, является причастие прошедшего времени, следующее за существительным. Примерами ФЕ с данной конструкцией служат такие, как: «panier percé» (досл. «продырявленная корзина») в значении «бездонная бочка; беспамятный, бестолковый человек»; «avoir le cerveau coiffé» (досл. «иметь причесанный мозг») в значении «быть пьяным»; «bras cassé» (досл. «сломанная рука») в значении «ничтожный человек»; «bas percé» (досл. «продырявленный низ») в значении «голодранец» и т.д.

Следует отметить, что во французской фразеологии существуют многочисленные единицы, имеющие общую с русскими ФЕ грамматическую конструкцию. По причине аналитизма французского языка перед существительными обычно употребляется либо артикль, либо какой-либо субститут, которым часто является притяжательное местоименное прилагательное. Однако в составе многих французских ФЕ наблюдается грамматическая особенность, заключающаяся в употреблении перед существительным вместо артикля притяжательного местоименного прилагательного, когда формально замещение им артикля вовсе не является обязательным. Так, например, в составе фразеологизмов «avaler sa langue» (досл. «проглотить свой язык» – замолчать), «regarder de tous ses yeux» (досл. «смотреть всеми своими глазами» – быть очень внимательным) наличие притяжательного местоименного прилагательного вместо артикля логически не оправдывается, ибо физиологически любой человек способен проглотить

только свой язык и смотреть только собственными глазами. Замещение в подобных случаях артикля притяжательным местоименным прилагательным позволяет говорить об особенностях образа мышления, склада ума представителей французского лингвокультурного сообщества, заключающихся в их более ценностном отношении по сравнению с носителями русской культуры к понятию принадлежности и собственности.

Итак, наличие во французской фразеологии пяти грамматических моделей, отсутствующих в русской, отражает национально-культурную специфику первой из них, обусловленную аналитическим характером французского языка. Однако в некоторых случаях лингвистическая особенность, например, употребление перед существительным вместо артикля притяжательного местоименного прилагательного может связываться с объективацией более ценностного отношения французского лингвокультурного сообщества по сравнению с русским к понятию принадлежности и собственности.

2.3. Актуализация системы ценностей в образной составляющей фразеологизмов

В данном параграфе через призму объективации ценностей лингвокультурного сообщества произведен анализ фразеологизмов, обладающих идентичным планом содержания, но различной образной составляющей и вследствие этого различным лексико-грамматическим составом. Вышеизложенные расхождения вызваны национально-культурной спецификой видения и осмысления этносом того или иного объекта универсума, которая детерминируется своеобразием материально-духовной жизни этого народа. Любые экстралингвистические факторы влияют на восприятие действительности, на менталитет, любой национальный опыт находит свое отражение в языковом фонде, в частности, во фразеологическом. Разница во фразеологии двух языков при этом проявляется в несхожести компонентного состава и образных составляющих

ФЕ с одинаковым или похожим значением, репрезентирующих такой сегмент фразеологии, как межъязыковые синонимы, которые представляют собой наиболее многочисленную группу фразеологических оборотов. Различие ФЕ по образной составляющей обычно имеет яркую национально-культурную специфику и соотносит каждый подобный фразеологизм с особенностями восприятия окружающей действительности носителями языка, даже несмотря на то, что при этимологическом анализе эти фразеологизмы могут отражать универсальные реалии.

Следует добавить, что несходство компонентного состава актуализируется в большинстве случаев посредством генетически знаменательных лексем (существительных, глаголов, прилагательных и т.д.), тогда как незнаменательные компоненты (предлоги и союзы) могут совпадать в межъязыковых синонимических парах. Явление наличия различающихся слов-компонентов в составе ФЕ обуславливается, с одной стороны, наличием реалий, характерных только для определенной нации и, соответственно, не предполагающих эквивалентов в другом языке. Также причиной отсутствия общего компонентного состава фразеологизмов при совпадающем значении может служить национально-культурная специфика переосмысления универсальных реалий объективного мира. ФЕ, принадлежащие к группе межъязыковых синонимов с полностью различающимся компонентным составом, репрезентируют тесную связь с культурно-историческим наследием нации и духовным развитием народа, отражая такие сферы жизни человека, как религия, суеверия, национальные традиции, исторические факты, географическое расположение, условия труда и быта и т.д.

Мы разделяем точку зрения Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова, отмечающих значимость данного пласта языкового фонда: «Для лингвострановедения весьма важна и интересна национально-культурная семантика языка, то есть содержание, не имеющее реляционного, строго системного, относительного характера и в той или иной мере восходящее к

особенностям экономики, географии, общественного устройства, фольклора, литературы, всех видов искусства, науки, к подробностям быта, обычаям народа – носителя соответствующего языка... По нашему мнению, национально-культурная семантика языка присутствует на всех языковых уровнях, не исключая и фонетико-фонологического. Тем не менее, наиболее ярко она замечается у так называемых строевых (нереляционных) единиц языка (и речи) – слов, фразеологизмов и языковых афоризмов» [1982, 89].

В результате анализа фразеологизмов, исследования этимологии синонимических пар воссоздаются русская и французская картины мира, отраженные средствами языка в сознании данных этносов, что позволяет выявить их национально-культурные особенности, в частности, их национальные ценности. В образе русских и французских ФЕ, большая часть которых появилась на национальной основе, запечатлены различные реалии, связанные с культурно-историческим опытом лингвокультурного сообщества. Анализ образной составляющей фразеологизмов вслед за анализом их семантики и лексико-грамматического состава позволяет не только установить национальные ценности, но и уточнить их парадигму в том или ином социуме.

Образ многих русских и французских ФЕ, подобно некоторым из их компонентов, восходит к историческому прошлому обоих лингвокультурных сообществ, что подтверждает вывод об их ценностном отношении к нему. Так, межъязыковая пара синонимичных ФЕ «как Мамай прошел» и «c'est la Bérézina» (досл. «это Березина» – полнейший разгром, бедствие, поражение, разорение) является репрезентацией военного прошлого двух наций, напоминанием о событиях, которые олицетворяют кровавое историческое наследие, беды и несчастья, постигшие каждый из этих народов.

Образ русского фразеологизма восходит к реальному историческому событию, нашедшему широкое отражение в древнерусских летописях и в произведениях древнерусской литературы («Задонщина», «Сказание о Мамаевом побоище» и др.). Татарский темник (крупный военачальник)

Мамай, провозгласивший себя ханом Золотой Орды, желая наказать русских за неповиновение и стремление освободиться от золотоордынской зависимости, предпринял карательный поход на Русь (1378 г.), разорил Нижний Новгород и Рязань, но был остановлен московским князем Дмитрием Ивановичем (позже прозванным Донским) на реке Воже. Через два года Мамай снова пришел на русские земли и потерпел крупное поражение в знаменитой Куликовской битве (1380 г.). Походы Мамаея были не самыми жестокими и опустошительными из набегов золотоордынских ханов (значительно более разорительными для русских были нашествия, например, Батыя в 1237-1238 гг. и Тохтамыша в 1382 г.). Но именно Мамай, благодаря посвященным Куликовской битве литературным и фольклорным произведениям, стал восприниматься как обобщенный образ татарского хана. В образе фразеологизма лежит существующее у русских (с древних времен бывших оседлым и аграрным народом) национальное архетипическое представление о кочевниках-тюрьках как о злой, страшной, беспощадной и разрушительной силе. Мамай выступает как эталонное воплощение этой силы [БФСРЯ, 305].

В образе французской ФЕ «*c'est la Bérézina*» актуализируются события русско-французской гражданской войны 1812 года, когда Наполеон стремился вывести свои изнуренные армии за пределы русской границы. Обратный путь проходил по уже разоренным территориям, где не было спасения от холода и не было возможности восполнить запасы провизии. Французская армия приблизилась к реке «Березина», преграждавшей ей путь к отступлению, 24 ноября 1812 года, а 26 ноября началась переправа, сопровождаемая тяжелыми боями с атакующими русскими войсками. Переход «Великой армии» длился два дня (27-28 ноября), а 29 ноября утром был отдан приказ о сжигании переправочных мостов с целью не допустить преследования уцелевшей французской армии русскими войсками. Эти два дня оказались для французов олицетворением тотального бедствия. По разным сведениям, потери Наполеона исчисляются от двадцати тысяч до

тридцати пяти тысяч человек убитыми, пленными, утонувшими или замерзшими [<http://www.expressio.fr/expressions/c-est-la-berezina.php/>; https://ru.wikipedia.org/wiki/Сражение_на_Березине/].

Оба фразеологизма принадлежат к разговорному стилю речи, но имеют различия в грамматической модели: русская ФЕ – союз + существительное (выраженное именем собственным) + глагол; французская ФЕ – указательное прилагательное + глагол + существительное (выраженное именем собственным).

Фразеологизмы «мамаево побоище» и «*coup de Trafalgar*» (досл. «трафальгарский удар» в значении «разгром, катастрофа») также актуализируют военные эпизоды в истории двух наций. Если образ данного русского фразеологизма соотносится с описанием вышеизложенной русской ФЕ, то внутренняя форма французской ФЕ приводит нас к другому событию Наполеоновских войн, произошедшему в октябре 1805 года у мыса Трафальгар около Испании. В этот день французский флот вместе с союзным испанским флотом приняли бой с британской эскадрой. Союзники превосходили английский флот и в численности кораблей, и матросов. Умелое командование английского вице-адмирала Горацио Нельсона, несогласованность действий французо-испанского флота, а также стечение обстоятельств и погодные условия предопределили катастрофический для союзников исход битвы. Английский флот одержал чистую победу, захватив или потопив почти все корабли противника, не потеряв при этом ни одного своего корабля. Человеческие потери ранеными и убитыми у англичан составили около двух тысяч, в то время как французы и испанцы потеряли около пятнадцати тысяч человек. Также это событие возымело колоссальную стратегическую отдачу, определив Великобританию как единственную морскую державу того времени и заставив Наполеона пересмотреть свои планы по ее захвату и акцентировать внимание на войне с Австрией и Россией [https://ru.wikipedia.org/wiki/Трафальгарское_сражение/]. Стоит отметить, что поражение преобладающих сил союзнического флота является

неожиданным результатом данного сражения, что придает значению фразеологизма «*coup de Trafalgar*» коннотационный аспект неожиданности, непредвиденности в отличие от русской ФЕ, имеющей шутливую стилистическую окраску.

Синонимическая пара совпадает по функционально-стилевым особенностям, относясь к разговорному стилю речи, а также имеет различающиеся грамматические модели: русская ФЕ – притяжательное прилагательное + существительное; французская ФЕ – существительное + существительное (выраженное именем собственным) с предлогом.

В составе следующей синонимической пары «места не столь отдаленные» и «*voyage au long cours*» (досл. «путешествие в долгом плавании» – место ссылки, находящееся далеко от центра страны) русская ФЕ обязана своим образом «Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года», первому отечественному уголовному кодексу, в котором были прописаны виды нарушения закона, а также дан список применяемых наказаний за совершенные преступления. Выражения «ссылка в места отдаленные» и «ссылка в места не столь отдаленные» являлись общепринятыми официальными обозначениями депортации правонарушителей в губернии Сибири, а также на остров Сахалин и, соответственно, депортацией в Архангельскую, Вологодскую области, Карелию и некоторые другие места, находящиеся в нескольких днях пути от Санкт-Петербурга, что было расписано в «Уложении о наказаниях» [ФСРЯ, 243-244]. Позже, образ данного выражения укоренился и стал использоваться для обозначения любого места ссылки, тюремного заключения, нахождения в каком-либо исправительном заведении, а также иронически может употребляться для описания длительной поездки.

Образ синонимичной ФЕ «*voyage au long cours*» рассказывает об исторических событиях Франции, происходивших в конце XVIII века после Великой французской революции, когда многие люди, отправленные в ссылку новым правительством, должны были преодолеть значительное

расстояние через Атлантический океан к французской Гвиане, находящейся на северо-востоке Южной Америки и являющейся местом, куда депортировали преступников [ФРСФС, 247]. В дальнейшем, по аналогии с русской ФЕ, выражение приобрело описательную характеристику любого долгого путешествия, независимо от того, принудительное оно или нет.

Фразеологизмы обладают одинаковыми функционально-стилевыми качествами, относясь к разговорному стилю речи. По грамматическим моделям они различаются: русская ФЕ – существительное + отрицательная частица + наречие + прилагательное; французская ФЕ – существительное + прилагательное + существительное (выраженное косвенным дополнением с предлогом).

Межъязыковая синонимическая пара фразеологизмов «нож в спину» и «coup de Jarnac» (досл. «удар Жарнака» – нечестный, вероломный поступок) репрезентирует универсальные представления о недостойном, предательском поведении через первоначальные денотаты, заложенные в данные ФЕ. Образ русского фразеологического оборота основан на параллели, проводимой русской нацией между подлым поступком любого характера и нанесенным ударом ножом в спину исподтишка. Национально-культурная специфика русского этноса заключается в культивировании в сознании народа честности, доблести, мужественного поведения на поле боя и в мирной жизни. Это отражено в фольклоре, русских народных сказках, в которых дается модель поведения достойного человека. Достаточно вспомнить, как русские богатыри вызывали в открытую врагов русского народа на бой, вставая в полный рост и крича о желании биться с ними (такие сказки, как «Иван – крестьянский сын и чудо-юдо», «про Добрыню Никитича и Змея Горыныча», «Василиса Прекрасная» и т.д.). На контрасте воспринимается удар без предупреждения, в спину, коварный поступок, когда адресат не видит наносимого удара и, соответственно, не готов к нему, не может защититься и дать отпор. Такая модель поведения расценивается русским

этнoсом как недостoйная, вероломная, что и послужило основой для создания данного фразеологизма.

Образ французской ФЕ «*coup de Jarnac*» актуализируется, когда французы видят недостoйное поведение, подлый и нечестный поступок, в их сознании объективируется образ необычного удара мечом Ги де Шабо, барона де Жарнаком во время его дуэли с Франсуа де Вивонн, господином де Ла Шатеньере. Жарнак был оскорблен королем Генрихом II, распространявшим при дворе нелестные слухи о любовных отношениях Жарнака и его мачехи, Магдалены де Пюигийон. Жарнак требовал справедливости за это оскорбление, но король не мог участвовать в дуэли с простым дворянином, поэтому предоставил возможность отстоять королевскую честь другому дворянину Ла Шатеньере. Двадцатисемилетний Франсуа де Вивонн был мастером владения мечом, искусным воином и физически развитым борцом, он был уверен в своей победе над тридцативосьмилетним Ги де Шабо, не имевшим крупного телосложения и блистательной военной подготовки. Оказавшись в непростом положении, Жарнаку необходимо было подготовиться к поединку, для чего он нанимает итальянского учителя фехтования по имени капитан Кайцо. Наставник учит барона нескольким хитростям владения мечом, которые, однако, не являлись запрещенными по правилам дуэлей того времени. Когда время поединка пришло, Король со свитой были уверены в победе своего протеже, видя, как он теснит противника. Однако ход дуэли переломил неожиданный удар Жарнака мечом под левое колено Ла Шатеньере, перерезавший сухожилия до самой кости. Упавший Франсуа де Вивонн не смог дальше продолжать бой, и Жарнак потребовал признания своей правоты у короля. Протеже Генриха II не выдержал позора проигрыша, сорвал повязки с обработанной раны и через несколько дней скончался. Несмотря на тот факт, что удар Жарнака был абсолютно законным и не противоречил правилам, он стал восприниматься как бесчестное и недостoйное действие, после которого даже были запрещены все официальные дуэли во Франции, и послужил образом для

фразеологизма со значением «нечестный, вероломный поступок» [DLF, 219] [Шелест, http://www.history-illustrated.ru/article_73.html?PHPSESSID=943bc86342d37e1669d9f3cd521fd1a0].

Синонимическая пара обладает одинаковыми функционально-стилевыми свойствами, относясь к разговорному стилю речи. Грамматические модели также совпадают: русская ФЕ – существительное + существительное с предлогом; французская ФЕ – существительное + существительное (выраженное именем собственным) с предлогом.

В составе синонимической пары межъязыковых ФЕ «при царе Горохе» и «*au temps que la reine Berthe filait*» французский фразеологизм содержит имя собственное реального исторического персонажа Франции, королевы Бертрады Лаонской по прозвищу Берта Большеногая, жены Пипина Короткого и матери Карла Великого, родившейся приблизительно в 720 году н.э. и умершей 12 июля 783 года. Нам представляется важным отметить, что образ фразеологизма ссылается не на настоящий исторический факт, засвидетельствовавший занятие Берты неподобающим для королевы ремеслом – плетением, а на одну из множества легенд [так называемых «*chanson de geste*» (досл. «песнь о деяниях») или «жестах» (представляющих собой один из жанров французской средневековой литературы эпического содержания)], посвященных эпохе правления Карла Великого (Королевские жесты) [https://ru.wikipedia.org/wiki/Chanson_de_geste].

Самая известная, оказавшая свое влияние на мировоззрение французского этноса, в том числе и на фразеологию, поэма из данного цикла, написанная Адене ле Руа около 1270 года, повествует о том, как венгерская принцесса Берта едет во Францию для выхода замуж за короля Пипина, но ее подменяют дочерью служанки Алистой, на которой король женится, а настоящую Берту обвиняют в покушении на жизнь его величества и ссылают в лес на верную смерть. Однако ее находит семья бедных тружеников, ей дают приют и учат житейским делам. Берте нравится прясть и шить, чем она и занимается до случайной встречи с королем, подставная жена которого уже

была разоблачена родителями Берты и казнена. Король видит в девушке черты и манеры знатной особы и догадывается, что перед ним, возможно, его настоящая невеста. Чтобы это подтвердить, он приглашает родителей Берты на встречу с девушкой, которые незамедлительно узнают в ней их дочь и истинную венгерскую принцессу. Берту забирают ко двору, играют свадьбу, и она рождает сына Карла [http://fr.wikisource.org/wiki/Biographie_nationale_de_Belgique/Tome_2/BERTHE].

Исходя из вышесказанного, можно утверждать, что первоначальным денотатом французского фразеологизма «*au temps que la reine Berthe filait*» является не реальная историческая личность, королева Бертрада Лаонская, а ее сказочный образ, по стечению обстоятельств занимавшийся пряжей и вышивкой. Примечательно, что именем королевы Берты стали называть в XIX веке узорчатые кружевные или из прозрачной ткани воротники на женские платья, особенностью которых было то, что они больше напоминали пелерину (короткий плащ до пояса или накидка с капюшоном, надеваемая поверх плаща), чем, собственно, воротник, из-за своего нестандартно большого размера, иногда ниспадающие от шеи до пояса.

Образ синонимичной русской ФЕ «при царе Горохе» отсылает нас не к истории, а к фольклору, к герою русских народных сказок. В книге «Народные русские сказки» А.Н. Афанасьева, первое издание которой датируется 1874, царь Горох является одним из действующих лиц в нескольких сказках без названия. Одна из них начинается словами: «В то давнее время, когда мир божий наполнен был лешими, ведьмами да русалками, когда реки текли молочные, берега были кисельные, а по полям летали жареные куропатки, в то время жил-был царь, по имени Горох...». Наличие в первоначальном денотате элемента неправдоподобности, нереальности, понимания того, что такого времени никогда не существовало даже теоретически, усиливает значение фразеологизма.

Однако следует отметить, что существуют версии о более древней этимологии данного фразеологического оборота. И.Е. Тимошенко в своем

труде «Литературные первоисточники и прототипы трехсот русских пословиц и поговорок» вначале излагает вариант образования этой ФЕ согласно А.Н. Афанасьеву, утверждающему, что прототипом образа царя Гороха был мифический богатырь Покати-горошек, появившийся на свет благодаря тому, что его мать-царица съела горошину. А.Н. Афанасьев видит символизм русских народных сказок и связь имени Горох со славянским Богом Перуном, проводя параллель между созвучными словами «горох» и «грохот», «грохотать», характерными свойствами грома и молний, являющимися показателями присутствия Перуна в области этих погодных условий.

И.Е. Тимошенко опровергает вышеописанную теорию А.Н. Афанасьева, приводя в пример поговорки с похожей семантикой из других славянских языков [чешский: «Za krale Holce, kdyz byla za gros ovse»; малорусский (украинский) «при царе Митрохы, коли людей було трохы», «за царя Томка, як была земля тонка»; польский «za krola Sasa byla chleba po rasa»] и утверждая, что везде, кроме русского языка, имена царей были выбраны только для создания наилучшей рифмы, не имея под собой никакого исторического контекста. Опровержение теории о корреляции образа гороха с Богом Перуном происходит на базе того факта, что языческие представления об укладе универсума являются древними и, соответственно, должны были проникнуть во многие славянские языки, чего не произошло согласно вышеприведенным примерам из других языков. В завершение статьи И.Е. Тимошенко приводит на его взгляд наиболее вероятную версию появления фразеологизма «при царе Горохе». Оказывается, существует его прототип [«πρεσβύτερος Κόδρος», произносящийся на русском языке как «пресбитерос Кодрос» и дословно переводящийся «более старший, чем Кодр (мифический царь Аттики)»] в греческом языке, употребляющийся в абсолютно эквивалентном значении «в стародавние времена». И.Е. Тимошенко полагает, что в русском языке подобный фразеологизм мог появиться благодаря созвучию слов «Ко-(д)-ро-

(с)» и «Го-ро-х» как заимствование из греческого. Также он отмечает разницу в эмоциональной коннотации русско-греческой пары фразеологизмов, связываемую с отношением носителей языка к мифическим персонажам, имена которых употребляются в этих ФЕ.

Греки произносят данную ФЕ с уважением, с благоговением, искренне, чему способствует исторический факт, граничащий с вымыслом, о последнем царе Аттики Кодре, которому оракулом было предсказано, что если он хочет спасти свою страну от вторжения и разрушения дорийцами, он должен умереть. Желая защитить свой народ, Кодр послушался оракула и под видом дровосека пробрался в лагерь дорийцев, целенаправленно ввязался в драку и был в ней убит. Удивительным образом Аттика была спасена, не подвергнувшись завоеванию со стороны дорийцев, переселившихся в область Мегар [[https://ru.wikipedia.org/wiki/Кодр_\(мифология\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Кодр_(мифология))]. В свою очередь, русский народ, вполне осознавая вымышленную природу такого исторического персонажа, как царь Горох, не имея никакого доверия к событиям, происходившим в эпоху его жизни, употребляют данный фразеологизм иронически, с усмешкой [Тимошенко 1897, 143-144].

Оба фразеологизма относятся к разговорному стилю речи, что говорит об их одинаковых функционально-стилевых качествах. Грамматические модели у данных ФЕ различаются: русская ФЕ – предлог + существительное + существительное (выраженное именем собственным); французская ФЕ – существительное с предлогом + подчинительный союз + существительное + существительное (выраженное именем собственным) + глагол.

Межъязыковая синонимическая пара «косая сажень в плечах» и «*armoire normande*» (досл. «нормандский шкаф» – говорится о широкоплечем, физически развитом человеке) демонстрирует разницу в восприятии одной и той же реалии окружающего универсума русскими и французами. Образ русской ФЕ передается через устаревшую меру длины, «косую сажень», которая приравнивалась расстоянию от конца большого пальца правой ноги до конца среднего пальца поднятой вверх левой руки. До

введения метрической системы мер на Руси существовали также обычная сажень, составляющая три аршина (еще одна старая русская мера длины, один аршин – 0,7112 м), и маховая сажень, равная двум с половиной аршинам (по длине расстояния разведенных в сторону, от конца среднего пальца одной руки до конца среднего пальца другой руки) [ФСРЯ, 388]. Естественно, что для описательной характеристики широкоплечего человека была выбрана именно самая большая из существовавших мер длины – косая сажень. Стоит отметить, что фразеологизмов с компонентом «сажень» (*sagène*) во французском языке не найдено, данное слово попало в языковой фонд посредством калькирования, что свидетельствует об отсутствии этой реалии в историческом опыте французской нации.

Внутренняя форма французской ФЕ «*armoire normande*» этимологически репрезентирует национальную реалию Франции, где в одной из ее провинций, Нормандии, было налажено производство шкафов, которые отличаются своей массивностью, громоздкостью и крупными габаритами. Как уже нами было отмечено в теоретической главе, жители данного региона Франции заработали себе репутацию грубых, невежливых, любящих приукрасить и обмануть людей, что послужило наличием дополнительной негативной экспрессивной коннотации у данного фразеологизма, которая прослеживается в его значениях «бугай, амбал». В связи с отсутствием на территории Российской Федерации населенного пункта с названием «Нормандия», данный компонент не запечатлен во фразеологическом фонде русского языка. Синонимическая пара совпадает по своим функционально-стилевым свойствам, относясь к разговорному стилю, но построена по различающимся грамматическим моделям: русская ФЕ – прилагательное + существительное + существительное с предлогом; французская ФЕ – существительное + прилагательное.

В составе русско-французской синонимической пары «мелкая сошка» и «*le bas bout de la table*» (досл. «низкий край стола» – человек, занимающий невысокое общественное или служебное положение; невлиятельный,

неавторитетный) первоначальный денотат русского фразеологического оборота восходит к старинному примитивному орудю для вспашки земли – сохе. Возделыванием земли на Руси занимались крестьяне, такой труд не был в почете. По мере развития общества земледельцы начали вступать в круги интеллигенции, а также организовывать свои общины, но пренебрежительное отношение к ним со стороны высших слоев населения сохранялось. Так, существует выражение «от сохи» со значением «о том человеке, кто вошел в круг интеллигенции непосредственно из среды простых тружеников, крестьян» [ТСРЯ, 753]. Мелкой сохой в старину называлась маленькая община, объединявшая в своем составе бедных, малоимущих людей [ФСРЯ, 428]. Впоследствии данное понятие приняло добавочную уменьшительно-пренебрежительную коннотацию из-за изменения суффикса (соха → сошка) и стало репрезентировать уже непосредственно малоуважаемого, невлиятельного человека.

Французский фразеологизм «le bas bout de la table» несет в себе образ того, что французы разграничивают места за столом на предпочтительные и нежелательные. Оппозиция строится на том факте, что места на высоком (по-другому, красивом) крае стола отдаются почетным гостям, заслуживающим уважения и почестей, в противовес низкому краю стола, за которым располагаются незначительные, второстепенные лица (например, детские места или места для прислуги) [DEL, 100]. Характер занимаемого места за столом аллегорически отождествляется с положением человека в обществе. Оба фразеологизма относятся к разговорному стилю речи и построены по разным грамматическим моделям: русская ФЕ – прилагательное + существительное; французская ФЕ – прилагательное + существительное + существительное с предлогом (косвенное дополнение).

Межъязыковая пара синонимов «как бельмо в глазу» и «la bête noire» (досл. «черный зверь» – кто или что-либо, раздражающее своим присутствием, объект ненависти) актуализирует разницу в механизме перцепции универсальной ситуации негативного отношения к какому-либо

объекту. В образе русского фразеологизма заложено заболевание роговицы глаза, характеризующееся появлением на ней эстетически неблагоприятного пятна, которое влечет за собой затуманенность зрения и, как следствие, его полную потерю при отсутствии лечения. Естественно, появление данного заболевания у человека вызывает у него дискомфорт, неприятные ощущения, раздражение и желание скорейшим образом устранить источник этих неприятностей. С другой стороны, в определенные периоды истории человеческие увечья высмеивались, и их обладатели являлись предметом гонений, что связывается с брезгливым отношением к всякого рода изъянам на человеческом теле. Отголоски этого аспекта нашего прошлого могли запечатлеться во фразеологической картине мира, если рассмотреть образ данного фразеологизма со стороны человека, смотрящего на другого человека, глаз которого был поражен лейкомой, и испытывающего чувство неприязни и желание избежать общения.

Французская ФЕ «la bête noire» обладает сразу двумя этимологическими интерпретациями. Согласно первой, данный фразеологизм образовался благодаря добавлению прилагательного «noire» (черный), обладающего усиливающей негативной коннотацией, к слову «la bête» (зверь), которое является компонентом устаревшего выражения «être la bête de qqn» с таким же значением. Как бы то ни было, слово «la bête» априори имеет ярко выраженную экспрессивную негативную окраску, что говорит об однозначно возникающем нежелании находиться в зоне контакта с данным существом.

Вторая интерпретация связана с мифологической картиной мира, раскрывающей образ данного фразеологизма сквозь призму истории о мистическом происхождении мервингских королей от любовной связи черного быка, вышедшего из морских вод, и королевы, заснувшей на берегу [DEL, 69]. Вероятно, такого рода прародитель мог вызывать отвращение и желание избавиться от раздражающей части биографии, что мотивируется

значением фразеологизма. Оба фразеологизма по функционально-стилевым свойствам репрезентируют разговорный стиль общения.

По грамматической модели единицы «как бельмо в глазу» и «la bête noire» различаются: русская ФЕ – подчинительный союз + существительное + существительное с предлогом (косвенное дополнение); французская ФЕ – прилагательное + существительное.

Синонимичные ФЕ «приказать долго жить» и «casser sa pipe» (досл. «сломать свою трубку» – умереть) описывают универсальную для представителей любого этноса реалию, однако, основополагающие образы данной пары фразеологизмов имеют различную этимологию. Французская ФЕ «casser sa pipe» имеет несколько этимологических трактовок, связанных с историческим прошлым Франции, но ни одна из них не является официально доказанной и общепринятой, что увеличивает исследовательский интерес к данному фразеологическому обороту и предоставляет возможность самостоятельно избрать наиболее вероятный внутренний образ. Согласно первой версии происхождения данного фразеологизма, он был использован впервые в 1649 году в памфлете, высмеивающем исторический персонаж – кардинала Мазарини в так называемой Мазаринаде, однако, там он имел другую семантику – «взбеситься, лопнуть от ярости». В современном значении эта ФЕ начала употребляться начиная с конца 17 века. В соответствии с другой версией на полях сражений при Наполеоновских войнах у хирургов не было анестезирующих препаратов для обезболивания во время операций. Поэтому они вкладывали в рот солдату глиняную трубку, чтобы тот ее сжал зубами и, следовательно, не мог кричать. Пациент, изнуренный болью, не выдерживал и выпускал трубку изо рта, которая, упав на землю, разбивалась.

В основе образа русской ФЕ «приказать долго жить» лежит не исторический факт, а представление о том, что человек, лежащий на смертном одре, произносит напутственную речь собравшимся вокруг него близким людям и желает им здоровья и долгих лет жизни. Совершение

данного «обряда» в сознании русского народа было связано с последующей неминуемой смертью говорящего, что и послужило внутренней формой фразеологизма со значением «умереть». Как нам представляется, в данном фразеологизме присутствует лексический компонент «приказать» исходя из бытующего мнения о том, что последнее желание умирающего обязательно для выполнения, что и может являться эквивалентным приказу.

Фразеологизмы обладают одинаковыми функционально-стилевыми характеристиками, относясь к разговорному стилю речи. Построены по разным грамматическим моделям: русская ФЕ – глагол + наречие + глагол; французская ФЕ – глагол + существительное с притяжательным местоимением.

В составе межъязыковой синонимической пары «дым столбом (коромыслом)» и «la cour du roi Pétaud» (досл. «двор короля Пето» – место беспорядка, суматохи, сумасшедший дом) в основе французского фразеологического оборота актуализируется образ той исторической эпохи, когда во Франции нищие могли себе выбрать «короля». Дело в том, что разные сословия могли представлять собой сообщества с некоторым руководящим лицом во главе. Например, гильдия торговцев, арбалетчиков, даже сборище нищих и т.д. До Генриха III, который запретил любому другому человеку носить титул короля, руководители подобных сообществ именно так и назывались. Данные «короли» нарекались шутливым именем «Пето» (Pétaud), что по одной версии является производным латинского слова «petere» в значении «спрашивать», а по другой – производной формой от французского глагола «péter» (пукать) [DLF, 303]. Следует отметить, что «двор» подобных «королей», скорее всего, отличался отсутствием настоящего самодержавного контроля, отсутствием истинного уважительного отношения, трепета и даже страха перед избранным «королем», что способствовало непослушанию, неразберихе и состоянию беспорядка и суматохи в данном сообществе.

Русская ФЕ «дым столбом (коромыслом)» передает образ, связанный с бытом сельского населения на Руси в старину. Для отопления избы существовали печи, дым из которых выходил через специальное «волоковое» окно, дымоход или просто открытую дверь. Форма выпускаемого дыма зависела от погодных и температурных условий и могла быть в виде столба, направленного вверх, в виде волока, стелящегося по полу, либо дым выходил из трубы клубами, а затем падал по дуге, что напоминает форму коромысла. Вероятно, фразеологизм «дым столбом (коромыслом)» со значением «место, где происходит суматоха, беспорядок» появился по аналогии с другой русской ФЕ «пыль столбом» с эквивалентной семантикой. Во время драки или какого-либо переполоха могла подниматься пыль в воздух, что послужило образной составляющей данного фразеологизма [ФСРЯ, 153-154].

Фразеологизмы имеют эквивалентную функционально-стилевую окраску, относясь к разговорному стилю, но их грамматические модели различаются: русская ФЕ – существительное + существительное; французская ФЕ – существительное + существительное с предлогом + существительное (выраженное именем собственным).

Синонимичные фразеологические обороты «тертый калач» и «vieux routier» (досл. «старый наемный воин» – очень опытный человек, которого сложно провести, обмануть, бывалый человек) эксплицируют разницу у представителей русского и французского этносов при воссоздании в их сознании образа человека, умудренного жизненным опытом и прекрасно разбирающегося в каком-либо деле. Образ французской ФЕ «vieux routier» приводит нас к той эпохе, когда старый солдат, наемник, грабитель или мародер, промышлял на дорогах грабежом местного населения, и, соответственно, если он доживал до старости, отлично знал все тропы и дороги. После переосмысления ССС фразеологизм приобрел нынешнее значение опытного человека, которого сложно провести, но, однако, сохранилась негативная уничижительная стилистическая окраска у данного выражения, проявляющаяся в таком коннотационном оттенке значения, как

«человек, проживший долго в преступном мире и имеющий опыт в незаконных действиях».

В основе русской ФЕ «тертый калач» находится образ, взятый из сферы кулинарии русского народа. Дело в том, что существует несколько разновидностей калача (от общеславянского *kolač* < *kolo* — круг) — у восточных и южных славян круглый белый хлеб, обычно в виде кольца или с небольшим отверстием; у западных славян так назывался любой обрядовый хлеб, в том числе свадебный каравай; в центральной и северной России это род высококачественного белого хлеба из муки высшего сорта, выпекаемый в специфической форме, наподобие гири (с массивной нижней частью и «ручкой» над ней) [<https://ru.wikipedia.org/wiki/Калач/>]. И также существует Муромский тертый калач на отрубях, спецификой приготовления которого является использование крутого калачного теста, которое необходимо длительное время мять и тереть для достижения наилучших вкусовых ощущений у блюда. В русском народном фольклоре даже существует пословица об этом калаче: «Не терт, не мят, не будет калач», используемая в значении «беды человека учат» [ФСРЯ, 191]. Отсюда вытекает логичное переосмысление образа тертого калача как повидавшего достаточно на своем веку, бывалого человека.

Данная пара фразеологизмов имеет эквивалентные функционально-стилевые особенности и относится к разговорному стилю, также ФЕ совпадают по грамматической модели: прилагательное + существительное.

В корпусе фразеологических фондов обоих лингвокультурных сообществ немало единиц, образ которых сформирован на религиозной основе, что подтверждает сделанный нами в результате анализа лексического состава фразеологизмов вывод о том, что духовная связь с Богом является одной из ценностей русского и французского этносов. Проанализируем межъязыковую синонимическую пару фразеологизмов «дышать на ладан» и «*sentir le sapin*» (досл. «чувствовать ель» – быть близким к смерти). Образ русской ФЕ восходит к религиозной составляющей быта русского народа. По

ортодоксальному христианскому обычаю, в церквях при богослужении священник раскачивает кадило (металлический сосуд на цепочке), в котором курится ладан (ароматическая отвердевшая смола, сок особых пород деревьев, при сжигании источающий душистый запах), перед иконами, чтобы воздать хвалу Богу и святым и умиловать их. Проводы умершего или умирающего человека совершаются подобным образом по христианской традиции. Священник сначала исповедует человека, лежащего на смертном одре, затем причащает [дает умирающему выпить вина и съесть кусочек просвиры (пресного хлеба), символизирующие кровь и плоть Иисуса Христа соответственно] и в заключение кадит кадилом. Отсюда следует, что умирающий человек в последние моменты своей жизни чувствует запах ароматического вещества, т.е. буквально дышит на ладан.

Синонимичный французский фразеологизм «sentir le sapin» содержит образ, который восходит к старой традиции изготовления гробов из ели во Франции. Ель имеет специфический хвойный аромат, который также может исходить не только от живого дерева, но и от изделия, изготовленного из данной древесной породы. Вероятно, умирающий человек мог почувствовать запах ели и осознать, что где-то рядом уже находится гроб, в который его положат после наступления смерти.

Данная пара фразеологизмов имеет одинаковые функционально-стилевые особенности, репрезентируя разговорный стиль речи. Грамматические модели данных фразеологических оборотов имеют некоторые различия: русская ФЕ представлена глаголом и существительным, выраженным косвенным дополнением с предлогом, а французская – глаголом и существительным, выраженным прямым дополнением.

Следующая пара фразеологизмов, являющихся межъязыковыми синонимами, «ветер свистит в карманах» и «loger le diable dans la bourse» (досл. «помещать дьявола в кошельке» в значении «не иметь ни гроша») объективирует особенности мышления русского и французского этноса. Универсальная реалья «отсутствие денежных средств» осмысливается двумя

нациями через разные первоначальные денотаты. Первоначальный денотат французской ФЕ «*loger le diable dans la bourse*» актуализирует универсальное представление адептов христианской религии о злой силе, способствующей различным людским несчастьям и неудачам. Бес в качестве персонифицированной модели злого духа имеет возможность проникать в различные сферы жизни и быта человека и наносить вред его здоровью или имуществу. Позволив дьяволу попасть в кошелек, человек обрекает себя на неизменное разорение.

В русской ФЕ «ветер свистит в карманах» образ восходит к свойству воздушного потока, не встречающего преграды и поэтомудвигающегося с высокой скоростью, издавать звук, напоминающий свист. Одним из вариантов хранения наличных денежных средств является ношение их в карманах одежды. Соответственно, если в карманах пусто, то ветер не наткнется на преграду и разовьет скорость, достаточную для получения характерного звука.

Данная пара ФЕ коррелирует по функционально-стилевым свойствам, т.к. оба фразеологизма относятся к разговорному стилю речи, но грамматические модели различаются: русская ФЕ – существительное + глагол + существительное с предлогом; французская ФЕ – глагол + существительное + существительное с предлогом.

Русско-французская пара фразеологических синонимов «хождение по мукам» и «*parcours du combattant*» (досл. «пробег бойца» – тяжелые жизненные испытания, следующие одно за другим) актуализирует разницу в образах, связываемых с представлением жизненных трудностей, у двух этносов. Русский народ, являясь на протяжении многих столетий крайне верующей нацией, часто прибегает к отражению действительности через религиозные образы, что находит подтверждение во фразеологическом фонде русского языка. Во фразеологизме «хождение по мукам» первоначальный денотат основывается на ортодоксальном христианском религиозном убеждении в том, что после смерти душа каждого грешника

ходит по мукам или «мытарствам» сорок дней, на протяжении которых она претерпевает всяческие издевательства и пытки со стороны бесов. Религиозный образ загробных страданий сравнивается с приходящими одна за другой трудностями в реальной жизни.

Образ французского фразеологизма «parcours du combattant» взят из сферы военного дела. Большинство солдат, служащих в разных родах вооруженных сил, сталкиваются с так называемой «полосой препятствий», куда входят различные упражнения: силовые, скоростные, на выносливость, на ловкость. Несмотря на то, что «полоса препятствий» является базовым упражнением с некоторыми отличиями в разных подразделениях, для неподготовленного новичка данное упражнение представляет серьезную трудность и для его выполнения согласно нормативу новобранцу предстоит преодолеть немало испытаний, как физических, так и психологических. Хотя данная реалья является универсальной и существует, вероятно, в преобладающем большинстве армий мира, она попала во фразеологию именно французского языка, передавая значение тяжелых жизненных испытаний, следующих одно за другим.

Данные фразеологизмы обладают одинаковыми функционально-стилевой характеристикой, относясь к разговорному стилю речи, и грамматической моделью: существительное + существительное с предлогом.

В составе русско-французской синонимической пары фразеологизмов «ко второму пришествию» и «à Râques ou à la Trinité» (досл. «на Пасху или на Троицу» – время, которое неизвестно когда наступит; отдаленное будущее; никогда) русская ФЕ объективирует универсальное убеждение христианской религии о непременном возвращении сына Бога Иисуса Христа на Землю. Дело в том, что данный постулат основывается на некоторых пророческих высказываниях как самого Иисуса, так и его апостолов, излагаемых в священных христианских книгах: Ветхом и Новом Заветах. Точная дата второго пришествия нигде не указывается, более того, некоторые слова прямо говорят о невозможности для человека узнать время появления сына

Бога на нашей планете. Однако в священных книгах говорится о символических знаках, предшествующих пришествию. Например, появление лжехристов, антихриста, разочарование в вере, глобальные катаклизмы и стихийные бедствия и т.д. Многие богословы пытались связать определенные исторические события (Лиссабонское землетрясение 1 ноября 1755 года, Солнечное затмение 19 мая 1780 года и некоторые другие) [https://ru.wikipedia.org/wiki/Второе_пришествие_Иисуса_Христа/] с вероятным началом второго пришествия, но оно так и не произошло, что дало повод связать образ ожидаемого религиозного события с крайне неопределенным периодом в будущем, который неизвестно когда наступит, более того, с большой долей вероятности не произойдет никогда.

Образ французского фразеологизма «à Râques ou à la Trinité» отражает историческое прошлое и восходит к строкам издевательской песни, составленной французскими солдатами в начале XVIII века. Дело в том, что, начиная с конца XVII века, в должности капитана, командующего британской армией, находился лорд Черчилль, герцог Джон Мальборо. В этой должности он уже нанес несколько поражений французским войскам, и в 1709 году союзническая англо-австро-голландская армия снова одержала победу над французской армией в битве при Мальплаке. Несмотря на проигрыш французов, британские объединенные войска понесли значительные потери, больше чем вдвое превышающие потери французской армии [https://ru.wikipedia.org/wiki/Битва_при_Мальплаке/]. Это дало повод французским солдатам считать ненавистного им лорда Черчилля мертвым, и они составили высмеивающую его песню с основной мыслью о том, что капитан никогда уже не вернется с войны. Отрывки из этой песни звучат следующим образом: «Мальборо идет на войну. ... Он вернется на Пасху или на Троицу. ... Троица проходит, Мальборо не возвращается...». Таким образом, слова песни стали основой для появления нового фразеологизма в языковой картине мира французов [<http://www.expressio.fr/expressions/a-raques-ou-a-la-trinite.php>].

Однако С.М. Кравцов предлагает другую версию происхождения данного выражения, основанную на более ранних исторических событиях Франции. В средневековом государстве у французских королей было особенное отношение к денежным средствам, которые были ими взяты займы. Монархи обязывались выплатить долги на Пасху или на Троицу; оба дня имеют официально определенные даты празднования, временной промежуток между которыми составляет семь недель. Но очень часто после прохождения и первого праздника, и второго, долги оставались не погашенными, что послужило поводом считать данные обещания иллюзорными, без корректно установленного срока выполнения и, возможно, даже несбыточными [ФРСФС, 240].

Синонимическая пара фразеологизмов обладает одинаковыми функционально-стилевыми качествами, представляя собой разговорный стиль речи. Грамматические модели различаются: русская ФЕ – предлог + порядковое числительное + существительное, французская ФЕ – существительное с предлогом + союз + существительное с предлогом.

Интересным примером русско-французской пары синонимичных фразеологизмов со значением «умереть» являются ФЕ «дать дуба» и «tourner le coin» (досл. «повернуть за угол»). До сих пор не сложилось однозначного мнения о единственно верной этимологии русского фразеологизма. Существует несколько версий его первоначального денотата. Согласно первой версии изначально существовавшая грамматическая форма («дать дубу») и этимология данного фразеологического оборота кроется в древнем языческом обряде подношения даров славянскому Богу-Громовержцу Перуну, символом и священным деревом которого является дуб. Существует достаточно распространенное мнение о том, что подношения Богам в языческих обрядах были жертвенными, что также может мотивировать семантику фразеологизма «дать дуба» [<http://www.gramota.ru/spravka/phrases>].

По второй версии фразеологизм связан с глаголом «задубеть», который имеет значение «остыть, сделаться твердым, лишиться чувствительности»,

что вполне достаточно мотивирует семантику ФЕ с компонентом–производным от данного глагола. Данная версия происхождения ФЕ говорит о том, что в некоторых селениях на Руси было традиционным хоронить умерших под дубом. Следует добавить, что дополнительным фактом в пользу данной версии является информация о том, что существовал обычай в русских селениях наделять человека еще при жизни своим собственным деревом (дубом) в качестве хранителя и помощника, то есть селянину как раз «давали дуба», а после смерти человека должны были похоронить именно рядом с этим деревом.

В соответствии с третьей версией происхождения данного фразеологизма, образная составляющая берет начало от материала для изготовления гробов на Руси, то есть дуба. Интересно проследить присутствие компонента «дать» в составе данной ФЕ. Если рассмотреть связь лексико-грамматического состава с образной составляющей, то получится, что вышеуказанный компонент не имеет мотивации в первой и четвертой версиях происхождения фразеологизма. Однако при более глубоком анализе удастся выяснить, что компонент «дать», присутствующий в составе многих ФЕ («дать жару», «дать прикурить», «дать маху», «дать петуха» и т.д.), придает значению фразеологизма коннотацию уже выполненного действия, завершенности, тогда как последующее слово, в свою очередь, иносказательно поясняет что именно было завершено.

Французский фразеологизм «tourner le coin» имеет в своей основе образ человека, который исчезает из поля зрения наблюдателя, сворачивая за угол здания [DEL, 196]. В сознании носителей французской культуры проводится параллель между уходом человека из видимости, что является непременно временной ситуацией, и уходом человека из жизни, что, соответственно, носит постоянный характер.

Данная пара синонимических фразеологизмов относится к разговорному стилю речи, совпадая по своим функционально-стилевым характеристикам, и имеет эквивалентные грамматические модели: глагол

(выраженный инфинитивом) + существительное (выраженное прямым дополнением).

Кроме исторического прошлого, религии, фольклора, обычаев, бытовых традиций, источником образа ФЕ могут служить представители животного мира, пользующегося, как нами отмечалось выше, ценностным отношением к себе носителями русской и французской культуры. Так, пара межъязыковых фразеологических синонимов «как корова языком слизала» и «*se transformer en courant d'air*» (досл. «превратиться в сквозняк» – исчезнуть быстро и незаметно, испариться) объективирует универсальную реалию «незаметного исчезновения» сквозь призму национальных особенностей менталитета двух анализируемых этносов, т.к. образные составляющие не коррелируют. В русской ФЕ «как корова языком слизала» за основу взято наблюдение за исконно домашним животным коровой, которая слизывает своим языком любую пищу в пределах досягаемости. Коровий язык обладает сильно шершавой поверхностью, и в сочетании с правильным слюновыделением он способен подхватить и отправить в желудок многие предметы, часто даже не предназначенные для питания животного.

Образ французской ФЕ «*se transformer en courant d'air*» актуализирует общее для всех наций представление о сквозняке, как о неуловимом, быстро перемещающемся воздушном потоке. Влияние сквозняка можно только почувствовать, осознать или заметить его результат, например, в виде разлетевшихся по столу бумажных листьев, но увидеть его, зафиксировать взглядом его перемещение не возможно. Соответственно, то, что превращается в сквозняк, бесследно исчезает, и нет возможности данный предмет разглядеть или найти.

Данные фразеологизмы репрезентируют одинаковые функционально-стилевые свойства и относятся к разговорному стилю речи. Их грамматические модели различаются: русская ФЕ – союз + существительное + существительное + глагол; французская – глагол + существительное с предлогом.

Следует отметить, что национально-культурная специфика фразеологии проявляется также и в тех ФЕ, внутренняя форма и значение которых совпадают, но средства выражения различаются по причине сугубо лингвистических особенностей. Например, такие пары фразеологизмов, как «дойная корова» и «vache à lait», «золотые руки» и «mains en or» являются манифестацией синтетизма русского и аналитизма французского языков, где русская грамматическая модель «прилагательное + существительное» противопоставлена французской «существительное + предлог + существительное». К тому же, несмотря на наличие во французском языке деривата «laitier» от существительного «lait», его дословным переводом на русский язык является «молочный», что не эквивалентно лакунарному для французского языка слову «дойный», что также репрезентирует исключительно языковую специфику во фразеологии.

Итак, ценностная парадигма лингвокультурного сообщества актуализируется в корпусе национальной фразеологии в процессе исследования образной составляющей формирующих ее единиц. В результате анализа фразеологических образов подтверждается ценностное отношение русского и французского лингвокультурных сообществ к их историческому прошлому, к их духовной связи с Богом, а также к животному миру. Кроме того, образы русских и французских ФЕ восходят к национальным традициям, обычаям, что свидетельствует об их месте в парадигме ценностей обоих этносов. Однако только среди русских фразеологизмов обнаружены те из них, образная составляющая которых связывается с такой ценностью, как национальный фольклор.

2.4. Межъязыковые фразеологические омонимы: парадигма ценностей

Парадигма ценностей лингвокультурного сообщества дополняется и уточняется благодаря исследованию фразеологии через призму межъязыковой омонимии. Омони́мия (от греческого «*homonymia*» — одноименность) в языкознании — звуковое совпадение различных языковых

единиц, значения которых не связаны друг с другом [ЛЭС, 344-345]. Данное явление реализуется вследствие разнообразных причин, таких как исторические звуковые изменения [может произойти совпадение ранее различных по звучанию слов, например, русские омонимы «лук» (растение) (ст.-сл. «лукъ» – от др.-гр. «loukos» – светлый, белый) и «лук» (для стрельбы) (ст.-сл. «лжкъ» связано с литовским словом «lankas» – дуга, обруч), французские омонимы «rêche» (персик, плод персикового дерева) (от латинского слова «persica» в значении персидский, т.к. данный фрукт был завезен в Европу из Персии) и «rêche» (рыбная ловля) (девербализация глагола «rêcher» в значении «рыбачить»)]; заимствование иноязычного слова [например, заимствованное из немецкого (через польский) слово «брак» (изъян) совпало с исконно русским «брак» (женитьба), которое этимологически связано с глаголом «братъ»]; заимствования из разных языков могут совпасть по форме и звучанию в принимающем языке («рейд» — «место стоянки кораблей» из нидерландского языка и «рейд» — «военный набег в тыл противника» из английского языка); звукоподражание, приводящее к омонимии (например, «шип» от глагола «шипеть» и «шип» как часть цветка розы).

Однако наиболее релевантным фактором образования в языке омонимов является полисемия. Тем не менее, далеко не всегда легко отграничивать омонимы, произошедшие по причине разрыва семантической связи между различными значениями какого-либо слова [русские слова «свет» (лучистая энергия) и «свет» (мир, вселенная), немецкие — «zug» (течение, тяга) и «zug» (поезд), французские — «train» (ход) и «train» (поезд) и т. п.], от омонимов, появившихся в результате всех вышеприведенных факторов, а также от полисемичных слов как таковых. Сложность заключается в том, что разрыв, расхождение значений, т.е. утрата ими общих семантических элементов, обычно осуществляется постепенно. Нередки случаи, по-разному трактуемые в разных словарях: то как полисемичное слово, то как омонимы [сравните: русское слово «журавль» представлено как

полисемичное и имеет два значения: «птица» и «шест у колодца» (ТСРЯ, 196); напротив, чешское слово *jeřáb* со значением «журавль» в толковом словаре чешского языка представлено как омонимичное по отношению к двум графически эквивалентным словам со значениями «рябина» и «подъемный кран» [http://bara.ujc.cas.cz/psjc/search.php?hledej=Hledej&heslo=je%C5%99%C3%A1b&where=hesla&zobraz_ps=ps&zobraz_cards=cards&pocet_karet=3&numcchange=no¬_initial=1].

В случае фонетических расхождений слова, образующие омонимические пары, называются омографами и репрезентируют эквивалентность формы, но расхождение в ударении («мúка» — «мукá», «трúсить» — «трусítь» и т.п.). Другим видом омонимии являются грамматические омонимы – одинаковые по написанию и звучанию слова в разных падежных, родовых и числовых формах [например, формы прилагательных «большой», «молодой» представляют собой формы именительного падежа единственного числа мужского рода («большой дом», «молодой человек»), родительного падежа единственного числа женского рода («большой дороги», «молодой поросли»), дательного падежа единственного числа женского рода («большой дороге», «молодой поросли»)] [ЛЭС, 344-345].

Омонимия существует не только в лексике, но и во фразеологии, в том числе на межъязыковом уровне. В данном случае речь идет, в частности, о русских и французских ФЕ, обладающих тождественностью лексико-грамматического состава, но не имеющих общих сем по причине различия их первоначальных денотатов. Анализ межъязыковых омонимичных ФЕ также помогает понять ценности, существующие в русском и французском лингвокультурных сообществах.

Как показывает собранный материал, группа межъязыковых омонимов не является многочисленной. Для анализа мы выбрали пять межъязыковых пар русских и французских омонимичных ФЕ, которые, на наш взгляд, наиболее ярко обнаруживают национально-культурную специфику

фразеологии в аксиологическом аспекте. К ним относятся такие, как 1) «с ножом к горлу» и «le couteau sur la gorge»; 2) «зеленое золото» и «or vert»; 3) «красное золото» и «or rouge»; 4) «под рукой» и «sous main»; 5) «столовый сервиз» и «service de table», на примере которых определим ценностные установки представителей русского и французского этносов.

ФЕ первой омонимичной пары «с ножом к горлу» (настойчиво, неотступно, навязчиво) и «(avoir) le couteau sur la gorge» (быть доведенным до крайности) [ФСРЯ, 284; НБФСРЯ, 754] при сходстве лексико-грамматического состава имеют разное значение вследствие несовпадающих первоначальных денотатов. Следует упомянуть идею А. Вежбицкой об агентивной и пациентивной национальной ориентации, в которой выводятся зависимость отношения носителя языка к окружающему универсуму и стереотип его поведения из грамматических моделей, выделяемых в языке. Так, агентивная ориентация означает деятельностный подход к жизни, т.е. «то, что делаю я». Пациентивная ориентация предполагает пассивность, безволие, отсутствие контроля над происходящим, т.е. «то, что происходит со мной». Из-за преобладающего числа употребления безличных грамматических конструкций в русском языке, таких как «мне повезет», «со мной приключилось», «мне привиделось» и т.п., А. Вежбицкая сделала вывод о фатализме, присущем русскому этносу [1996, 34].

На примере межъязыковой фразеологической пары омонимов «с ножом к горлу» и «le couteau sur la gorge» мы можем утверждать, что склонность русского народа к агентивности также проявляется через языковые средства и, вполне возможно, даже преобладает над агентивной ориентацией французского этноса. Дело в том, что, разбирая первоначальный денотат данной русской ФЕ, следует представить образ человека с ножом в руках, который неотступно стремится достичь поставленной цели, не считаясь ни с чем на своем пути, даже с рамками закона, моралью, ценностью человеческой жизни. Факт движения к намеченной цели передается с помощью предлога «к», а цель движения – это горло, достаточно уязвимая

часть человеческого тела, т.е. в образе фразеологизма заложено движение руки, держащей нож, к горлу. Претерпевающий на себе действие агенса понимает фатализм происходящего, что заставляет его подчиниться. Отсюда вытекает значение фразеологизма: настойчиво, неотступно, навязчиво.

Французский фразеологический оборот «(avoir) le couteau sur la gorge» передает совершенно обратную ситуацию. Мы видим образ человека, который претерпевает воздействие со стороны какого-либо агрессора. Пациент, т.е. жертва, с ножом, уже приставленным к своему горлу [предлог «sur» дословно переводится как «на (поверхности)», т.е. соприкосновение ножа и горла очевидно], находится в безвыходном положении, что заставляет его действовать непредсказуемо, необдуманно, лишь бы что-то предпринять для спасения своей жизни. Таким образом, значение французского фразеологизма «быть доведенным до крайности» абсолютно закономерно и соотнесено с первоначальным денотатом. На примере рассмотренной омонимической пары видно, что при совпадающем лексико-грамматическом составе ФЕ образы отличаются русской агентивностью и французской пациентивностью.

Вторая пара межъязыковых фразеологических омонимов «зеленое золото» (лес) и «or vert» (доходы от земледелия, лесного хозяйства, продажи земельных участков) [Кожина, 214; НБФСРЯ, 1586] несмотря на эквивалентность лексико-грамматического состава имеет семантические расхождения, что связано с заложенными в данные ФЕ образами. Несовпадение образов обуславливается, прежде всего, тем, что зеленого золота не существует в природе. Следует заметить также, что территориальные различия России и Франции колоссальны. Лесные массивы покрывают обе страны, но процентное соотношение территории, занимаемой лесом, к общей площади страны у России и Франции также различно. Если французские леса занимают 27% территории страны [https://ru.wikipedia.org/wiki/География_Франции/], то российские – 45% [<http://www.forest-russia.narod.ru/>]. Россия находится на первом месте в мире

по количеству покрываемой лесом площади – 809 млн га, тогда как Франция даже не входит в десятку лидеров по данной категории сравнения [<https://ru.wikipedia.org/wiki/Лес/>].

Наличие в России огромных лесных пространств не могло не послужить причиной связывания лесных угодий с образом золота зеленого цвета. Золото – драгоценный металл, наиболее ценимый и почитаемый у всех цивилизаций в любом срезе истории. С помощью золота человек мог получить любые богатства материальной жизни. Лес по аналогии с золотом для русского человека являлся и по сей день является незаменимым источником пищи, достатка, здоровья, защиты и т.д. Ценностное отношение русского человека к растительному миру, в частности, к лесу подтверждается фольклором: «Рядом с лесом жить – голодному не быть»; «Лес – богаче царя»; «Лес не только волка, но и мужика досыта накормит». Как источник пищи можно рассматривать лес при добыче ягод, грибов, дичи, меда. Лес как источник энергии и сырья интересен при добыче дров, древесины, смолы, дегтя, коры деревьев. Лесные массивы активно преобразуют атмосферные загрязнения, особенно газообразные, в экологически чистый, обогащенный, полезный для здоровья воздух. Исторически сложилось, что рядом с лесами образовывались поселения земледельцев и скотоводов. Пропитание и людей, и животных существенно облегчалось; строительство велось с использованием легкодоступных материалов (что наложило отпечаток на архитектуру восточных славян, повсеместно использовавших бревенчатые постройки); при вражеских набегах было куда скрыться, либо было легче вести оборонительные действия, используя преимущества лесной местности.

В образе французской ФЕ кроется ценностное отношение не к лесу как таковому, а к выгоде, к финансовому доходу, получаемому от продажи лесных, сельскохозяйственных ресурсов, земли. Здесь проявляется расчетливость, нацеленность на получение материальных благ, финансовых прибылей, что говорит о большей степени материальной направленности менталитета французского лингвокультурного сообщества. Русский народ

персонифицирует лес, видит его одной единой сущностью, относится к нему как к заботливому отцу, французы же ради материального достатка готовы разделить площадь лесного массива на экономически полезные участки земли.

Следующая пара межъязыковых фразеологических омонимов – «красное золото» (кровь) и «*or rouge*» (солнечная энергия) [ФРСФС, 99] – аналогично с предыдущей парой ФЕ характеризуется сходством плана выражения, но различием плана содержания в результате расхождения образной составляющей. Образ обеих ФЕ также не реалистичен в силу отсутствия золота красного цвета в природе. Данный пример тоже показывает направленность русского этноса на духовное, человеческое благополучие в противовес большей ориентации французов на материальные ценности.

Человеческая жизнь представляет собой наивысшую ценность для современного социума. Это ярко проявляется на примере русского фразеологизма «красное золото» со значением «кровь». Образ человеческой крови легко связывается с жизненно важной жидкостью красного цвета, наполняющей человеческое тело и дающей ему жизненные силы. От количества и качества крови напрямую зависит здоровье человека. Даже в мирное время от болезней крови умирают люди. Для переливания крови (действия, спасающего человеческие жизни) создаются специальные медицинские центры. Политика государства направлена на поощрение донорства, благодаря чему на территории России существуют звание почетного донора, дающего социальные привилегии, официальный выходной в день сдачи крови, материальная компенсация.

Во французском фразеологизме «*or rouge*» в значении «солнечная энергия» кроется образ, ориентированный на ценностное отношение к накоплению материальных благ, точнее, к их сбережению. Дело в том, что во Франции в настоящее время достаточно широко распространены солнечные батареи. Они устанавливаются на крышах домов как альтернативный

источник энергии. Использование солнечных батарей позволяет владельцу экономить денежные средства на более дорогостоящей электрической энергии по сравнению с солнечной. Также солнечные батареи являются экологически безопасным источником энергии. Это подтверждается даже тем фактом, что чем меньше работают электростанции, тем меньше загрязняется окружающая среда. То, что помогает сохранить накопленные ценности, само по себе является ценностью. Так проводится образная параллель. Как и для любой другой нации, золото для французов репрезентирует драгоценный металл, символизирует богатство, достаток и процветание. Красный цвет, наряду с желтым, олицетворяет образ солнца.

Четвертая пара фразеологизмов «под рукой» (в непосредственной близости, так, что удобно достать, воспользоваться) и «sous main» (скрытно, тайком) [ФСРЯФЛ, 447; DLE, 231] также отнесена к омонимическому ряду по причине того, что образные составляющие каждого из этих двух фразеологизмов не имеют коррелятивных связей. В основе русской ФЕ лежит образ измерения расстояния до какого-либо объекта путем протягивания к нему своей руки как верхней конечности. Если объект находится в области соприкосновения, в доступном радиусе, то, следовательно, до него легко дотянуться, и эта дистанция считается близкой. Первоначальный денотат французской ФЕ основан на таком жесте, как прикрывание ладонью какого-либо предмета. То, что не должно попасть в поле зрения посторонних, может быть скрыто от их глаз с помощью данного действия.

Следует также отметить, что полисемия компонентов ФЕ играет важную роль в формировании межъязыковой омонимии. На примере данной пары фразеологизмов хорошо прослеживается разница в образных составляющих вследствие такого дополнительного фактора, как многозначность лексического компонента французской ФЕ «main», переводящегося на русский язык и словом «рука», и словом «ладонь». В русском фразеологическом обороте именно вся рука образует диаметр зоны

доступности и близости предмета, тогда как во французском фразеологизме основную роль во внутренней форме играет именно ладонь, т.к. пробовать скрыть что-либо под другой частью руки нелепо и бессмысленно. Отсутствие у ФЕ «под рукой» значения «скрытно, тайком», а также отсутствие в русском языке фразеологизма «под ладонью» в этом же значении дает возможность говорить о более ценностном отношении к открытости, радушию в русском лингвокультурном сообществе, чем во французском.

Как и у предыдущей пары межъязыковых фразеологических омонимов, у пятой омонимичной пары – «столовый сервиз» (набор столовой посуды) и «service de table» (скатерть) [ФРСФС, 100; DLF, 1806] – полисемия одного из компонентов французской ФЕ послужила причиной различия образных составляющих. Дело в том, что французское слово «service» отличается широким спектром значений, выбор которых зависит от лексем, вступающих с ним в синтагматические отношения. Приведем несколько примеров из разнообразных сфер использования данного слова: 1) faire son service (исполнять воинскую обязанность); 2) prendre son service (начать работу); 3) service des abonnés (доставка на дом подписных изданий); 4) service d'un emprunt (выплата процентов держателям займа); 5) service mortuaire (отпевание) и т.д. Одно из значений полисемичного слова «service» – набор предметов, используемых для сервировки стола. Именно с такой семантикой заимствованное слово «сервиз» попало в русский язык из французского.

Тем не менее, в определенных устойчивых оборотах лексическая единица «service» меняет свое значение: 1) service à café (досл. «кофейный сервиз») в значении «чашки, сахарница и кофейник»; 2) service à thé (досл. «чайный сервиз») в значении чашки, сахарница и заварочный чайник»; 3) service à liqueurs (досл. «ликерный сервиз») в значении «стаканы и графины»; 4) service de table (досл. «столовый сервиз») в значении «скатерть». Следовательно, в зависимости от следующих за компонентом «service» слов носитель французского языка представляет различные образы, лежащие в основе фразеологических оборотов. В свою очередь, благодаря тому, что

французская лексема «service» заимствована русским языком только в одном из ее значений («набор, комплект»), в сознании носителя русской культуры возникает в данном случае единственный образ. При совпадающем лексико-грамматическом составе данной омонимической пары ФЕ француз представляет ткань, которой покрывается поверхность стола, а русский – набор столовой посуды. Заимствование носителями русского языка полисемичной французской лексемы «service» именно в значении «сервиз, полный набор посуды», позволяет говорить о ценностном отношении к быту, домашнему уюту в русском лингвокультурном сообществе.

Следует осознавать, что межъязыковые омонимы являются ложными друзьями переводчика, т.к. кажущаяся эквивалентность лексико-грамматического состава заставляет сделать вывод о тождественных образных составляющих, что приводит к неверному истолкованию значения ФЕ и вследствие этого ошибочному переводу через эквивалентное словосочетание на другом языке.

Итак, исследование межъязыковых фразеологических омонимов, несмотря на сходство их лексико-грамматического состава, позволяет дополнить и откорректировать парадигму ценностей русского и французского лингвокультурных сообществ. В результате анализа связи образной составляющей и значения подобных ФЕ можно сделать вывод о том, что практическое, утилитарное отношение к окружающей среде, позволяющее извлечь из нее какую-либо пользу, материальную выгоду, является большей ценностью для представителей французского лингвокультурного сообщества.

2.5. Фразеологические единицы, выражающие когнитивные различия: национально-культурная система ценностей

Когнитивные различия в русской и французской фразеологии являются одним из наиболее важных аспектов в исследовании национально-культурного опыта обоих лингвокультурных сообществ, в частности,

сложившейся парадигмы их ценностей. ФЕ, выражающие когнитивные различия, являются единицами с одинаковым лексико-грамматическим составом, с эквивалентной, в отличие от омонимов, образной составляющей, но разной семантикой вследствие того, что их первоначальный денотат неодинаково переосмысливается представителями русской и французской культуры, что подтверждает различия в перцепции окружающей действительности, психологическом состоянии, культурно-историческом наследии, образе мышления, отношении к универсуму и т.д. Следует также отметить, что данная категория фразеологизмов является наименее многочисленной, что говорит о ценности их выявления в составе русской и французской фразеологии. Нами были выявлены всего четыре пары русских и французских ФЕ, содержащих когнитивные различия: 1) «пожать плечами» и «hausser les épaules»; 2) «плохая голова» и «avoir mauvaise tête»; 3) «пересчитать ребра» и «compter les côtes»; 4) «делать большие глаза» и «faire les gros yeux».

Первая пара ФЕ «пожать плечами» (выразить недоумение, удивление) и «hausser les épaules» (выразить безразличие, недовольство или презрение) [ТСРЯ, 547; DLE, 216] обладает идентичными образными составляющими, основанными на универсальной природе такого жеста, как приподнимание человеком плеч. Однако различие семантики данных ФЕ основано на неэквивалентности переосмысления подобного жеста, что характеризуется оригинальностью менталитета и восприятия окружающей действительности. Сема «пожать» в русском фразеологизме передает значение «сжать», «сдвинуть», которое связывается, очевидно, с движением плеч вверх, что является причиной их сближения, сокращения расстояния между ними. Желание показаться меньше, стать незаметнее возникает при неприятном чувстве непонимания чего-либо, когда, например, претерпеваемая жизненная ситуация выходит за рамки обыденного, что подтверждается семантикой русского фразеологизма.

Французская ФЕ «hausser les épaules», дословно переводящаяся как «поднимать плечи», показывает, что французы, совершая данный жест, стремятся выглядеть выше, угрожающе, невербально передавая свое превосходство над человеком, который совершил поступок, недостойный одобрения или внимания. Когнитивные различия в переосмыслении универсального жеста имеют место в связи с национальной спецификой французского и русского этносов. Подобное переосмысление данного жеста в сознании француза, породившее значение, отличное от значения русской ФЕ, может свидетельствовать о том, что во французском лингвокультурном сообществе открытость и радушие по отношению к окружающим представляет собой меньшую ценность, чем в русском, уступая место безразличию, равнодушию. Вероятно, французы в большей степени, чем русские, склонны к эгоцентризму, формированию вокруг своей личности неприступного пространства, возвышению себя над другими, что образно и семантически передается в вышеприведенном фразеологизме.

Вторая пара фразеологизмов – «плохая голова» (необразованный, неэрудированный человек) и «avoir mauvaise tête» (досл. «иметь плохую голову») (быть непокорным, недисциплинированным, не подчиняться) [НБФСРЯ, 1493] – имеет эквивалентные планы выражения и образные составляющие, но в силу специфики национального мышления первоначальный денотат был переосмыслен по-разному, что послужило причиной расхождения семантики двух ФЕ. Анализируя данную фразеологическую пару, можно выделить национально значимые особенности русского и французского этносов на примере их оценочного отношения к человеку через призму его головы. Значение русской ФЕ свидетельствует о том, что для представителя русского лингвокультурного сообщества голова ассоциируется, прежде всего, с интеллектом, образованностью, эрудицией, способностью мыслить и т.д., что, бесспорно, указывает на ценностное отношение к данным внутренним качествам

индивида. Голова представляет собойместилище знаний, и, в случае если ситуация противоположна, это не является нормой, что, разумеется, плохо.

В соответствии с менталитетом носителя французской культуры плохая голова ассоциируется не с недостатком эрудиции и интеллекта индивида, а с недостатком его покорности, дисциплинированности, что указывает на коррелятивные связи таких понятий, как хороший – послушный, плохой – неподчиняющийся. Следует сделать вывод о представлении французского этноса о межличностных, в частности, семейных, рабочих, деловых, отношениях, когда покорность, подчинение, послушание являются признаком хорошего тона и считаются достойным поведением. В свою очередь, обратная ситуация, т.е. непокорность и непослушание, говорит о невоспитанности и, возможно даже, демонстрируемом неуважении. Анализ когнитивных различий, выраженных данной парой ФЕ, позволяют говорить о более ценностном отношении французов к покорности, дисциплинированности, чем к образованности, эрудированности.

Следующая пара фразеологических оборотов – «пересчитать ребра» (избить кого-либо) и «compter les côtes» (говорится об очень худом человеке) – отражает различия в восприятии окружающего мира у двух этносов. При совпадении первоначального денотата, при представлении одного и того же процесса подсчета количества ребер у человека представителями двух наций преследуются разные цели. Так, для русского человека, неотъемлемой частью исторического прошлого которого являются силовые конфронтации различных масштабов, рукопашная схватка и победа в них стали элементом национального самосознания, негибкости русского духа, что ярко проявляется во фразеологическом фонде русского языка и в данном примере.

Отличие семантики французской ФЕ от русской объясняется не только разницей в культурно-историческом наследии двух наций, но и этимологически. Фразеологизм «compter les côtes» является экспрессивным вариантом ССС «on lui voit les côtes» (у него видны ребра), который, в свою очередь, восходит к архаичному варианту измерения роста человека с

помощью пересчета ребер. Впоследствии с развитием науки и медицины такой способ стал неактуальным, что привело к переоценке существующих стереотипов и наложению новых ценностей на привычные понятия. В итоге представители французского этноса, всегда отличавшиеся пристрастием к еде, славящиеся своим гурманством и изысканностью блюд, могли провести параллель между возможностью сосчитать ребра у человека и его худобой, т.е. социальным положением, уровнем достатка, количеством потребляемой пищи.

Четвертая пара фразеологизмов – «делать большие глаза» (выражать крайнее удивление, недоумение) и «faire les gros yeux» (делать выговор кому-либо, выражать ему своё неодобрение) [ФСРЯ, 130; DEL, 647] – демонстрирует разницу в интерпретации одного и того же мимического жеста, совершаемого вследствие происходящих в окружающем универсуме событий, которые тем или иным образом влияют на перцепиента, заставляя его реагировать. Национально-культурная специфика семантики данных ФЕ обусловлена разницей в характере ситуаций, вызывающих округление и увеличение размера глаз у русских и у французов, а также эмоциональным фоном индивида, вызванным происходящими вокруг него событиями окружающей действительности.

Так, носитель русской культуры совершает характерный мимический жест, вероятно, с целью лучше разглядеть то, что ему представляется необычным, удивительным, интересным. В подобной ситуации он выражает удивление, непонимание, недоумение, что обуславливает расширение его глаз.

В свою очередь, округление глаз стало ассоциироваться с выражением неодобрения у французов под влиянием представления детей о том, что взрослые, в частности, родители, общаясь с ними, «увеличивают» силу голоса (говорят громче, чем обычно), а следовательно, и размер глаз, чтобы высказать своё недовольство их поведением [Кравцов 2008, 82]. Анализ когнитивных различий, объективирующихся благодаря различию

переосмысления одного и того же мимического жеста и несовпадению семантики ФЕ «делать большие глаза» и «faire les gros yeux», позволяет говорить о том, что человеческая непосредственность (в данном случае в виде выражения удивления), открытость представляют в русском лингвокультурном сообществе большую ценность, чем недовольство по отношению к окружающим.

Итак, русские и французские ФЕ, выражающие когнитивные различия, характеризуются общностью образных составляющих, лексико-грамматического состава, несовпадением значений. Несходство их семантики обуславливается национально-культурными особенностями техники вторичной номинации, когнитивного восприятия окружающей действительности, которые свойственны представителям различных этносов. Результаты анализа подобных фразеологизмов способствуют расширению и уточнению парадигмы национальных ценностей лингвокультурного сообщества. Они подтверждают вывод о более ценностном отношении представителей русской культуры к открытости, радушию, человеческой непосредственности, которые могут подменяться безразличием и равнодушием, чувством недовольства носителей французской культуры, а также свидетельствуют о более ценностном отношении первых к эрудированности, образованности и вторых – к покорности, дисциплинированности.

Выводы по главе II

В результате анализа фразеологизмов как средства репрезентации ценностей лингвокультурного сообщества можно сделать следующие выводы:

Фразеологизмы служат средством репрезентации ценностей лингвокультурного сообщества благодаря возможности анализа их семантики, лексико-грамматического состава, образной составляющей, а

также исследования межъязыковых омонимов и единиц, выражающих когнитивные различия.

Результаты семантического анализа русской и французской фразеологии позволяют сделать вывод о том, что значение многих единиц репрезентирует общекультурные (универсальные) ценности, такие как национальное историческое прошлое, культурные или природные географические объекты, расположенные на территории этнического сообщества, гостеприимство, щедрость, радушие, открытость, финансово-экономическая, социально-политическая составляющие жизни, гастрономические пристрастия, различные виды развлечений, натурализм, а также отдельные универсальные антиценности, связанные с тем, что в социуме является противоправным, незаконным. Одни общекультурные ценности (гостеприимство, щедрость, радушие, открытость) в большей степени объективируются в семантике русских ФЕ, другие (финансово-экономическая, социально-политическая составляющие жизни, гастрономические пристрастия, различные виды развлечений, натурализм) – в семантике французских ФЕ.

Существуют ценности, представленные через призму семантики единиц только в одном национальном фразеологическом фонде. В русской фразеологии это такие национально-культурные ценности, как целомудрие, женская невинность, прочность семейных отношений, во французской – ценностное отношение к таким поведенческим реалиям, как чрезмерная свобода половых отношений, легкость измены своему партнеру. Семантический анализ ФЕ свидетельствует о национальных особенностях нравственного подхода к определённым жизненным ценностям в лингвокультурном сообществе.

В лексическом составе ФЕ выявляются, прежде всего, безэквивалентные компоненты (антропонимы, термины, топонимы, обценнизмы), значение которых связывается с той или иной ценностью лингвокультурного сообщества. Результаты исследования подобных единиц

свидетельствуют о том, что в русской и французской фразеологии объективируются такие универсальные ценности лингвокультурного сообщества, как его историческое прошлое, знание Библии, ее персонажей, традиционные национальные имена людей, растительный мир, животный мир, любовь к своей родине.

Тем не менее, в русской фразеологии многочисленнее лакунарные компоненты, этимологически восходящие к фольклору и сельскому хозяйству, что позволяет говорить о более ценностном отношении к данным понятийным сферам в русском лингвокультурном сообществе. Во французской фразеологии шире представлены лакунарные единицы, связывающиеся с финансово-экономической деятельностью, гастрономией, развлечениями, физиологией человека, вольным отношением к речевому этикету. В одних случаях это обусловлено более длительным периодом развития определенной сферы деятельности во французском лингвокультурном сообществе, в других – национальными особенностями нравственных норм поведения в нем. В одних случаях это обусловлено более длительным периодом развития определенной сферы деятельности во французском лингвокультурном сообществе, в других – национальными особенностями нравственных норм поведения в нем.

Наличие во французской фразеологии пяти грамматических моделей, отсутствующих в русской, отражает национально-культурную специфику первой из них, обусловленную аналитическим характером французского языка. Однако в некоторых случаях лингвистическая особенность, например, употребление перед существительным вместо артикля притяжательного местоименного прилагательного может связываться с объективацией более ценностного отношения французского лингвокультурного сообщества по сравнению с русским к понятию принадлежности и собственности.

Ценностная парадигма лингвокультурного сообщества актуализируется в корпусе национальной фразеологии в процессе исследования образной составляющей формирующих ее единиц. В результате анализа

фразеологических образов подтверждается ценностное отношение русского и французского лингвокультурных сообществ к их историческому прошлому, к их духовной связи с Богом, а также к животному миру. Кроме того, образы русских и французских ФЕ восходят к национальным традициям, обычаям, что свидетельствует об их месте в парадигме ценностей обоих этносов. Однако только среди русских фразеологизмов обнаружены те из них, образная составляющая которых связывается с такой ценностью, как национальный фольклор.

Исследование межъязыковых фразеологических омонимов, несмотря на сходство их лексико-грамматического состава, позволяет дополнить и откорректировать парадигму ценностей русского и французского лингвокультурных сообществ. В результате анализа связи образной составляющей и значения подобных ФЕ можно сделать вывод о том, что практическое, утилитарное отношение к окружающей среде, позволяющее извлечь из нее какую-либо пользу, материальную выгоду, является большей ценностью для представителей французского этноса.

Русские и французские ФЕ, выражающие когнитивные различия, характеризуются общностью образных составляющих, лексико-грамматического состава, несовпадением значений. Несходство их семантики обуславливается национально-культурными особенностями техники вторичной номинации, когнитивного восприятия окружающей действительности, которые свойственны представителям различных этносов. Результаты анализа подобных фразеологизмов способствуют расширению и уточнению парадигмы национальных ценностей лингвокультурного сообщества. Они подтверждают вывод о более ценностном отношении представителей русской культуры к открытости, радушию, человеческой непосредственности, которые могут подменяться безразличием и равнодушием, чувством недовольства носителей французской культуры, а также свидетельствуют о более ценностном отношении первых к

эрудированности, образованности, вторых – к покорности, дисциплинированности.

В целом в процессе анализа семантики, лексико-грамматического состава, образной составляющей русских и французских ФЕ, а также анализа межъязыковых фразеологических омонимов и ФЕ, выражающих когнитивные различия, установлена парадигма ценностей лингвокультурных сообществ. Она включает в себя как общекультурные (универсальные), так и национально-культурные (уникальные) ценности.

К общекультурным ценностям, выявленным в русской и французской фразеологии и составляющим абсолютное большинство в системе ценностей обоих сообществ, относятся историческое прошлое, культурные или природные географические объекты, расположенные на территории этнического сообщества, любовь к своей родине, знание Библии, ее персонажей, традиционные национальные имена людей, растительный мир, животный мир, национальные традиции, обычаи, гостеприимство, щедрость, радушие, открытость, финансово-экономическая и социально-политическая составляющие жизни, гастрономические пристрастия, различные виды развлечений, натурализм, понятие собственности, материальная выгода, дисциплинированность, эрудированность, образованность, покорность, национальный фольклор, сельское хозяйство, физиология человека, вольное отношение к речевому этикету. Следует также отметить наличие выявленных во фразеологии обоих лингвокультурных сообществ отдельных универсальных антиценностей, связанных с тем, что в социуме является противоправным, незаконным.

Существуют также общекультурные ценности, репрезентированные в большей степени во фразеологии одного национального языка, чем другого. Так, в русском фразеологическом фонде значительно шире представлены такие ценности, как гостеприимство, щедрость, радушие, открытость, человеческая непосредственность, эрудированность, образованность, национальный фольклор, сельское хозяйство, а во французском –

материальная выгода, безразличие, равнодушие, вольное обращение с речевым этикетом, покорность, дисциплинированность, а также ценностное отношение к финансово-экономической и социально-политической составляющим жизни, гастрономическим пристрастиям, различным видам развлечений, натурализму, к понятию собственности.

Некоторые ценности объективируются во фразеологическом фонде одного лингвокультурного сообщества. Только в русской фразеологии репрезентируются такие ценности, как целомудрие, женская невинность, прочность семейных отношений. Лишь во французской фразеологии реализуется ценностное отношение к таким поведенческим реалиям, как чрезмерная свобода половых отношений, легкость измены своему партнеру.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты произведенного анализа свидетельствуют о том, что фразеология, включающая в себя при синкретическом подходе к её пониманию сращения, единства и фразеологические сочетания, обладает идиоэтнической окраской. Специфика фразеологии обуславливается, прежде всего, тем, что большинство формирующих ее единиц образовано не на универсальной, а на национальной основе.

Национально-культурный колорит фразеологического фонда реализуется, в частности, в аксиологическом аспекте, ибо в нем широко репрезентируется парадигма ценностей определенного лингвокультурного сообщества. Национальные ценности могут быть выявлены посредством исследования семантики, лексико-грамматического состава, внутреннего образа ФЕ, а также путем анализа межъязыковых фразеологических омонимов и фразеологизмов, выражающих когнитивные различия и принадлежащих к разным языкам.

Благодаря исследованию семантики русских и французских ФЕ можно сделать вывод о том, что значение многих единиц объективирует общекультурные ценности, такие как национальное историческое прошлое, культурные или природные географические объекты, расположенные на территории этнического сообщества, гостеприимство, щедрость, радушие, открытость, финансово-экономическая, социально-политическая составляющие жизни, гастрономические пристрастия, различные виды развлечений, натурализм, а также отдельные универсальные антиценности, связанные с тем, что в социуме является противоправным, незаконным. Одни общекультурные ценности (гостеприимство, щедрость, радушие, открытость) в большей степени объективируются в семантике русских ФЕ, другие (финансово-экономическая, социально-политическая составляющие жизни, гастрономические пристрастия, различные виды развлечений, натурализм) – в семантике французских ФЕ.

Существуют ценности, представленные через призму семантики единиц только во фразеологии одного национального языка. В русской фразеологии это такие национально-культурные ценности, как целомудрие, женская невинность, прочность семейных отношений, во французской – ценностное отношение к таким поведенческим реалиям, как чрезмерная свобода половых отношений, легкость измены своему партнеру. Анализ семантической структуры ФЕ свидетельствует о национальных особенностях нравственного подхода к определённым жизненным ценностям в лингвокультурном сообществе.

В процессе анализа лексического состава ФЕ выявляются, прежде всего, безэквивалентные компоненты (антропонимы, термины, топонимы, обшенизмы), значение которых связывается с той или иной ценностью лингвокультурного сообщества. В результате анализа подобных единиц необходимо сделать вывод о том, что в русской и французской фразеологии объективируются такие универсальные ценности лингвокультурного сообщества, как его историческое прошлое, знание Библии, ее персонажей, традиционные национальные имена людей, растительный мир, животный мир, любовь к своей родине.

В русской фразеологии многочисленнее лакунарные компоненты, этимологически восходящие к фольклору и сельскому хозяйству, что позволяет говорить о более ценностном отношении к данным понятийным сферам в русском лингвокультурном сообществе. В отличие от русской во французской фразеологии шире представлены лакунарные единицы, связывающиеся с финансово-экономической деятельностью, гастрономией, развлечениями, физиологией человека, вольным отношением к речевому этикету. Данный факт может обуславливаться либо более длительным периодом развития определенной сферы деятельности во французском лингвокультурном сообществе, либо национальными особенностями нравственных норм поведения в нем.

Существование во французской фразеологии пяти грамматических моделей, не имеющих в русской, отражает национально-культурную специфику первой из них, обусловленную аналитическим характером французского языка. Тем не менее, в отдельных случаях лингвистическая особенность, например, употребление перед существительным вместо артикля притяжательного местоименного прилагательного может связываться с объективацией более ценностного отношения французского лингвокультурного сообщества по сравнению с русским к понятию собственности.

Система ценностей лингвокультурного сообщества в значительной степени актуализируется в корпусе национальной фразеологии в процессе исследования образной составляющей (внутреннего образа) формирующих ее единиц. Благодаря анализу фразеологических образов подтверждается ценностное отношение русского и французского лингвокультурных сообществ к их историческому прошлому, к их духовной связи с Богом, а также к животному миру. Помимо этого, образы русских и французских ФЕ восходят к национальным традициям, обычаям, что свидетельствует об их месте в парадигме ценностей обоих этносов. Тем не менее, лишь среди русских фразеологизмов обнаружены те из них, образная составляющая которых связывается с такой ценностью, как национальный фольклор.

Изучение межъязыковых фразеологических омонимов, характеризующихся общностью лексико-грамматического состава и различием внутреннего образа и значения, позволяет дополнить и откорректировать парадигму ценностей русского и французского лингвокультурных сообществ. В результате исследования связи образной составляющей и семантики подобных ФЕ можно сделать вывод о том, что практическое, утилитарное отношение к окружающей среде, позволяющее извлечь из нее какую-либо пользу, материальную выгоду, является большей ценностью для представителей французского лингвокультурного сообщества.

ФЕ, выражающие когнитивные различия в русской и французской фразеологии, характеризуются общностью образных составляющих, лексико-грамматического состава, несовпадением значений. Различие их семантической структуры обуславливается национально-культурными особенностями техники вторичной номинации, когнитивного восприятия окружающей действительности, которые свойственны представителям различных этносов. Данные анализа подобных фразеологизмов позволяют расширить и уточнить парадигму национальных ценностей лингвокультурного сообщества. Подтверждается вывод о более ценностном отношении представителей русской культуры к открытости, радушию, человеческой непосредственности, которые могут подменяться безразличием и равнодушием, чувством недовольства носителей французской культуры, а также свидетельствуют о более ценностном отношении первых к эрудированности, образованности, вторых – к покорности, дисциплинированности.

Результаты исследования семантики, лексико-грамматического состава, образной составляющей русских и французских ФЕ, а также исследования межъязыковых фразеологических омонимов и ФЕ, выражающих когнитивные различия, позволили установить парадигму ценностей лингвокультурных сообществ. Ее формируют не только общекультурные, но и национально-культурные ценности. Универсальные ценности, выявленные в русской и французской фразеологии, включают в себя историческое прошлое, культурные или природные географические объекты, расположенные на территории этнического сообщества, любовь к своей родине, знание Библии, ее персонажей, традиционные национальные имена людей, растительный мир, животный мир, национальные традиции, обычаи, гостеприимство, щедрость, радушие, открытость, финансово-экономическую и социально-политическую составляющие жизни, гастрономические пристрастия, различные виды развлечений, натурализм, понятие собственности, материальную выгоду, дисциплинированность,

эрудированность, образованность, покорность, национальный фольклор, сельское хозяйство, физиологию человека, вольное отношение к речевому этикету. Необходимо также отметить наличие выявленных во фразеологии обоих лингвокультурных сообществ отдельных универсальных антиценностей, связанных с тем, что в социуме является противоправным, незаконным.

Некоторые универсальные ценности репрезентированы в большей степени во фразеологическом фонде одного лингвокультурного сообщества, чем другого. В русской фразеологии значительно шире представлены такие ценности, как гостеприимство, щедрость, радушие, открытость, человеческая непосредственность, эрудированность, образованность, национальный фольклор, сельское хозяйство, а во французской – материальная выгода, безразличие, равнодушие, вольное обращение с речевым этикетом, покорность, дисциплинированность, а также ценностное отношение к финансово-экономической и социально-политической сферам жизни, гастрономическим пристрастиям, различным видам развлечений, натурализму, к понятию собственности.

Существуют уникальные ценности, объективирующиеся во фразеологическом фонде одного этноса. Лишь в русской фразеологии репрезентируются такие ценности, как целомудрие, женская невинность, прочность семейных отношений. Только во французской фразеологии реализуется ценностное отношение к таким поведенческим реалиям, как чрезмерная свобода половых отношений, легкость измены своему партнеру.

Результаты исследования, а также выводы, представленные в работе, определяют перспективы дальнейшего изучения данной проблемы, предполагающие возможность выявления системы ценностей других лингвокультурных сообществ в зеркале их фразеологии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алефиренко, Н.Ф. Фразеология в системе современного русского языка [Текст] / Н.Ф. Алефиренко. – Волгоград: Перемена, 1993. – 150 с.
2. Алефиренко, Н.Ф. Спорные проблемы семантики [Текст] / Н.Ф. Алефиренко. – Волгоград: Перемена, 1999. – 272 с.
3. Апресян, Ю.Д. Интегральное описание языка и системная лексикография [Текст] / Ю.Д. Апресян // Языки русской культуры. Избранные труды. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – Т.2. – 767 с.
4. Аристотель Метафизика [Текст] / Аристотель. // Государственное социально-экономическое издательство. – М.-Л., 1934. – 347 с.
5. Арсентьева, Е.Ф. Сопоставительный анализ ФЕ, стилистически ориентированных на человека, в русском и английском языках и вопросы создания русско-английского фразеологического словаря [Текст] / Е.Ф. Арсентьева. – Казань: КГУ, 1989. – 126 с.
6. Арсентьева, Е.Ф. Сопоставительный анализ ФЕ, стилистически ориентированных на человека, в русском и английском языках и вопросы создания русско-английского фразеологического словаря [Текст]: дис. ... докт. филол. наук / Е.Ф. Арсентьева. – Казань, 1993. – 460 с.
7. Арутюнова, Н.Д. От образа к знаку [Текст] / Н.Д. Арутюнова // Мышление. Когнитивные науки. Искусственный интеллект. – М.: Центральный совет философских (методологических) семинаров при Президиуме АН СССР, 1988. – С. 147-162
8. Арутюнова, Н.Д. Метафора и дискурс [Текст] / Н.Д. Арутюнова // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – 512 с.
9. Арутюнова, Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт [Текст] / Н.Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1988. – 341 с.
10. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека [Текст] / Н.Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.

11. Афанасьев, А.Н. Народные русские сказки А.Н. Афанасьева в трех томах [Текст] / А.Н. Афанасьев. – М.: Наука, 1984.
12. Бабкин, А.М. Русская фразеология, её развитие и источники [Текст] / А.М. Бабкин. – Л.: Наука, 1970. – 263 с.
13. Бабкин, А.М. Идиоматика (фразеология) в языке и словаре [Текст] / А.М. Бабкин // Современная русская лексикография. – Л.: Наука, 1979. – С. 4-19.
14. Байрамова, Л.К. Аксиологизм человеческих эмоций (смех – плач) и его отражение в языке [Текст] / Л.К.Байрамова, Г.А.Багаутдинова // Филологические науки. – 2006. – № 1. – С. 81–89.
15. Балли, Ш. Французская стилистика [Текст] / Ш. Балли. М., 1961. Пер. с фр. К. А. Долинина; под ред. Е. Г. Эткинда. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1961. – 394 с.
16. Барабаш, Т.А. Перевод образной фразеологии (на материале перевода с английского языка на русский) [Текст] / Т.А. Барабаш // Труды военного института иностранных языков. Вопросы перевода. – М., 1955. – № 8. – С. 37-45.
17. Баранов, А.Н. Аксиологические стратегии в структуре языка (паремиология и лексика) [Текст] / А.Н. Баранов // Вопросы языкознания. – 1989. – № 3. – С. 21-32.
18. Баранов, А.Н. Грамматическая фразеология: возможности компьютерного анализа [Текст] / А.Н. Баранов // Фразеография в Машинном фонде русского языка Сборник научных трудов / отв. Ред. В.Н. Телия. – М., 1990. – С. 118-134.
19. Баранов, А.Н., Добровольский, Д.О. Идиоматичность и идиомы [Текст] / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский // Вопросы языкознания. – 1996. – № 5. – С. 51-64.
20. Баранов, А.Н., Добровольский, Д.О. Знаковые функции вещных сущностей [Текст] / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский // Язык система. Язык

– текст. Язык – способность. К 60-летию члена-корреспондента РАН Юрия Николаевича Караулова. – М., 1995. – С. 80-90.

21. Баранов, А.Н., Добровольский, Д.О. Постулаты когнитивной семантики [Текст] / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский // Известия АН. Серия литературы и языка. – 1997. – Т.56. – № 1. – С. 11-21.

22. Баранова, Л.Ф. Структурно-семантические соотношения английской и русской фразеологии (на материале произведений Дж. Олдриджа и их переводов на русский язык) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л.Ф. Баранова. – Рязань, 1970. – 21 с.

23. Березович, Е.Л. Проект «Славянского аксиологического словаря» [Электронный ресурс]. / Е.Л. Березович // Режим доступа: <http://www.karjja.narod.ru/Axiology/index.htm>

24. Буянова, Л.Ю., Коваленко, Е.Г. Русский фразеологизм как ментально-когнитивное средство языковой концептуализации сферы моральных качеств личности [Текст] / Л.Ю. Буянова, Е.Г. Коваленко. – М.: Флинта, 2012. – 179 с.

25. Буянова, Л.Ю., Нечай, Ю.П. Эмотивность и эмоциогенность языка: механизмы экспликации и концептуализации [Текст] / Эмотивность и эмоциогенность языка: механизмы экспликации и концептуализации / Л. Ю. Буянова, Ю. П. Нечай. – Краснодар: КубГУ, 2006. – 277 с.

26. Василенко, А.П. Аспекты семантики фразеологизмов [Текст]: дис. ... докт. филол. наук / А.П. Василенко. – Орел, 2011. – 365 с.

27. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание [Текст] / А. Вежбицкая. – М.: Русские словари, 1996. – 412 с.

28. Веренич, Т. М. Черты национального характера во фразеологической картине мира (на материале французского и русского языков) [Текст] / Т. М. Веренич // Филология и лингвистика в современном обществе: материалы междунар. науч. конф. (г. Москва, май 2012 г.). – М.: Ваш полиграфический партнер, 2012. – С. 51-53.

29. Верещагин, Е.М., Костомаров, В.Г. Национально-культурная семантика русских фразеологизмов [Текст] / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров // Словари и лингвострановедение. – М.: Русский язык, 1982. – С. 89-98.
30. Виноградов, В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке [Текст] / В.В. Виноградов // Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М.: Наука, 1977. – С. 140-161.
31. Виноградов, В.В. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины [Текст] / В.В. Виноградов // Избранные труды. Лексикология и лексикография. АН СССР, Отделение литературы и языков. – М.: Наука, 1977. – 310 с.
32. Виноградов, В.В. О формах слова [Текст] / В.В. Виноградов // Избранные труды. Исследование по русской грамматике. – М.: Наука, 1975. – С. 33-50.
33. Влахов, С.И., Флорин, С.П. Непереводимое в переводе [Текст] / С.И. Влахов, С.П. Флорин. – М.: Высшая школа, 1986. – 416 с.
34. Волошкина, И.А. Роль когнитивного потенциала ономастикона в категоризации фразеологической картины мира [Текст] / И.А. Волошкина // Когнитивные исследования языка. Изд.: Общероссийская общественная организация «Российская ассоциация лингвистов-когнитологов». – Тамбов, 2013. – № 13. – С. 852-863.
35. Волошкина, И.А. Топологическое моделирование фразеологической семантики [Текст] / И.А. Волошкина // Когнитивные исследования языка. Изд.: Общероссийская общественная организация «Российская ассоциация лингвистов-когнитологов». – Тамбов, 2013. – № 14. – С. 166-173.
36. Выготский, Л.С. Мышление и речь. Изд. 5, испр. [Текст] / Л.С. Выготский. – М.: Лабиринт, 1999. – 352 с.
37. Гаврин, С.Г. Фразеология современного русского языка в аспекте теории отражения [Текст] / С.Г. Гаврин // Фразеология современного русского языка (В аспекте теории отражения) – Пермь: Изд-во Пермского ГПИ, 1974. – 269 с.

38. Гаврин, С.Г. Проблемы функционирования и развития фразеологического фонда русского языка в связи с общими вопросами теории фразеологии [Текст] / С.Г. Гаврин // Автореф. дис. ... докт. филол. наук. – Л., 1975. – 45 с.
39. Гак, В.Г. Беседы о французском слове (из сравнительной лексикологии французского и русского языков) [Текст] / В.Г. Гак. – М.: Международные отношения, 1966. – 336 с.
40. Гак, В.Г. Русский язык в сопоставлении с французским [Текст] / В.Г. Гак. – М.: Русский язык, 1988. – 259 с.
41. Гак, В.Г. Сопоставительная лексикология (на материале французского и русского языков) [Текст] / В.Г. Гак. – М.: Международные отношения, 1977. – 264 с.
42. Гак, В.Г. Сопоставительная прагматика [Текст] / В.Г. Гак // Филологические науки. – 1992. – № 3. – С.78-89.
43. Гак, В.Г. Сравнительная типология французского и русского языков [Текст] / В.Г. Гак. – М.: Просвещение, 1983. – 288 с.
44. Гак, В.Г. Фразеология, образность и культура [Текст] / В.Г. Гак // Советская лексикография. Сборник статей. – М.: Русский язык, 1988. – С. 159-169.
45. Гак, В.Г. Фразеорефлексы в этнокультурном аспекте [Текст] / В.Г. Гак // Филологические науки. – 1995. – № 4. – С. 47-55.
46. Гвоздарёв, Ю.А. О семантической классификации фразеологических единиц русского языка [Текст] / Ю.А. Гвоздарёв // Вопросы семантики фразеологических единиц: Сборник статей. – Новгород, 1971. – С. 12-19.
47. Гвоздарёв, Ю.А. Фразеологические сочетания современного русского языка [Текст] / Ю.А. Гвоздарёв. – Ростов н/Д: Изд-во Ростовского университета, 1973. – 103 с.
48. Гвоздарёв, Ю.А. Основы русского фразеобразования [Текст] / Ю.А. Гвоздарёв. – Ростов н/Д: Изд-во Ростовского университета, 1977. – 184 с.

49. Гвоздарёв, Ю.А. Сопоставительное описание фразеологии разных языков [Текст] / Ю.А. Гвоздарёв // Образование и функционирование фразеологических единиц. – Ростов н/Д: Изд-во Ростовского университета, 1981. – С.116-121.
50. Гвоздарёв, Ю.А. Пусть связь речений далека ... Очерки по русской фразеологии [Текст] / Ю.А. Гвоздарёв. – Ростов н/Д: Изд-во Ростовского университета, 1982. – 206 с.
51. Горский, Д.П. Мышление и язык [Текст] / Д.П. Горский // Государственное издательство политической литературы. – М., 1957. – 406 с.
52. Грамота.ру. Дать дуба [Электронный ресурс]. / Режим доступа: <http://www.gramota.ru/spravka/phrases/?alpha=%C4>
53. Гусева, А.Е. Отражение фразеологической картины мира в молодёжном жаргоне (на материале немецкого и русского языков) [Электронный ресурс] / А.Е. Гусева // [http:// www.evestnik-mgou.ru](http://www.evestnik-mgou.ru)
54. Гусева А.Е., Кузнецова Ю.Г. Статус фразеологической картины мира в общей языковой картине мира [Текст] / А.Е. Гусева, Ю.Г. Кузнецова // Наука, образование, общество: проблемы и перспективы развития: сб. научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 29 марта 2013 г. – Тамбов: Изд-во ТРОО «Бизнес-Наука-Общество», 2013. – Ч. 1. – С. 39-43.
55. Гусева, А.Е. Типология фразеологических синонимов по структурному признаку [Текст] / А.Е. Гусева // Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика. – М., 2012. – № 2. – С. 60-67.
56. Диброва, Е.И. Вариантность фразеологических единиц в современном русском языке [Текст] / Е.И. Диброва. – Ростов н/Д: Изд-во Ростовского университета, 1979. – 192 с.
57. Диброва, Е.И. Синкретизм фразеологического знака (разграничение фразеологической синонимии и вариантности) [Текст] / Е.И. Диброва // Фразеологическая номинация: Особенности семантики фразеологизмов. – Ростов н/Д, 1989. – С. 19-27.

58. Дубов, И.Г. Феномен менталитета: психологический анализ [Электронный ресурс] / И.Г. Дубов // Вопросы психологии, НИИТ МГАФК – 1993. – Режим доступа: <http://www.voppsy.ru/issues/1993/935/935020.htm>
59. Жуков, В.П. Русская фразеология [Текст] / В.П. Жуков. – М.: Высшая школа, 1986. – 312 с.
60. Жуков, В.П., Жуков, А.В., Русская фразеология: учебное пособие [Текст] / В.П. Жуков, А.В. Жуков. – М.: Высшая школа, 2006. – 408 с.
61. Зимин, В.И. Некоторые особенности перевода русских многозначных фразеологизмов на французский язык [Текст] / В.И. Зимин // Вопросы теории и техники перевода. – М., 1970. – С. 38-49.
62. Зимин, В.И. К вопросу о вариантности фразеологических единиц [Текст] / В.И. Зимин // Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц. Материалы межвузовского симпозиума (1968). – Тула: Мин-во просвещения РСФСР, ТГПИ им. Л.Н. Толстого, 1972. – С. 70-82.
63. Зимин, В.И. Этимологический параметр в описании пословиц и поговорок [Текст] / В.И. Зимин // Фразеография в Машинном фонде русского языка. – М.: Наука, 1990. – С. 160-167.
64. Зимин, В.И. Синхронная этимология фразеологизмов, пословиц и поговорок [Текст] / В.И. Зимин // Русская словесность. – 2003. – № 4. – С. 55-58.
65. Зимин, В.И., Пак Сон Гу. О национально-культурных особенностях устойчивых сравнений [Текст] / В.И. Зимин, Сон Гу Пак // Культурные слои во фразеологизмах и в дискурсивных практиках. – М., 2004. – С. 102-114.
66. Зимин, В.И., Спириин, А.С. Пословицы и поговорки русского народа [Текст] / В.И. Зимин, А.С. Спириин // Объяснительный словарь. – М.: Сюита, 1996. – 544 с.
67. Кириллова, Н.Н. О денотате фразеологической семантики [Текст] / Н.Н. Кириллова // Вопросы языкознания. – 1986. – № 1. – С. 82-90.

68. Кириллова Н.Н. Фразеология романских языков: этнолингвистический аспект: монография [Текст] / Н.Н. Кириллова. – СПб.: Изд. РГПУ им. А.И. Герцена, 2003. – Ч. 1. – 319 с.
69. Кобозева, И.М. Лингвистическая семантика [Текст] / И.М. Кобозева. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 352 с.
70. Коваленко, Е.Г. Когнитивная семантика русских фразеологизмов [Текст] / Е.Г. Коваленко // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. – Новосибирск: НП «СибАК», 2014. – № 34. – С. 24-29.
71. Кожина, М.Н. Стилистика русского языка [Текст] / М.Н. Кожина. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 279 с.
72. Козырева, Л.Ф. О сопоставительном изучении фразеологии: на материале перевода [Текст] / Л.Ф. Козырева // Сопоставительная стилистика иностранных языков. – Ростов н/Д: Ростовский пед. ин-т. 1976. – С. 16-28.
73. Копыленко, М.М., Попова, З.Д. Очерки по общей фразеологии [Текст] / М.М. Копыленко, З.Д. Попова. – Воронеж: ВГУ, 1978. – 148 с.
74. Костелянц, Б.Л. Пути и средства перевода французской фразеологии на русский язык [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Б.Л. Костелянц. – Л., 1955. – 18 с.
75. Кравцов, С.М. Картина мира в русской и французской фразеологии (на примере концепта «поведение человека») [Текст]: дис. ... докт. филол. наук / С.М. Кравцов. – Ростов н/Д, 2008. – 391 с.
76. Кунин, А.В. Английская фразеология (теоретический курс) [Текст] / А.В. Кунин. – М.: Высшая школа, 1970. – 48 с.
77. Кунин, А.В. Внутренняя форма фразеологических единиц [Текст] / А.В. Кунин // Слово в грамматике и языке. – М.: Наука, 1984. – 188 с.
78. Кунин, А.В. Курс фразеологии современного английского языка [Текст] / А.В. Кунин. – М.: Высшая школа, 1986. – 344 с.
79. Кунин, А.В. Пути образования фразеологических единиц [Текст] / А.В. Кунин // Иностранные языки в школе. – 1971. – № 1. – С. 8-21.

80. Ларин, Б.А. История русского языка и общее языкознание [Текст] / Б.А. Ларин. – М.: Просвещение, 1977. – 224 с.
81. Леонтьев, А.А. Психология общения [Текст] / А.А. Леонтьев. – Тарту: ТГУ, 1976. – 220 с.
82. Леонтьев, А.А. Языковое сознание и образ мира [Текст] / А.А. Леонтьев // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. – М.: Институт языкознания, 1993. – С. 16-21.
83. Леса России [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.forest-russia.narod.ru/>
84. Лингвистика и аксиология: этносемиотрия ценностных смыслов: коллективная монография [Текст] / Е.Ф. Серебренникова, Н.П. Антипов и т.д. – М.: ТЕЗАУРУС, 2011. – 352 с. (ЛиА).
85. Мадарьяга, Сальвадор. Англичане, французы, испанцы [Текст] / Сальвадор Мадарьяга. – СПб.: Наука, 2003. – 244 с.
86. Маслова, В.А. Лингвокультурология: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений [Текст] / В.А. Маслова. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.
87. Мелерович, А.М. О фразеологической коннотации [Текст] / А.М. Мелерович // Проблемы фразеологии. – Тула: ТГПИ, 1980. – С. 13-20.
88. Мелерович, А.М., Дубова, М.Е. Основные виды словарной семантизации языковой картины мира в двуязычных фразеологических словарях [Текст] / А.М. Мелерович, М.Е. Дубова // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – Кострома, 2014. – Т. 20. – № 3. – С. 186-188.
89. Мелерович, А.М. Проблема семантического анализа фразеологических единиц современного русского языка [Текст] / А.М. Мелерович. – Ярославль, 1979. – 79 с.
90. Мигранова, Л. Ш. Фразеология романа «Анна Каренина» как фрагмент языковой картины мира Л. Н. Толстого [Текст]: дис. ... канд. филол. наук / Л. Ш. Мигранова. – Уфа: БашГУ, 2010. – 301 с.

91. Моисеева, С.А., Волошкина, И.А. Фразеологическая картина мира – воплощение этнического и когнитивного: на материале французского языка [Текст] / С.А. Моисеева, И.А. Волошкина // Языковая картина мира в лингвистике и лингводидактике: материалы I междунар. науч. конф. – Тамбов, 2-4 дек. 2009 г.: к 70-летию Ин-та иностр. яз. – Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009. – С. 73-77.
92. Мокиенко, В.М. В глубь поговорки [Текст] / В.М. Мокиенко. – М.: Просвещение, 1975. – 174 с.
93. Мокиенко, В.М. Проблемы ареального описания восточнославянской фразеологии [Текст] / В.М. Мокиенко // Сравнительно-типологические исследования славянских языков и литератур: Сборник статей к IX Международному съезду славистов. – Л.: ЛГУ, 1983. – С.40-66.
94. Мокиенко, В.М. Образы русской речи [Текст] / В.М. Мокиенко. – Л.: ЛГУ, 1986. – 280 с.
95. Мокиенко, В.М. Славянская фразеология [Текст] / В.М. Мокиенко. – М.: Высшая школа, 1989. – 287 с.
96. Мокиенко, В.М. Загадки русской фразеологии [Текст] / В.М. Мокиенко. – М.: Высшая школа, 1990. – 160 с.
97. Молотков, А.И. Основы фразеологии русского языка [Текст] / А.И. Молотков. – Л.: Наука, 1977. – 284 с.
98. Назарян, А.Г. Фразеология современного французского языка [Текст] / А.Г. Назарян. – М.: Высшая школа, 1976. – 318 с.
99. Назарян, А.Г. Идиоматические выражения французского языка [Текст] / А.Г. Назарян. – М.: Высшая школа, 1978. – 159 с.
100. Назарян, А.Г. История развития французской фразеологии [Текст] / А.Г. Назарян. – М.: Высшая школа, 1981. – 189 с.
101. Назарян, А.Г. Семантическая моделируемость фразеологизмов: реальность или фикция [Текст] / А.Г. Назарян // Филологические науки. – 1983. – № 6. – С. 34-40.

102. Ожегов, С.И. О структуре фразеологии (в связи с проектом фразеологического словаря русского языка) [Текст] / С.И. Ожегов // Лексикографич. сборник. – 1957. – Вып. 2. – С. 31-53.
103. Павленко, Т.Л. Перифразы – фразеологические единицы [Текст] / Т.Л. Павленко // Единицы лексики и фразеологии и их речевая реализация. – Ростов н/Д., 1993. – С. 62-70.
104. Павленко, Т.Л. Семантические поля и выбор коммуникации в процессе речевой деятельности [Текст] / Т.Л. Павленко // Современный русский язык: коммуникативно-функциональный аспект. – Ростов н/Д.: РГУ, 2003. – С.41-54.
105. Павленко, Т.Л. Лексико-фразеологическая регулярность переносных значений [Текст] / Т.Л. Павленко // Словесность: традиции и современность. – Ростов н/Д.: РГПУ, 2006. – С. 168-170.
106. Потебня, А.А. Из записок по русской грамматике [Текст] / А.А. Потебня. – М.: Учпедгиз, 1958. – Т. 1-2. – 536с.
107. Райхштейн, А.Д. Межъязыковое сопоставление фразеологических единиц [Текст] / А.Д. Райхштейн // Иностранные языки в школе. – 1979. – № 4. – С. 3-8.
108. Райхштейн, А.Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии [Текст] / А.Д. Райхштейн. – М.: Высшая школа, 1980. – 208 с.
109. Райхштейн, А.Д. О сопоставлении фразеологических единиц [Текст] / А.Д. Райхштейн // Иностранные языки в школе. – 1980. – № 4. – С. 8-15.
110. Рожанский, А.Я. Идиомы и их перевод [Текст] / А.Я. Рожанский // Иностранные языки в школе. – 1948. – № 3. – С. 25-29.
111. Савенкова, Л.Б. Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты [Текст] / Л.Б. Савенкова. – Ростов н/Д.: РГУ, 2002. – 240 с.
112. Савенкова, Л.Б. Фразеологические единицы русского языка, основанные на метонимии [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л.Б. Савенкова. – Ростов н/Д., 1984. – 224 с.

113. Селиверстова, Е.И. О передаче фразеологизмов Н.С. Лескова на чешский язык [Текст] / Е.И. Селиверстова // Проблемы комплексного анализа языка и речи. – Л., 1982. – С. 157-164.
114. Сидоренко, М.И. О смысловой структуре фразеологизма [Текст] / М.И. Сидоренко // Учен. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. А.И.Герцена. – Л., 1969. – Т. 370. – С. 5-53.
115. Сидоренко, М.И. Фразеологическое значение и толкование значения фразеологизмов в словарях (на материале русской идиоматики) [Текст] / М.И. Сидоренко // Фразеологизм и его лексикографическая разработка. – Минск, 1987. – С. 90-93.
116. Современный русский язык. Теория. Анализ языковых единиц: учебник для студ. высш. учеб. заведений. В 2 ч. Ч. 1. Фонетика и орфоэпия. Графика и орфография. Лексикология. Фразеология. Лексикография. Морфемика. Словообразование [Текст] / Е. И.Диброва, Л.Л. Касаткин, Н.А. Николина, И. И. Щеболева. — М.: Издательский центр «Академия», 2006. – 480 с. (СРЯД).
117. Солодуб, Ю.П. К вопросу о совпадении фразеологических оборотов в различных языках [Текст] / Ю.П. Солодуб // Вопросы языкознания. – 1982. – № 2. – С. 106-114.
118. Солодуб, Ю.П. К проблеме разграничения пословиц и поговорок в языках различных типов [Текст] / Ю.П. Солодуб // Филологические науки, 1994. – № 3. – С. 54-63.
119. Солодуб, Ю.П. К проблеме сопоставительного исследования фразеологической картины мира различных народов: фразеологическая модель, образно мотивирующая на основе ирреальности ситуации семантику невозможности [Текст] / Ю.П. Солодуб // Фразеология и миропонимание народа: Материалы Международной научной конференции. – Тула, 2002. – Ч. 2.
120. Солодуб, Ю.П. Национальная специфика и универсальные свойства фразеологии как объект лингвокультурологического исследования [Текст] / Ю.П. Солодуб // Филологические науки. – 1990. – № 6. – С. 55-65.

121. Солодуб, Ю.П. О двух типах безэквивалентной соотнесенности фразеологии различных языков [Текст] / Ю.П. Солодуб // Филологические науки. – 1992. – № 2. – С. 40-49.
122. Солодуб, Ю.П. Перспективы многоязычной сопоставительной фразеологии [Текст] / Ю.П. Солодуб // Филологические науки. – 2001. – № 2. – С. 48-56.
123. Солодуб, Ю.П. Русская фразеология как объект сопоставительного структурно-типологического исследования (на материале фразеологизмов со значением качественной оценки лица) [Текст]: автореф. дис. ... докт. филол. наук / Ю.П. Солодуб. – М., 1985. – 31 с.
124. Солодуб, Ю.П. Фразеологическая образность и способы ее параметризации [Текст] / Ю.П. Солодуб // Фразеография в Машинном фонде русского языка. – М., 1990. – С. 139-146.
125. Солодухо, Э.М. Понятие фразеологической эквивалентности и фразеологических интернационализмов [Текст] / Э.М. Солодухо // Исследования по семантике: лексическая и фразеологическая семантика. – Уфа: БашГУ, 1982. – С. 140-147.
126. Степанов, Ю.С. Константы: Словарь русской культуры [Текст] / Ю.С. Степанов. – М.: Академический проект, 2001. – 990 с.
127. Стернин, И.А. Лексическое значение слова в речи [Текст] / И.А. Стернин. – Воронеж: ВГУ, 1979. – 138 с.
128. Телия, В.Н. Вторичная номинация и её виды [Текст] / В.Н. Телия // Языковая номинация (Виды наименований). – М.: Наука, 1977. – С. 129-221.
129. Телия, В.Н. Метафоризация и её роль в создании языковой картины мира [Текст] / В.Н. Телия // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С. 173-203.
130. Телия, В.Н. Макет словарной статьи для автоматизированного толково-идеографического словаря идиом (АТИСИ): технология и идеология [Текст] / В.Н. Телия // Макет словарной статьи для автоматизированного толкового

идеографического словаря русских фразеологизмов. Образцы словарных статей. – М.: Институт языкознания АН СССР, 1991.

131. Телия, В.Н. Культурно-национальные коннотации фразеологизмов [Текст] / В.Н. Телия // Славянское языкознание. – М.: Наука, 1993. – 308 с.

132. Телия, В.Н. О методологических основаниях лингвокультурологии [Текст] / В.Н. Телия // Логика, методология, философия науки: Материалы XI Международной конференции. – М.: Обнинск, 1995. – С.102-106.

133. Телия, В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты [Текст] / В.Н. Телия. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 284 с.

134. Фёдоров, А.И. Развитие русской фразеологии в конце XVIII – начале XIX века [Текст] / А.И. Фёдоров. – Новосибирск: Наука, 1973. – 170 с.

135. Шанский, Н.М., Зимин, В.И., Филиппов, А.В. Опыт этимологического анализа русских фразеологизмов [Текст] / Н.М. Шанский, В.И. Зимин, А.В. Филиппов. – М., 1987. – 240 с.

136. Шанский, Н.М. Фразеология современного русского языка [Текст] / Н.М. Шанский. – М.: Высшая школа, 1985. – 160 с.

137. Шаповалова, А.П. Внешние и внутренние факторы развития языка при аббревиации [Текст] / А.П. Шаповалова // Язык. Дискурс. Текст: материалы междунар. конф. – Ростов н/Д: РГПУ, 2004. – Ч. 1. – С. 231-232.

138. Шелест, К. Дуэль во времена мушкетеров [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://www.history-illustrated.ru/article_73.html?PHPSESSID=943bc86342d37e1669d9f3cd521fd1a0

139. Les expressions françaises décortiquées. A Pâques ou à la Trinité [Электронный ресурс] / Режим доступа : <http://www.expressio.fr/expressions/a-paques-ou-a-la-trinite.php>

140. Les expressions françaises décortiquées. C'est la Bérézina [Электронный ресурс] / Режим доступа : <http://www.expressio.fr/expressions/c-est-la-berezina.php/>

141. Les expressions françaises décortiquées. Casser sa pipe [Электронный ресурс] / Режим доступа : <http://www.expressio.fr/expressions/casser-sa-pipe.php>

Словари, энциклопедии, справочники

142. Большой фразеологический словарь русского языка [Текст] / Под ред. В.Н. Телия. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. – 781 с. (БФСРЯ).

143. Бирих, А.К., Мокиенко, В.М., Степанова, Л.И. Русская фразеология: историко-этимологический словарь [Текст] / А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова. – М.: Астрель; АСТ: Люкс, 2005. – 926 с. (РФИЭС).

144. Википедия. Битва при Мальплаке [Электронный ресурс] / Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Битва_при_Мальплаке/

145. Википедия. Второе пришествие Иисуса Христа [Электронный ресурс] / Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Второе_пришествие_Иисуса_Христа/

146. Википедия. География Франции [Электронный ресурс] / Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/География_Франции/

147. Википедия. Калач [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Калач/>

148. Википедия. Кодр [Электронный ресурс] / Режим доступа: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Кодр_\(мифология\)/](https://ru.wikipedia.org/wiki/Кодр_(мифология)/)

149. Википедия. Лес [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Лес/>

150. Википедия. Сражение на Березине [Электронный ресурс] / Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Сражение_на_Березине/

151. Википедия. Трафальгарское сражение [Электронный ресурс] / Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Трафальгарское_сражение/

152. Википедия. Chanson de geste [Электронный ресурс] / Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Chanson_de_geste

153. Жуков, В.П., Сидоренко, М.И., Шкляров, В.Г. Словарь фразеологических синонимов русского языка [Текст] / Под ред. В.П. Жукова. – М.: Русский язык, 1987. – 448 с.
154. Комлев, Н.Г. Словарь новых иностранных слов [Текст] / Н.Г. Комлев – М.: МГУ, 1995. – 144 с.
155. Кравцов, С.М. Французско-русский словарь фразеологических соответствий [Текст] / Под ред. П. Кабаньольса. – Ростов-н/Д: Ростиздат, 2009. – 250 с. (ФРСФС).
156. Крысин, Л.П. Иллюстрированный толковый словарь иностранных слов [Текст] / Л.П. Крысин. – М.: Эксмо, 2010. – 864 с.
157. Лингвистический энциклопедический словарь [Текст] / Под ред. В.Н. Ярцевой. – М.: Большая советская энциклопедия, 1990. – 709 с. (ЛЭС).
158. Мелерович, А.М., Мокиенко, В.М. Фразеологизмы в русской речи. Словарь [Текст] / А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко. – М.: Русские словари, Астрель, 2005. – 855 с.
159. Мокиенко, В.М., Никитина, Т.Г. Словарь русской брани: матизмы, обсценизмы, эвфемизмы [Текст] / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. – СПб.: Норинт, 2004. – 448 с.
160. Молотков, А.И., Жост, М.-Л. Учебный русско-французский фразеологический словарь [Текст] / А.И. Молотков, М.-Л. Жост. – М.: Астрель, АСТ, 2001. – 336 с.
161. Назарян, А.Г. Почему так говорят по-французски (происхождение и толкование идиоматических выражений) [Текст] / А.Г. Назарян. – М.: Наука, 1968. – 352 с.
162. Новая философская энциклопедия: В 4 т. [Текст] / Ин-т философии РАН, Нац. Общ.-научн. Фонд. – М.: Мысль, 2010. – Т. 1. – 744 с.
163. Новое в русской этимологии [Текст] / ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН. – М., 2002. – 280 с. (НРЯ).

164. Новый большой французско-русский фразеологический словарь [Текст] / Под ред. В.Г. Гака. – М.: Русский язык – Медиа, 2005. – 1624 с. (НБФРФС).
165. Ожегов, С.И. Словарь русского языка [Текст] / С.И. Ожегов. – М.: Русский язык, 1989. – 921 с.
166. Ожегов, С.И., Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений [Текст] / ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН. – М.: ООО «ИНФОТЕХ», 2009. – 944 с. (ТСРЯ)
167. Словарь современного русского литературного языка. Тт. 1-17 [Текст]. – М.-Л.: АН СССР, 1948-1965. (БАС).
168. Словарь-тезаурус современной русской идиоматики [Текст] / Под ред. А.Н. Баранова, Д.О. Добровольского. – М.: Мир энциклопедий Аванта+, 2007. – 1135 с.
169. Соколова, Г.Г., Трусова, О.И., Луговой, В.С. Учебный французско-русский фразеологический словарь [Текст] / Г.Г. Соколова, О.И. Трусова, В.С. Луговой. – М.: Астрель: Транзиткнига, 2006. – 542 с.
170. Тимошенко, И.Е. Литературные первоисточники и прототипы трехсот русских пословиц и поговорок [Текст] / И.Е. Тимошенко. – Киев: Типография Петра Барского, 1897. – 200 с.
171. Толковый словарь чешского языка [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://bara.ujc.cas.cz/psjc/search.php?hledej=Hledej&heslo=je%C5%99%C3%A1b&where=hesla&zobraz_ps=ps&zobraz_cards=cards&pocet_karet=3&numcchange=no¬_initial=1
172. Философский энциклопедический словарь [Текст]. – М.: ИНФРА-М. 2009. – 570 с.
173. Фразеологический словарь русского языка [Текст] / Под ред. А.И. Молоткова. – М.: Русский язык, 1987. – 543 с. (ФСРЯ).
174. Фразеологический словарь русского языка [Текст] / Под ред. И.В. Федосова, А.Н. Лапицкого. – М.: ЮНВЕС, 2003. – 608 с. (ФСРЯФЛ)

175. Яранцев, Р.И. Русская фразеология. Словарь-справочник [Текст] / Р.И. Яранцев. – М.: Русский язык, 1997. – 846 с.
176. Dictionnaire des expressions et locutions [Text] / sous la direction de A. Rey et S. Chantreau. – Paris: Ed. Les Usuels du Robert Poche, 1997. – 888 с. (DEL).
177. Dictionnaire des expressions idiomatiques [Text] / sous la direction de M. Ashraf et D. Miannay. – Paris: Ed. Le Livre de Poche, 1999. – 416 с.
178. Dictionnaire des locutions françaises [Text] / sous la direction de M. Rat. – Paris: Ed. Librairie Larousse, 1981. – 448 с.
179. Le Nouveau Petit Robert. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française [Text] / sous la direction de J. Rey-Debove et A. Rey. – Paris: Ed. Dictionnaires Le Robert, 1994. – 2490 p. (DLF).
180. Sommant, M. Dictionnaire des locutions et des expressions. [Text] / sous la direction de M. Sommant. – Paris: Ed. POCKET, 2003. – 595 с. (DLE).
181. Wikisource. Biographie nationale de Belgique. Berthe [Электронный ресурс] / Режим доступа : [http://fr.wikisource.org/wiki/Biographie_nationale_de_Belgique/Tome_2/BERTHE_\(m%C3%A8re_de_Charlemagne\)](http://fr.wikisource.org/wiki/Biographie_nationale_de_Belgique/Tome_2/BERTHE_(m%C3%A8re_de_Charlemagne)).

ПРИЛОЖЕНИЕ

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЦЕННОСТЕЙ ВО ФРАЗЕОЛОГИИ РУССКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ СООБЩЕСТВ

Таблица 1. Репрезентация ценностей посредством семантики ФЕ

	Ценности русского лингвокультурного сообщества	Ценности французского лингвокультурного сообщества
Ценности, репрезентированные во фразеологии обоих лингвокультурных сообществ	Национальное историческое прошлое, культурные или природные географические объекты, расположенные на территории сообщества, гостеприимство, щедрость, радушие, открытость, финансово-экономическая и социально-политическая составляющие жизни, гастрономические пристрастия, различные виды развлечений, натурализм	Национальное историческое прошлое, культурные или природные географические объекты, расположенные на территории сообщества, гостеприимство, щедрость, радушие, открытость, финансово-экономическая и социально-политическая составляющие жизни, гастрономические пристрастия, различные виды развлечений, натурализм
Ценности, в большей степени репрезентированные во фразеологии того или иного лингвокультурного сообщества	Гостеприимство, щедрость, радушие, открытость	Финансово-экономическая и социально-политическая составляющие жизни, гастрономические пристрастия, различные виды развлечений, натурализм
Ценности, репрезентированные во фразеологии только одного лингвокультурного сообщества	Целомудрие, женская невинность, прочность семейных отношений	Чрезмерная свобода половых отношений, легкость измены своему партнеру, ценностное отношение к
Антиценности, репрезентированные во фразеологии обоих лингвокультурных сообществ	Преступное поведение	Преступное поведение

Таблица 2. Репрезентация ценностей посредством лексико-грамматического состава ФЕ

	Ценности русского лингвокультурного сообщества	Ценности французского лингвокультурного сообщества
Ценности, репрезентированные во фразеологии обоих лингвокультурных сообществ	Историческое прошлое, знание Библии, ее персонажей, традиционные национальные имена людей, растительный мир, животный мир, любовь к своей родине, национальный фольклор, сельское хозяйство, финансово-экономическая деятельность, гастрономия, развлечения, физиология человека, вольное отношение к речевому этикету, понятие собственности	Историческое прошлое, знание Библии, ее персонажей, традиционные национальные имена людей, растительный мир, животный мир, любовь к своей родине, национальный фольклор, сельское хозяйство, финансово-экономическая деятельность, гастрономия, развлечения, физиология человека, вольное отношение к речевому этикету, понятие собственности
Ценности, в большей степени репрезентированные во фразеологии того или иного лингвокультурного сообщества	Национальный фольклор сельское хозяйство	Финансово-экономическая деятельность, гастрономия, развлечения, физиология человека, вольное отношение к речевому этикету, понятие собственности

Таблица 3. Репрезентация ценностей посредством образной составляющей ФЕ

	Ценности русского лингвокультурного сообщества	Ценности французского лингвокультурного сообщества
Ценности, репрезентированные во фразеологии обоих лингвокультурных сообществ	Историческое прошлое, духовная связь с Богом, животный мир, национальные традиции и обычаи	Историческое прошлое, духовная связь с Богом, животный мир, национальные традиции и обычаи
Ценности, репрезентированные во фразеологии только одного лингвокультурного сообщества	Национальный фольклор	

Таблица 4. Репрезентация ценностей посредством межъязыковых фразеологических омонимов

	Ценности русского лингвокультурного сообщества	Ценности французского лингвокультурного сообщества
Ценности, репрезентированные во фразеологии обоих лингвокультурных сообществ	Материальная выгода, практическое, утилитарное отношение к окружающей среде, позволяющее извлечь из нее какую-либо пользу	Материальная выгода, практическое, утилитарное отношение к окружающей среде, позволяющее извлечь из нее какую-либо пользу
Ценности, в большей степени репрезентированные во фразеологии того или иного лингвокультурного сообщества		Материальная выгода, практическое, утилитарное отношение к окружающей среде, позволяющее извлечь из нее какую-либо пользу

Таблица 5. Репрезентация ценностей посредством ФЕ, выражающих когнитивные различия

	Ценности русского лингвокультурного сообщества	Ценности французского лингвокультурного сообщества
Ценности, репрезентированные во фразеологии обоих лингвокультурных сообществ	Открытость, радушие, человеческая непосредственность, эрудированность, образованность, покорность, дисциплинированность	Открытость, радушие, человеческая непосредственность, эрудированность, образованность, покорность, дисциплинированность
Ценности, в большей степени репрезентированные во фразеологии того или иного лингвокультурного сообщества	Открытость, радушие, человеческая непосредственность, эрудированность, образованность	Покорность, дисциплинированность

Таблица 6. Парадигма ценностей русского и французского лингвокультурных сообществ, установленная в результате анализа их фразеологии

	Ценности русского лингвокультурного сообщества	Ценности французского лингвокультурного сообщества
Ценности, репрезентированные во фразеологии обоих лингвокультурных сообществ	Национальное историческое прошлое, культурные или природные географические объекты, расположенные на территории сообщества, гостеприимство, щедрость, радушие, открытость, финансово-экономическая и социально-политическая составляющие жизни, гастрономические пристрастия, различные виды развлечений, натурализм, знание Библии, ее персонажей, традиционные национальные имена людей, растительный мир, животный мир, любовь к своей родине, национальный фольклор, сельское хозяйство, физиология человека, вольное отношение к речевому этикету, понятие собственности, национальные традиции и обычаи, материальная выгода, эрудированность, образованность, покорность, дисциплинированность	Национальное историческое прошлое, культурные или природные географические объекты, расположенные на территории сообщества, гостеприимство, щедрость, радушие, открытость, финансово-экономическая и социально-политическая составляющие жизни, гастрономические пристрастия, различные виды развлечений, натурализм, знание Библии, ее персонажей, традиционные национальные имена людей, растительный мир, животный мир, любовь к своей родине, национальный фольклор, сельское хозяйство, физиология человека, вольное отношение к речевому этикету, понятие собственности, национальные традиции и обычаи, материальная выгода, эрудированность, образованность, покорность, дисциплинированность
Ценности, в большей степени репрезентированные во фразеологии того или иного лингвокультурного сообщества	Гостеприимство, щедрость, радушие, открытость, человеческая непосредственность, эрудированность, образованность, национальный фольклор, сельское хозяйство	Материальная выгода, вольное обращение с речевым этикетом, покорность, дисциплинированность, ценностное отношение к финансово-экономической и социально-политической сферам жизни, гастрономическим пристрастиям, различным видам развлечений, натурализму, к понятию собственности

Ценности, репрезентированные во фразеологии только одного лингвокультурного сообщества	Целомудрие, женская невинность, прочность семейных отношений	Чрезмерная свобода половых отношений, легкость измены своему партнеру
Антиценности, репрезентированные во фразеологии обоих лингвокультурных сообществ	Преступное поведение	Преступное поведение

Таблица 7. Ценности русского лингвокультурного сообщества, выявленные в соответствии с критериями анализа ФЕ

Ценности, антиценности ↓	Критерии анализа ФЕ				
	Семантика ФЕ	Лексико-грамматический состав ФЕ	Образная составляющая ФЕ	Межъязыковая фразеологическая омонимия	ФЕ, выражающие когнитивные различия
национальное историческое прошлое	+	+	+		
культурные или природные географические объекты, расположенные на территории сообщества	+		+		
гостеприимство	+		+		
щедрость	+		+		
радушие	+		+		
открытость	+		+		
финансово-экономическая и социально-политическая составляющие жизни	+	+			
гастрономические пристрастия	+	+	+		
различные виды развлечений	+	+			
натурализм	+	+	+		
знание Библии, ее персонажей		+	+		

традиционные национальные имена людей		+			
растительный мир		+	+		
животный мир		+	+		
любовь к своей родине	+		+	+	
национальный фольклор		+	+		
сельское хозяйство		+	+		
физиология человека	+	+	+		
вольное отношение к речевому этикету		+			
понятие собственности	+		+		
национальные традиции и обычаи		+	+		
материальная выгода	+		+		
эрудированность, образованность	+		+		+
покорность, дисциплинированность			+		
человеческая непосредственность	+		+		+
целомудрие, женская невинность	+		+		
прочность семейных отношений	+		+		
преступное поведение	+				

Таблица 8. Ценности французского лингвокультурного сообщества, выявленные в соответствии с критериями анализа ФЕ

Ценности, антиценности ↓	Критерии анализа ФЕ				
	Семантика ФЕ	Лексико-грамматический состав ФЕ	Образная составляющая ФЕ	Межъязыковая фразеологическая омонимия	ФЕ, выражающие когнитивные различия
национальное историческое прошлое	+	+	+		
культурные или природные географические объекты, расположенные на территории сообщества	+	+	+		
гостеприимство	+		+		
щедрость	+		+		
радушие	+		+		
открытость	+		+		+
финансово-экономическая и социально-политическая составляющие жизни	+	+	+		
гастрономические пристрастия	+	+	+		
различные виды развлечений	+	+	+		
натурализм	+	+	+		
знание Библии, ее персонажей		+	+		
традиционные национальные имена людей		+			
растительный мир		+	+		
животный мир		+	+		
любовь к своей родине	+		+		
национальный фольклор		+			
сельское хозяйство		+			
физиология человека	+	+	+		

вольное отношение к речевому этикету		+			
понятие собственности	+	+	+		
национальные традиции и обычаи		+	+		
материальная выгода	+		+	+	
эрудированность, образованность	+		+		
покорность, дисциплинированность	+		+		+
чрезмерная свобода половых отношений	+	+	+		
легкость измены своему партнеру	+		+		
преступное поведение	+				